

КНИЖНАЯ
ЛАВКА

ТРИНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Роман-гипотеза |

Сергей Кредов

*В этом повествовании правда
покоится на прочном основании вымысла.*

Не пытайтесь разделить одно от другого.

Едва ли у вас получится.

Памяти Валерия Петровича Литвинова посвящается

Чистосердечное признание автора

Один известный человек начал свою автобиографию так: «Эта книга написана потому, что автору нужны деньги».

Почему написана книга, которую держит в руках читатель?

Ради денег? Но автор вряд ли прилично заработает с помощью своей книги. Ради славы? Для славы нужны деньги, а их в таком количестве у автора нет. К тому же автор вторгся в сферы, куда его никто не приглашал, – высшей власти, крупного бизнеса, строжайше охраняемых государственных секретов. Маленькие люди в этих сферах – как щепки, их заносит туда случайным ветром и уносит, покружив под ногами у сильных мира, не раздавили – и на том спасибо. Об увиденном там лучше забыть. А тут – роман...

Эта книга написана потому, что автора захватили события, о которых он решил рассказать. Другого объяснения у него нет.

Так бывает: живет себе человек тихо, смирно. И вдруг становится невольным свидетелем удивительных происшествий, словно за занавеску

заглянул: «Ага, любовь-морковь. Господи, кража...Похищение! Да там, кажется, и убийство замышляют! Деньги делят. И все это в высших эшелонах власти!» Человеку становится не по себе, он бежит со всех ног к своим знакомым, чтобы поделиться увиденным. Примерно в таком состоянии и пребывал автор, когда писал свою книгу.

Ну и ну, скажет читатель, неужели автор не знал, как будут разворачиваться события в его романе? Представьте – не знал! Теперь – внимание: действие романа разворачивается 18 августа – 3 сентября 2007 года, а закончен он был гораздо раньше, примерно за полгода до того. Откуда же автору было знать, как поведут себя в романе его герои? Ну вы сами подумайте?

В книге нет ни одного вымышленного персонажа, у каждого есть прототип, взятый из жизни. Некоторые характеры – верно, слегка изменены, но тут уж никуда не денешься. Однако большинство из описанных в романе событий – автор на этом настаивает – имели место! А остальных не то чтобы не было, просто мы не знаем в точности, происходили они или нет. Может быть, еще произойдут.

Реальные люди встретились в реальных обстоятельствах. И разыграли представление, которое автор просмотрел, записал в меру своего таланта и предлагает на суд читателей.

Со слов автора записано верно. Дата. Подпись.

Как похвалу автор воспринимает вопрос, который ему не раз задавали после 2007 года:

– А это было? То что описано в книге?

Что тут ответить? Сказано же выше: некоторые события, возможно, еще произойдут...

– Не знаю. Я давно не смотрю телевизор.

Из добавления автора к Чистосердечному признанию от 2013 года.

Глава первая,

в которой люди огорчаются по поводу мелких неприятностей, в то время как крупные неприятности бродят рядом

Все-таки главное в профессии оперативника – умение «включать дурака». В этом Ильич убедился за свою долгую и не слишком успешную карьеру.

От кого он впервые услышал это выражение: «включать дурака»? А, сейчас не важно, хоть бы и сам придумал. Оцените, насколько это важное умение. Допустим, вызывает опера высокое начальство и, стуча по столу кулаком, дает *поручение*. Опер ушам своим не верит: что за глупость! Как опытный человек может предлагать такое? Однако начальство ведь не просто так стучало кулаком. Умный опер быстро вникает в ситуацию, говорит «есть» и бодрым шагом отправляется рыть землю. Завтра начальство накричит на него по другому поводу, а о данном поручении и не вспомнит. Потому что оно не хуже опера понимает: показания, которые требовалось с исключительным тщанием проверить, есть плод богатой фантазии свидетеля. Глупое поручение спустили из еще более высокой инстанции. И начальство, выслушав его, отреагировало, как наш опер, то есть «включило дурака». А что делать, если сегодня каждый потерпевший ухитряется куда-то пожаловаться? Если всякий *терпила* (как выражаются уголовники, милиционеры и некоторые политики) убежден: он дает сыщикам ключ к раскрытию преступления, подсказывает оригинальные версии, а те все отсекают, поскольку озабочены только одним – быстрее завершить дело и доложить о своем достижении руководству.

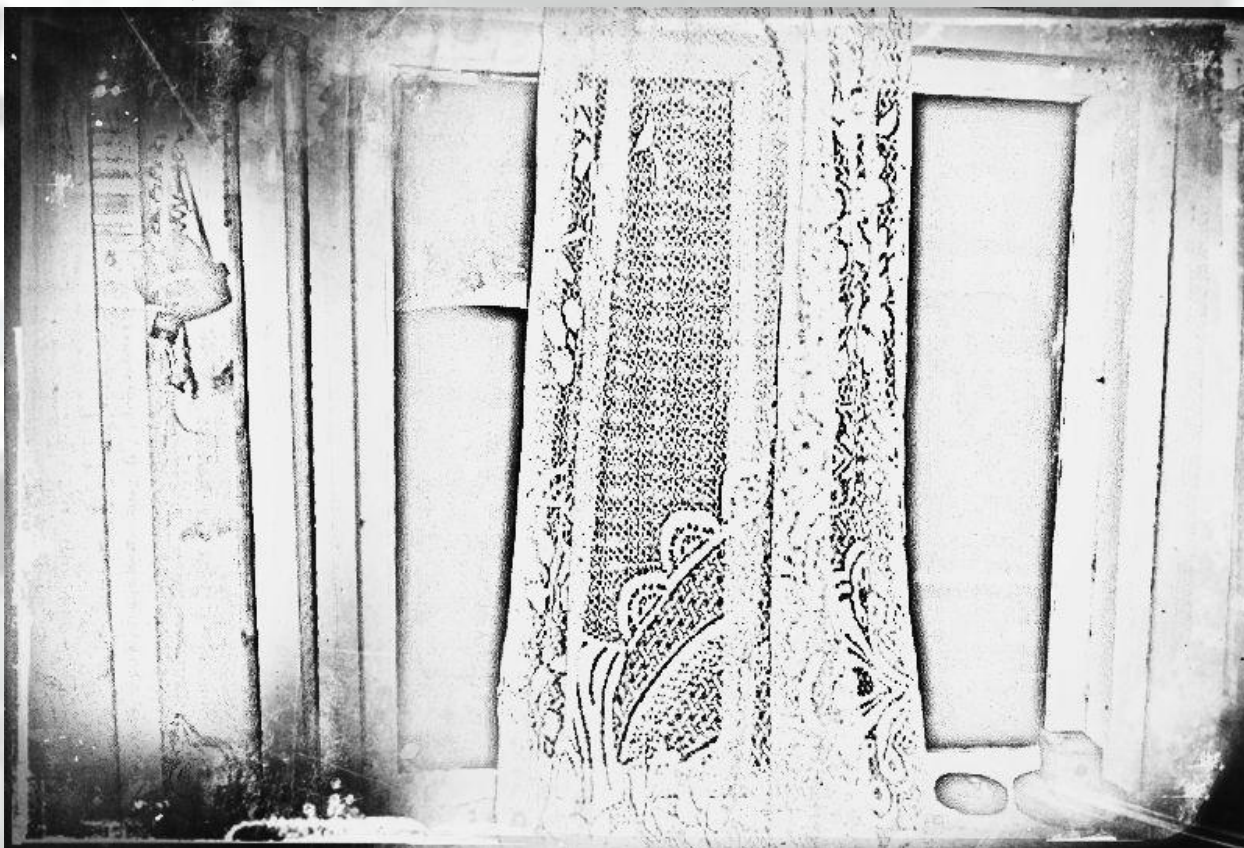
Ильич был уверен, что подобная игра между начальниками и подчиненными ведется испокон веку и всюду. И российская милиция тут мало чем отличается от Скотленд-Ярда или ФБР. Да что там – от любого

гражданского ведомства и любой частной компании. Самая популярная в мире бюрократическая забава. Так было и так будет.

* * *

Владимир Ильич Найденов, начальник криминальной милиции Прибрежного РОВД Санкт-Петербурга, с неприязнью поглядывал на молодого опера. Из-за этого парня сейчас весь их райотдел вытасчат на заурядную квартирную кражу. А подполковник Найденов уже тут – поздним вечером 31 августа 2007 года.

Полубуйтесь на этого пинкертона: кожаный пиджак на спинке стула, сам перетянут ремнями, кобура под мышкой. Человек вышел из боя с бандитами. Он наводил ужас на питерскую мафию и вынужден был отвлечься из-за какой-то ерунды. Его заставили лично прибыть на место, смешно сказать, квартирной кражи. Парень пробежался галопом по комнатам, уселся на кухне и уже битый час *ездит по ушам* потерпевшему, вместо того, чтобы заниматься делом:

– Гастролеры работали, сто процентов. Ну как мы их найдем, сами посудите? Вы же образованный человек. Завтра их уже в Питере не будет. Заявление станете оформлять? Ваше, ваше право, я же не спорю. Если охота нервы впустую тратить... Не бог весть что у вас тут пропало, я вижу.

Сарафанов, так звали потерпевшего, был готов тратить нервы, он на это настроился. Это читалось в его лихорадочном, мутном от негодования взгляде. Он старался выглядеть человеком искушенным, хорошо представляющим, как раскрывают квартирные кражи, когда действительно этого хотят. Но на каждый его вопрос у опера находилась отговорка. Сарафанов не знал, что возразить, и от этого злился.

– Снимайте же отпечатки пальцев, наконец! Где ваш этот... эксперт-криминалист?

– Он на *трупе*, – разъяснял опер.

– А где кинолог с собакой?

– Там же. А чем вам поможет собака? Деревня у нас тут, что ли? У нас тут, господин Сарафанов, мегаполис. Собака доведет до ближайшей автобусной остановки – в лучшем случае.

Смотреть противно. Ясное дело, кражонку эту раскрыть вряд ли удастся. Но ты изобрази деятельное участие, сделай вид, что Прибрежный райотдел милиции костыми ляжет, чтобы найти и покарать злодеев. Оскорбленный Сарафанов позвонил знакомому чиновнику из мэрии, нажаловался на милицию, которая даже заявления не принимает. Злой спросонья чиновник отчитал дежурного по главку. И вот уже начальник штаба Главного управления внутренних дел по Санкт-Петербургу генерал Агеев позвонил Найденову, потребовал «оторвать задницу от дивана, лично прибыть на место происшествия, прекратить этот бардак», присовокупив кучу еще более крепких слов.

Вообще-то задница Ильича заслужила, чтобы в этот час находиться именно на диване. Два дня назад подполковнику исполнилось 37. Позвонил его сын-студент, поздравил и сказал:

– Отец, у меня для тебя подарок. Когда лучше подъехать? В выходные?

– Нет, только не в выходные. Опять кого-нибудь обворуют – все лето кража за кражей. Давай... вот в пятницу нормально, приезжай.

Сын действительно угадал с подарком. Он привез диск с записью знаменитых футбольных матчей. Они выбрали встречу Италия – Бразилия на чемпионате мира 1982 года, ту самую, где Росси забил бразильцам три мяча и вывел Италию в полуфинал ЧМ. Но они не успели увидеть даже первый гол, когда позвонил генерал Агеев.

При таких обстоятельствах поздним вечером 31 августа, в пятницу, Владимир Ильич Найденов оказался в квартире №2 по улице Энтузиастов, 14.

* * *

Нескольких секунд хватило подполковнику, чтобы оценить: дело, конечно, кислое. Эту картину он видел десятки раз. На кухне выпотрошена аптечка. Что взято? Ноутбук, роликовые коньки, гитара – воры как будто мели без системы, все подряд. Это, конечно, нарки – подростки лет 13 – 14 зарабатывали себе на дозу. Э-э, да не на одну, а на много доз – у Сарафанова пропала еще и заначка в две тысячи долларов. Влезли через открытую форточку. Люди живут на первом этаже, ни сигнализации у них, ни решеток на окнах. Странно, что плакат не повесили: «Благотворительная организация «Сарафановы и Ко» уехала на дачу, заходите, окрестные наркоманы, берите две тысячи денег». И опять на злополучной улице Энтузиастов. Испоганила она их райотделу всю статистику раскрываемости.

Ильич, в отличие от молодого опера, был тертый калач. Через 15 минут после его появления в разоренном сарафановском жилище царил деловитая обстановка раскрытия преступления. Эксперт в очочках с интеллигентной бородкой, похожий на университетского профессора, колдовал над предметами, которых могла коснуться рука налетчика. Даже хозяйка квартиры перестала всхлипывать и сомнамбулой бродить по комнатам. В ее глазах начал поблескивать азарт детектива. Вот, смотрите-ка, воры фомку

забыли! В самом деле, давайте ее сюда – какие четкие пальчики! – сняты, порядок. Кинолог с овчаркой покрутился и ушел во тьму ночи. Через минуту вызвал Найденова за дверь и шепнул, что следы воров потерялись метрах в пятидесяти от подъезда, с другой стороны дома – напротив сарафановских окон. Найденов многозначительно кивнул: отрицательный результат – тоже результат, все пойдет в копилку расследования. Воры, значит, уехали на машине. Есть зацепка. Надо будет поискать свидетелей, возможно, кто-то видел машину и сможет ее описать.

По большому счету, не такой уж страшный урон нанесли Сарафановым визитеры (отметил про себя Найденов). Общий ущерб потянет тысячи на три с половиной. Деньги у них явно не последние. Если извлекут урок из происшедшего, то вскоре будут вспоминать об этой истории как о мелкой неприятности, которая, возможно, предостерегла их от значительно большей беды. Не так давно в их районе воры сожгли квартиру. А тут... Переживут.

Сарафанова с возрастающим любопытством наблюдала за действиями сыщиков. Ей начинал нравиться этот спокойный, рассудительный подполковник. Только хозяин квартиры не унимался. Он заметно приободрился после звонка в мэрию, последовавшего затем переполоха, и теперь высказывал Найденову все, что он думает о работе милиции. Обычная песня, слышанная Ильичом сотни раз. Ответы на все эти упреки Найденов знал давно, и сводились они к тому, что государство само довело милицию до ручки, но вступать в спор подполковник считал бесполезным. Он только сказал: «Мой вам совет: укрепите окна решетками и поставьте квартиру на сигнализацию. Иначе опять залезут». Вскоре можно будет отчаливать, прикинул Найденов.

Он позвонил домой:

– Вовчик, я буду минут через двадцать. Дождись, сынуль.

– Конечно, дождусь. Не спеши, папа.

Через минуту его телефон опять зазвонил.

– Да, Вовчик?

Вовчик, да не тот. Генерал Агеев!

– Вот что, Ильич, – начальник штаба ГУВД как будто не обратил внимания, что Найденов назвал его Вовчиком. – Выдвигайся по адресу Энтузиастов, 14. Мухой.

– Я уже в адресе, товарищ генерал.

– Где? А-а... Ну ее к лешему, эту кражу! Пусть там твой опер заканчивает. Чеши в соседний подъезд, там что-то серьезное. Я сам не все понимаю. *Socedi* просят подключиться. Ты мужик опытный, сориентируйся на месте. Главное, чтобы к нам никаких претензий.

На сей раз начштаба не кричал. Именно поэтому подполковник понял: случилось что-то из ряда вон, из серии происшествий, которые могут отменить его планы не только на сегодняшний вечер, но и на много других вечеров. Ильича не понукали, его *попросили* (в милицейском стиле, конечно) прикрыть брешь, помочь соседям, то есть чекистам, решить какую-то их проблему. Свет клином сегодня сошелся на Ильиче.

– Все, сынуль, я завис до утра. Не жди. Завтра созвонимся.

О доме теперь можно не думать. Найденов с озабоченным видом направился к выходу.

– Рановато нас покидаете, товарищ подполковник, – язвительно заметил Сарафанов. – Не хотелось на вас жаловаться, но, боюсь, придется.

– Ваше право.

– У меня сплошные права, вас послушать! Могу жаловаться, могу не жаловаться. Могу подать заявление, могу не подавать. А нету у меня права вернуть похищенное?

Ильич хотел ответить пожестче, слегка отомстить Сарафанову, который, по большому счету, сам шляпа, но встретил взгляд его супруги и спокойно сказал:

– Завтра утром приходите в отделение. Подготовьте список пропавших вещей. Опишите подробно, как все было. Когда уехали на дачу, кто знал об

этом, может быть, вспомните странные звонки по телефону или кто-нибудь звонил вам в дверь. Любая мелочь поможет следствию. Будем работать.

– Владимир Ильич! Вы, пожалуйста, поймите наше состояние и не обижайтесь, – произнесла Сарафанова. – Я... я вам верю.

– Ваше состояние я понимаю, поверьте. Сделаем все от нас зависящее.

Последние слова Найденов произнес с большей убежденностью. Он бросил выразительный взгляд на опера и поспешил к выходу.

Его часы показывали 23.15.

* * *

Выйдя на улицу, Ильич осмотрелся. Его смутило отсутствие каких-либо признаков того, что в соседнем – втором подъезде произошло серьезное преступление. Ни милицеских машин, ни высокого начальства. Он стал подниматься по лестнице и на площадке третьего этажа увидел полосу яркого света. Квартира №45, крайняя слева. Дверь приоткрыта. Изнутри не доносилось ни звука, но чувствовалось, что там происходит важная, бесшумная работа. Найденов миновал коридор и оказался в большой, ярко освещенной комнате.

– Владимир Ильич? Мы вас ждем, – приземистый, седой мужчина с вмятиной на переносице протянул ему руку. – Сергей Борисович Жеваго. А это мои коллеги.

– Подполковник Найденов, начальник криминальной милиции Прибрежного РОВД.

Седой сделал знак, означавший: оставьте официальный тон, мы знаем, кто вы, к делу, к делу!

Ильич осмотрелся. Замок на входной двери вскрыт, это он заметил еще у порога. Вскрыт кем-то из присутствующих, поскольку части замочного механизма лежали на столе, собранные в целлофановый пакет. В комнате, помимо седого, находились еще трое, которые были поглощены изучением находившихся здесь предметов. Делали они это с предосторожностью, словно допускали, что хозяин жилища может внезапно вернуться и застать

их за предосудительным занятием. Книги, фотоснимки, бумаги после осмотра бережно возвращались на места, откуда были взяты. Они едва кивнули вошедшему. Принадлежность всех четверых к *конторе* определялась с первого взгляда. Ничего хорошего это подполковнику не сулило. Он кожей чувствовал, что если речь пойдет о раскрытии серьезного преступления, то быть ему в этой компании ломовой лошадью: чекисты большие мастера окружать происходящее таинственностью, нагружать милицию самой неблагодарной и трудоемкой работой, а лавры раскрытия присваивать себе.

Но погружаться в подобные переживания было некогда. Гораздо важнее было узнать, что произошло с хозяином этого богатого, хотя и без кричащей роскоши, жилища. И какая роль в раскрытии преступления отводится ему, подполковнику Найденову?

– Есть основания полагать, что с хозяином этой квартиры произошли серьезные неприятности, – без эмоций произнес седой. – В общем, он исчез.

Создана межведомственная группа, вы будете начальником штаба по раскрытию этого преступления.

– Похищение? Но это не моя тема. Почему не ФСБ, не управление по оргпреступности?

– Кто сказал «похищение»? Мы этого не утверждаем. И самое главное, Владимир Ильич. Все случившееся не предназначено для разглашения. Даже своему начальству вы будете докладывать информацию дозированно. Официальная версия: хозяин уехал в командировку, в его отсутствие квартиру обчистили. Вы должны провести поквартирный опрос жильцов: кто и что видел сегодня вечером? Незнакомые люди, подозрительные машины. Не мне вас учить. Короче, из-под земли найти очевидцев.

– Похище... виноват, неприятности произошли с этим человеком сегодня вечером?

– Меньше часа назад. Ровно в 22.20.

«Какая точность! В засаде, что ли, они сидели с хронометром? Темнят, как обычно. А потом ровно в 5.43 его так же загадочно освободят. Менты к тому времени проделают кучу бесполезной работы».

– К опросу жильцов когда приступить? Может быть, утром? Суббота, все будут дома...

Это он проверил: надо всерьез искать или достаточно изобразить бурную деятельность.

– Утром?! Нет, сейчас приступайте! Немедленно! Любая помощь, которая потребуется, будет вам оказана. Любая разумная помощь. У вас есть два часа на опрос жильцов. Существенную информацию немедленно докладывайте. Затем жду вас здесь.

«Ильич постарается», – мысленно проворчал подполковник. Но для начала не грех бы уяснить, о ком собственно речь. Он приблизился к серванту и взгляделся в снимок, стоявший за стеклом. Где-то он, кажется, видел этого человека. Или померещилось? Судя по облику – обычный коммерсант, руководитель фирмы средней руки. Сидит за рабочим столом в

офисе. Перед ним два флажка – желтенький, его фирмы, и российский триколор. Мужчине лет 50. Короткая шкиперская бородка, очки в толстой оправе, лысина почти во всю голову, обрамленная тонкой полоской русых волос. Глаза пронизательные, спокойные. Видно, что человек бывалый. И состоявшийся в бизнесе, да, это заметно. Пожалуй, с оценкой «коммерсант средней руки» он поспешил, может быть, выше среднего.

– Георгий Васильевич Пронин, генеральный директор юридической фирмы «Тесей». Жена с дочерью отдыхают в Испании – возвращаются 10 сентября, – сказал седой тоном, в котором сквозило: больше вам знать и не обязательно.

По-прежнему мало что понимая, подполковник Найденов вернул на свое лицо выражение нерассуждающей деловитости и направился раскрывать преступление, обстоятельств которого он не знал.

* * *

Выйдя вновь на улицу, он связался с дежурным по райотделу.

– Михалыч, поднимай на ноги кого можешь. Больных, увечных, отпускников – и срочно ко мне, на Энтузиастов, 14. Да, паралитиков тоже. Шутник, бляха-муха. Да, ты все правильно понял. Всех, я сказал!

Пока свежие милицейские силы подтягивались к месту происшествия, Ильич, не теряя времени, вновь отправился к Сарафановым. Там уже не было сыщиков. Хозяева ликвидировали последствия визита воров.

– Это вы! – воскликнула Сарафанова. – Я как раз хотела вам звонить. У нас есть новости.

– То-то он сейчас обрадуется, – проворчал ее муж.

– Владимир Ильич, я только что разговаривала с соседкой, которая живет этажом выше. Так вот, она видела напротив наших окон машину! Довольно долго она стояла – час, может, два. Соседка почему обратила на нее внимание? Машина заехала немножко на газон, а она этого терпеть не может и утром делает замечание даже нам, когда мы паркуем машину под окнами и тоже заезжаем на газон. Только, Владимир Ильич, это была не

простая машина. Наверное, джип, марку соседка не может сказать. Черный джип. Не знаю, имеет ли это к нам отношение. Не могли ведь воры приехать на джипе, как вы думаете?

– Все может иметь отношение. Я как раз и зашел к вам, чтобы попросить прямо сейчас, не дожидаясь утра, узнать у соседей, что они видели подозрительного сегодня вечером возле дома. У вашего подъезда...

ну, или у соседнего. Черный джип, говорите? Соседка сверху... Давайте ее еще разок потревожим.

Ближайшие два часа для жильцов дома №14 по улице Энтузиастов выдались беспокойными. Долго еще в ту ночь до них доносились тревожные звуки с лестничных клеток – топот ног, щелканье дверных запоров, голоса. Звонили из местного отдела милиции. «Что такое? Убили кого?» – спрашивали жильцы. «Квартиру в вашем доме обворовали». – «Только-то? Надо же как менты забегали. Небось, важную шишку накрыли». Такой активности в ночное время в доме №14 не наблюдалось с сентября 1999 года, когда граждане посменно дежурили у подъездов до утра, опасаясь, чтобы им террористы не заложили мешки с гексогеном. А тут всего-то – кража.

Однако к половине второго ночи Ильич кое-что для себя уяснил. В тот вечер во дворе дома №14 наблюдалось прямо-таки нашествие подозрительных машин – не меньше пяти. Две из них почти наверняка имели отношение к исчезновению Георгия Васильевича Пронина. Его похитили – в этом подполковник Найденов больше не сомневался. Серебристый джип «Тойота» минут двадцать стоял у второго подъезда – напротив двери, на пешеходном тротуаре. За рулем находился молодой мужчина. Видели, что он зашел в подъезд, затем выскочил из него в сильном волнении, побежал за угол дома, вернулся, стал звонить по телефону и уехал. По другую сторону

дома, двумя колесами на газоне, стоял черный джип. Кто находился в автомобиле и когда он уехал, установить не удалось. Упоминались и две-три посторонние отечественные машины, которых раньше во дворе не видели; на одной из них, вполне возможно, убыли ноутбук и прочие ценности Сарафановых.

Около двух часов ночи Ильич вернулся в квартиру №45 и стал докладывать седому, как он представляет себе картину происшествия. Господин Пронин решил поздно вечером куда-то съездить. («Все или не все рассказывать? Ладно, скажу, что знаю, к чему эти кошки-мышки».) Он вызвал своего охранника или персонального водителя на «Тойоте». По-видимому, переговоры Пронина прослушивали люди, находившиеся в черном джипе с другой стороны дома. Охранник поднялся на третий этаж к Пронину, убедился, что подъезд пуст, и стал поджидать его в своей машине. Тем временем пассажиры черного внедорожника проникли в подъезд с другой стороны, вскрыв дверь, считавшуюся заблокированной; о ее существовании жильцы даже забыли. Пронин начал спускаться по лестнице. Внизу его перехватили, посадили в черный джип и увезли...

– Верно! Все было именно так, Владимир Ильич!

Сергей Борисович как будто новыми глазами смотрел на Найденова. Этот районный мент оказался на удивление толковым. Редкость в наше время.

– Стоит ли опросить охранника?

Седой отрицательно покачал головой:

– Это наш сотрудник. Больше он ничего не знает. Шляпа! Нет, ну какая шляпа! А? Развели, как последнего лоха. Дерьмо! Сотрудник ФСО, называется!

– Что еще от нас требуется, Сергей Борисович?

– Давайте осмотрим квартиру. Может быть, вам придут какие-то свежие мысли. Вы человек с опытом, я вижу.

Квартирка чисто прибранная, каждая вещь на своем месте, аккуратная, словно музей. Вместительная кухня, отделанная под мрамор, с барными стойками. Детская. Спальня. Ничего, на первый взгляд, необычного. Они вернулись в большую комнату, служившую хозяину кабинетом. Библиотека. Стол без бумаг, ноутбук. На подоконнике монитор системы видеонаблюдения, на экране меняются изображения: вход в подъезд, лестничная клетка. По монитору Пронин, скорее всего, наблюдал за перемещениями охранника.

– Георгий Васильевич владеет немецким языком? – спросил Найденов, указывая на раскрытую книжку, лежащую на журнальном столике у кресла. Судя по обложке, это была какая-то биография президента России, изданная, наверное, в Германии.

– Кажется, нет... Французский. Надо уточнить. Отпечатки пальцев не Пронина, в картотеке их нет. Возможно, кто-то из сослуживцев. Завтра будем выяснять.

Сергею Борисовичу дорог хороший совет. Это заметно. Но миссия Найденова, скорее всего, окончена. Чем еще может помочь в розыске похищенного человека районная милиция? Разве что номер черного джипа узнает. Но тут тупик, никто из жильцов его не запомнил. Пусть теперь ловят машину на гаишных видеозаписях. Их эксперты сейчас изучают следы, которые могли оставить похитители в подъезде. Волосок, окурочок, плевок, отпечаток пальца – всю эту муть. След от протекторов шин на газоне. Сами взялись – и хорошо. Несомненно, розыски преступников с утра пойдут полным ходом. Отсканируют эфир – кто в этом районе вел переговоры по мобильной связи примерно с 22.00 до 22.30. ГАИ подключат. Наверное, Сергей Борисович догадается поставить квартиру под наблюдение – похитители ведь могут вернуться за чем-нибудь.

Между тем, уже третий час ночи...

– Спасибо, Владимир Ильич. Вы очень нам помогли. Вот вам номер моего телефона для связи. О том, что вы выяснили, своему начальству не докладывать. До свидания.

Найденову пришла в голову одна идея... Утром он попробует ее осуществить. Однако свои мысли он решил оставить при себе. Зачем брать на себя лишние обязательства? Его план ведь может и не сработать. С какой стати Ильичу беспокоиться о судьбе какого-то коммерсанта? Вон какие силы за ним стоят, не пропадет. Загадочно исчез – загадочно объявится. «Ровно в...»

– До свидания, Сергей Борисович.

Они обменялись крепким рукопожатием и расстались.

Глава вторая,
*рассказывающая о том, что боги спускаются на землю чаще, чем
принято думать*

Мужчине едва за пятьдесят. Он молод, здоров и успешен в бизнесе. Его жена и дочь только что отбыли на отдых в Испанию. И куда, скажите, такому мужчине направляться вечером в субботу (которую, увы, опять пришлось посвятить работе)? Вы почти угадали: в фитнес-центр. На то, о чем некоторые подумали, жалко тратить вечер накануне выходного дня – лучшее время для делового человека.

Впрочем, Георгий Васильевич Пронин более легкомысленные варианты и не рассматривал. Он уже лет десять как отшумел, поднял сына (и не одного, но это между нами) и на склоне молодых лет завел себе «куклу», как он выражался, то есть дочь, после чего проблема досуга была для него решена. Жаль, не так много времени у него оставалось на этот досуг. Но сейчас, когда Пронин проводил семейство за границу и почти на месяц остался один, этот вечер он конечно же посвятит железу и беговой дорожке – он ждал его, как ждет любовник молодой минуту верного свиданья.

События, о которых рассказывается в этой главе, происходили 18 августа того же 2007 года в Санкт-Петербурге.

Георгий Васильевич озабоченно пощипывал себя за складку живота, нависшую над ремнем. Два-три лишних килограмма отложились, хоть на весы не становись. Его свободная рука лежала на руле внедорожника, пятилетнего «корейца». Пронин давно мог пересест на машину, более соответствующую его нынешнему достатку, но он был отчасти консерватором: машина, квартира, дача – все у него чуть ниже статуса. Зачем менять вещи, если ты только-только приспособил их для жизни? Лишь начни – и все захочешь сменить, включая жену.

Что может помешать молодому, здоровому, свободному мужчине провести остаток субботы так, как ему хочется? Ничто. Стихийное бедствие, и то не всякое. Если авария на подстанции обесточит фитнес-центр – это да, мешает. А что еще? Допустим, позвонит олигарх и предложит заработать кучу денег. Бизнес – это святое, но тогда они просто условятся встретиться на неделе. Главный клиент Пронина мог с ним связаться в любое время суток, однако и в этом случае речь бы шла о короткой консультации или задании на понедельник. Все текущие проблемы на фирме Пронин разрулил. Георгий Васильевич улыбнулся: через пятнадцать минут он, несмотря ни на что, будет дышать воздухом, который любил с юности. Приятно сознавать, что все у тебя под контролем. Твоя жизнь – да, сложна, но она принадлежит только тебе и никому больше.

Тут и зазвонил во внутреннем кармане его пиджака мобильный аппарат. В повествованиях *определенного рода*, рассчитанных на легковесного читателя, непременно было бы отмечено, что телефон зазвонил как-то по-особенному, что герой это сразу почувствовал, насторожился, прокрутил в голове всю свою прошлую жизнь и так далее. Представьте, звонок, который круто изменил судьбу Георгия Васильевича и не его одного (но это выяснится позднее), был самым обычным. Правда, по этому номеру с Прониним могли связаться человек пять, не больше. Георгий Васильевич недоуменно смотрел на экран: звонил кто-то шестой.

– Георгий Васильевич, я не ошибся? – послышался чуть насмешливый голос.

– А кто спрашивает?

– Старый знакомый. Да ты не узнаешь, что ли, Егор?

Узнал он, узнал. Просто услышать этот голос Пронин никак не ожидал. Ни сейчас, ни в другое время. Нет, все-таки ожидал, зачем себя обманывать. Тогда почему он ошеломлен? Спокойствие, его давно отучили обнаруживать свои истинные чувства.

– Сейчас прижмусь к обочине, минуточку. Порядок. Слушаю, Влад.

Вышло сухо, по-деловому, то что надо. И даже привычное некогда обращение «Влад» не застряло в горле.

– Надо встретиться, Егор. Как на это смотришь?

Он еще спрашивает. Разумеется, Пронин готов встретиться в любое удобное для его собеседника время. Когда?

– Лучше не затягивать. Прямо сегодня можешь? Хорошо, тогда я не прощаюсь.

В трубке слышались частые гудки. Что будет дальше, Георгий Васильевич хорошо представлял. Сейчас позвонит другой человек, объяснит, куда и когда надо подъехать. Возможно, Пронину придется сию же минуту выдвигаться в Москву или, скажем, в питерский аэропорт. Одно ясно, что о фитнес-центре придется забыть. Да он уже и забыл. Что гадать? Пронин ждал. Прошло секунд двадцать – тридцать, прежде чем ему позвонили вновь.

– Давайте, Георгий Васильевич, встретимся у Спаса на Конюшенной, – предложил вежливый голос.

– Понимаю. – Имелся в виду Храм Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади.

– Когда вы сможете туда подъехать? А, уже через 10 минут? Стало быть, в 22.15. Есть. Ждем.

Он не просто потребовался Владу, он потребовался срочно. И тому должна быть веская причина. Какая? Собираясь с мыслями, Пронин продвигался к указанному месту. Он не ошибся ни на минуту: ровно в 22.15, как и было условлено, притормозил у храма, безошибочно определив «ту самую» машину (другой и не было) – представительскую «БМВ». Из машины вышел человек, приблизился к джипу Пронина. Георгий Васильевич опустил боковое стекло. Подошедший внимательно посмотрел на него, заглянул в салон, ни слова не говоря, вернулся обратно. «БМВ» зажгла фары и двинулась с места, джип Георгия Васильевича – следом. Не в Москву, не в аэропорт, нет. Скоро они свернули в проулки, затем через арку – во двор. Значит, Влад в Питере? Миновав несколько арок, «БМВ» въехала в

тупиковый двор и тут остановилась. Приехали. Сопровождающий подвел Пронина к металлической двери, которая при их приближении открылась и впустила Георгия Васильевича (попутчики остались снаружи) сразу в обычную с виду питерскую коммуналку. Здесь его встретил молодой человек, который молча указал на створчатые двери в торце коридора. Георгий Васильевич не удивился бы, если бы его и там кому-нибудь передали. За створчатыми дверями могло находиться все что угодно – вагон метро или, положим, самолет, готовый унести его на встречу с Владом. Однако все оказалось проще. Он вошел в мягко освещенную, прохладную комнату. Работающий телевизор, Г-образный кожаный диван, столик, накрытый для чаепития. На диване сидел светловолосый человек в черном костюме и водолазке. Владислав Владиславович Букин, друг юности Георгия Васильевича Пронина. Президент Российской Федерации.

Они встретились на конспиративной квартире службы безопасности президента России.

Несколько секунд Букин внимательно разглядывал вошедшего. Пожалуй, дольше, чем обычно разглядывают друг друга старые приятели перед тем, как обняться. Наконец на его лице промелькнуло... нет, ничего на нем не промелькнуло. Он протянул руку.

– Хорошо выглядишь, Егор. Сколько сейчас вешишь?

«Бороться, что ли, он меня пригласит?»

– Восемьдесят. Около того.

– Это дело поправимое.

«При чем тут мой вес? И зачем его поправлять?»

Георгий Васильевич достаточно хорошо знал своего приятеля. Он понимал: светские слова, изъявления радости по поводу их неожиданной встречи и прочее излишни. Они оба прекрасно помнят все, что их связывало. Не тот Влад человек, чтобы перебирать в памяти общих знакомых, что они да как, с кем хотел, он и так общался. Есть, по-видимому, чрезвычайно важное дело, ради которого Влад вспомнил о его существовании. Букин указал Пронину на диван, сам расположился в кресле напротив. Без предисловий, к делу.

– Нужна твоя помощь, Егор. Ты не забыл еще свои навыки?

– Смотря какие навыки ты имеешь в виду.

* * *

Их знакомство состоялось более 20 лет назад.

В школе Егор (так Георгия называли все его друзья, уменьшительные имена Жора, Гоша ему не подходили) мечтал стать актером. Однако после десятилетки в театральный вуз не прошел. Его призвали в армию – в погранвойска. Фильм «Семнадцать мгновений весны», который Пронин посмотрел раз пять серия за серией, изменил его представления о будущем. Разведка – вот его жребий! Разведчик – тот же актер, только он играет на реальной сцене, полной опасностей и романтики, так казалось Егору. Особист их части, к которому Пронин пришел за советом, объяснил, что добровольцев в штирлицы не берут, надо прежде поступить в органы госбезопасности и терпеливо ждать своего часа. Так он и поступил. Получил диплом юриста, был принят на работу в Комитет государственной безопасности. И заветное приглашение последовало. Так в Краснознаменном институте имени Андропова появился слушатель Георгий Пешков.

Его соседа по комнате в общежитии звали Владиславом Брасовым.

В то время они были похожи, как два однояйцовых близнеца. Их и принимали за братьев. Почему один по легенде Пешков, а другой Брасов, никто, разумеется, не спрашивал. Мало ли по какой причине? Не для того люди идут в разведку, чтобы к ним приставали с подобными расспросами.

Или не братья они? Кто же знал. У Владислава глаза серые, холодные, «близко посаженные», как обычно отмечают в особых приметах. Голубые глаза Егора смотрели мягче, добрее и поэтому, наверное, казались другими. Хотя на черно-белых снимках той поры видно: довольно похожий у приятелей разрез глаз. Но овал лица... подбородок... посадка головы... здесь природа наградила их редким сходством. Если бы потребовалось составить фотороботы Брасова и Пешкова, то им подошел бы один на двоих.

В их дружбе – насколько могли дружить будущие штирлицы, еще не ходившие вместе в разведку – лидерство принадлежало более жесткому Владиславу. Егор постепенно стал усваивать его мимику, интонацию. А однажды – зря, что ли, собирался учиться на актера? – попробовал шутки ради в него перевоплотиться. Он без особого труда освоил походку приятеля – с опорой на носок, словно по борцовскому коврику, раскачивая в такт ходьбы правой рукой. Надел водолазку, темный костюм... И впору выяснять, кто их общий папа – то ли Брасов, то ли Пешков и при каких обстоятельствах *это* произошло.

Грех было не использовать такое открытие на практике.

Брасов считался хорошим спортсменом, но плавал он слабовато – Пешков пару раз сдал за него нормативы в бассейне. Зато Брасов как-то подменил его на экзамене по языку. Кульминацией их игры «друг в друга» стало важное для будущих разведчиков испытание. Группе Брасова предстояло продемонстрировать навыки освобождения от наружного наблюдения. Задание заключалось в том, чтобы во время блужданий по городу спокойно, без беготни, скрыться от внимания наружки, заложить «контейнер» в указанном месте и вернуться на базу. Произошло следующее.

Брасов зашел в магазин, затем вышел оттуда, увел за собой группу наблюдения. Вскоре из магазина появился другой Брасов (настоящий) и отправился выполнять намеченное. Как «контейнер» оказался в положенном месте, никто в результате не понял.

Именно после этого случая друзья решили, что трюки с переодеванием пора заканчивать. Как отнесется к ним начальство, если прознает? С одной стороны, ребята творческие, с выдумкой, с другой – налицо обман руководства, неискренность, что в разведке сурово осуждается. Вполне вероятно, что одного из «двойников» отчислят из разведшколы, чтобы не создавать ведомству проблему. Или, напротив, придумают какую-нибудь хитроумную комбинацию с использованием обоих, но кого-то из них и в этом случае «спрячут». Приятели предпочли не искушать судьбу. Пешков стал носить легкую небритость и очки в толстой оправе – зрение у него действительно начало портиться. Вскоре их расселили в разные комнаты. А затем жизнь и вовсе разбросала Влада и Егора, и о том, что были они когда-то «двойниками», забыли даже их старые товарищи.

Период их тесной дружбы длился около полугода.

Карьера в разведке у обоих складывалась не слишком удачно. Не было ни у того, ни у другого «волосатой лапы» в руководстве ведомства. Они имели репутацию крепких середнячков. Букин завис в социалистической Германии. А какой там простор для разведчика? В ГДР прекрасно работала «Штази», на долю послевоенных штирлицев выпадали писанина, отчеты, «аналитика», за которую обычно выдавалась компиляция статей из местной прессы. Примерно так. А точно – кто знает? Пронин с его французской специализацией, вернувшись из командировки в Африку, застрял на майорской должности. В какой-то момент он вполне смирился с тем, что с такой фамилией дальнейшего хода ему и не будет. «Как-как? Майор Пронин? – давились со смеху начальники, когда он являлся к ним с докладом. – Точно: Пронин... майор... Ну, брат, развеселил!»

Когда Букин в начале 1990-х вдруг резко пошел в гору, став одним из руководителей Питера, Пронин находился во второй заграничной командировке – опять в Африке. Затем Букин ушел в тень, перебрался в Москву, и там началось его второе – фантастическое восхождение к вершинам власти. Директор ФСБ... премьер-министр... преемник... президент Российской Федерации. Тогда родилась шутка:

– Как много зависит от одной буквы! Человек с фамилией Пукин никогда не стал бы президентом России.

– А человек с фамилией Пронин не станет даже подполковником, его замаринуют в майорах, – невесело думал Георгий Васильевич.

Он стал подполковником. И тут же вышел в отставку, незадолго до дефолта 1998 года. Вместе с такими же, как он, отставниками создал юридическую фирму. Ее назвали «Тесей» – таким был псевдоним Пронина в период его работы в Африке.

В 1999 году фирма резко пошла в гору. Этому предшествовали события, о которых речь впереди.

* * *

– Какие мои навыки тебя интересуют? – спросил Георгий Васильевич. Обращаться к Букину на «ты», как раньше, оказалось легко – легче, чем он ожидал.

– Театральные. Другие тоже понадобятся, – не спешил раскрывать карты Владислав Владиславович.

– Я должен где-то изобразить президента Российской Федерации?!

– Верно. Только не «где-то», а в прямом эфире, перед многомиллионной аудиторией. Или в тебе актер погиб окончательно?

Пронин молчал. Он не мог понять: это прелюдия к серьезному разговору или уже самый разговор и есть.

– То, о чем мы тебя просим, связано с риском, Егор. С серьезным риском. Ты можешь отказаться. Но я хочу, чтобы ты согласился. Нам это действительно очень нужно. Очень.

Кому «нам»? Зачем нужно? «Теперь это другой человек, – ошарашенно соображал Пронин. – Никаких сантиментов. Уже отвык слышать «нет». И как ловко ввернул про опасность – как будто это главное, что меня может остановить. При чем тут опасность? Это ведь не те приколы, которые мы разыгрывали в разведшколе. С другой стороны, все это в его стиле».

Пронин знал Букина, как мало кто. Да – прежнего, двадцатилетней давности. Тот – в молодости даже в большей степени, чем сейчас – производил впечатление *человека в футляре*, рационального, безусловно толкового, но, как будто, без искры божьей. А на самом деле он был способен на легкомысленные поступки и любил неожиданности. Азартную сторону своей натуры Влад старательно обуздывал, но она часто давала о себе знать. Вот так когда-то он «на голубом глазу» (на сером своем глазу) предложил Егору разыграть спектакль с уходом от наружки. Теперь Букин сидит перед ним с невозмутимым видом и предлагает всего-то навсего: сыграть роль президента России в прямом эфире!

– Поясни, наконец, что от меня требуется. Вы меня загримируете. Я постою на втором плане, где-то пройду, пожму руки, так?

– Загримировать-то тебя загримируют. Линзы, прическа, накладки и так далее – не проблема, сам знаешь. Походку ты вспомнишь. Но надо не просто постоять на втором плане – тут мы бы без тебя обошлись. Ты выступишь на митинге с речью на 2-3 минуты. Ничего особенно сложного. Я это делаю каждый день. И ты справишься.

– А где и когда?

– 1 сентября. В Беслане.

– Ты по каким-то причинам не можешь этого сделать?

– *Я не могу этого не сделать*, – сказал Владислав Владиславович. – В силу целого ряда обстоятельств, о которых ты узнаешь. Моя служба безопасности стоит насмерть. Они уверены, что готовится покушение. Петрович тебе расскажет детали. Я в это не верю, но какой-то риск,

безусловно, есть. Некоторые силы в нашей стране, – добавил Букин иронически, словно цитируя официальное сообщение, – не могут допустить такого развития событий. А некоторые – очень даже хотят допустить.

Георгий Васильевич много раз слышал про те и другие силы. И какие ставки стоят на кону в последний год президентства Букина, в 2007-м, он прекрасно себе представлял.

– А если я не смогу? Положим, я не справлюсь, что тогда?

– Тогда поеду я. Других вариантов просто не существует.

– Не будем больше про риск. Согласись, Влад, что есть миллион других обстоятельств, которые превращают эту затею в авантюру. Как я понимаю, обнаружить, что ты – это не ты, не должен вообще никто?

– Об этом будут знать три человека: мы с тобой и Петрович. Мои домашние не в счет.

– И твой знаменитый лабрадор...

– С Кони будет сложнее всего. Но мы с ней договоримся.

– Нет, подожди! – Георгий Васильевич чувствовал, что разговор направляется в такое русло, что ему все труднее отказаться от участия в этой странной, мягко сказать, акции. – Ты тянешь меня в какие-то частности. Я пока не понял главного. Например, изображаю я президента, и тут звонит Буш. Что я должен ему говорить? Может, мне войну кому-нибудь от твоего имени объявить?

– Тебе никто не предлагает управлять государством, – Букина, по-видимому, начал забавлять этот разговор. Он слышал от своего друга вопросы, которые и сам задавал себе еще не так давно. Тоже ведь президентство обрушилось на него, как снег на голову. Еще недавно – безработный после проигрыша его командой выборов в Санкт-Петербурге, затем стремительно – преемник, главнокомандующий, разговоры с Бушем, палец на ядерной кнопке. А Егор совсем не изменился; такой же честный, надежный, ответственный, немного наивный, совсем не думающий о своей шкуре, когда слышит слово *надо*. Напряжение первых минут их встречи

спало. Разговор был построен правильно: предположение, что Пронин может испугаться, практически предопределило его согласие сыграть предназначенную ему роль.

– Оставь свои амбиции, Егор, управлять страной тебе не придется. Тебе надо, соблюдая определенные предосторожности, слетать в Беслан и вернуться обратно. Плюс время на вход в игру и выход из нее. Буш до тебя так просто не дозвонится. Такие процедуры долго согласовываются МИДами. К тому же, уверяю тебя, разговор с Бушем мало чем отличается от любого другого делового разговора: «ты сказал, я услышал», игра в «да» и «нет» не говори. Нас с тобой этому двадцать лет назад обучили. Профессионал твоего уровня сможет час разговаривать с Бушем, и тот ничего не заподозрит. Ну, а на случай форс-мажора рядом с тобой остается Петрович.

– А ядерный чемоданчик?

«Не туда, не туда...» Георгий Васильевич и сам догадывался, что ядерный чемоданчик – это, скорее, элемент ритуала. Им еще в разведшколе рассказывали о том, как Рейган однажды застрял в лифте, и Америка на полчаса осталась без ядерного зонтика.

– Эта штука тебе абсолютно точно не пригодится.

Пронин почувствовал, что он находится во власти своего собеседника. Он уже сказал «да». Ну и ладно, не боги, в конце концов, горшки обжигают. Почему не проверить эту операцию, раз им так это нужно? Самые главные вопросы Влад, конечно, продумал, пора переходить к ним.

В общих чертах план Букина выглядел так. Вечером 31 августа, накануне поездки в Беслан, Пронина доставят в «Горки-9» – подмосковную резиденцию президента России. Здесь с ним поработает гример из спецлаборатории ФСБ. Для верности в Беслане на «президенте» будут легкие дымчатые очки – распусят слух, что у него после отдыха в Сочи разыгралась аллергия на солнечный свет. Все последующие действия будут объяснены необходимостью соблюдать повышенные меры безопасности. На

президентском борту вместе с ним из обычного окружения летит только Петрович. Местных руководителей попросят в Беслан не приезжать, чтобы не осложнять задачу спецслужбам. Букин переговорит с ними накануне. Прибудут журналисты президентского пула, камеры основных федеральных каналов, три западных плюс республиканские – Осетии, Ингушетии и Чечни. Отдельной встречи с прессой не планируется. Митинг во дворе недавно построенной бесланской школы, посвященный началу учебного года, начинается в 13.00. Участие президента в этой акции вообще не будет анонсироваться. Просто в дневных теленовостях внезапно начнется прямая трансляция из Беслана. Школьников и их родителей с трибуны поприветствуют учителя, старейшины, затем произойдет главная сенсация: неожиданно к микрофону выйдет президент Российской Федерации Владислав Владиславович Букин. Сдержанно-оптимистическая речь: перевернута трагическая страница истории, все бандиты получили по заслугам, вечная память погибшим, жизнь продолжается... Достаточно снять сюжет минут на 15, его повторят в вечерних выпусках новостей, фрагменты покажут основные зарубежные телекомпании. Сильная и очень, очень нужная акция.

– Твои контакты с людьми из моего окружения будут сведены к минимуму, – завершил свой рассказ Букин. – Я не предвижу слишком больших сложностей. Иногда такие ситуации у нас случаются. Люди в принципе обученные, понимают, что такое работа президента в условиях повышенной угрозы. Это означает: не надо ничему удивляться.

Слушая Букина, Георгий Васильевич мысленно отмечал недостатки его плана. Нестыковок хватало. Однако своим чутьем разведчика он понимал: это не пороки, перечеркивающие весь замысел, а узкие места, требующие доработки. Вопросы можно задавать бесконечно. Наверное, и в его, Пронина, советах Букин нуждается, от его профессионализма, смекалки, умения действовать в экстремальных обстоятельствах зависит успех операции – так

ее можно назвать. Он сам может внести поправки в этот сырой пока сценарий.

– Сколько времени меня не будет в Питере?

– Сутки или чуть больше. Вернешься 1 сентября вечером, это суббота. А что такое? – спросил Букин, увидев замешательство на лице Пронина. – В чем сложности?

– Дай подумать. У меня очень специфическая клиентура. По крайней мере с одним клиентом – основным – я должен быть постоянно на связи. Круглосуточно – это условие нашего договора. Надо как-то обосновать свое выпадение из эфира на сутки с лишним... Сейчас соображу.

– Зачем обосновывать? Ты будешь оставаться на связи.

– То есть?

– Я тебя заменю. Пока ты будешь мной, я буду тобой.

Георгий Васильевич уставился на собеседника. Нет, сказанное Букиным – не импровизация. А тоже, наверное, часть его плана, может быть, не принципиальная, но вполне допустимая.

– Что?! Ты меня заменишь?

– Нет, если тебе по каким-то причинам это неудобно, я настаивать не буду. Но почему ты думаешь, что я не сумею тебя заменить? – с неожиданной досадой спросил Владислав Владиславович. – Ты собираешься с Бушем разговаривать, а с твоими клиентами не могу? Я же не пойду в твой офис. Буду тихо сидеть дома, смотреть телевизор. Может, выйду прогуляться – в твоём облиии. Составь мне подробную справку, кто и о чем может спросить тебя по телефону. Я им отвечу... простуженным голосом. Переадресую на понедельник, в конце концов. Низко же ты меня ценишь. У меня все-таки юридическое образование. Или опасаясь, что твоя жена меня разоблачит?

– Не опасаясь. Она прилетает из Испании 10 сентября.

– А я в курсе, – сказал Букин. – Ну, так что? Давай сначала разберемся с первым пунктом.

– Ты уверен, что это единственный выход?

– Может быть, не единственный. Но лучший – уверен.

Пронин понимал: если он сейчас скажет «нет», разговор тут же закончится. О таком не просят дважды. Они тепло попрощаются и... вряд ли встретятся вновь. Фактически Букин пригласил его в свою команду, доверив секрет государственной важности. Потребность в этой акции вообще может отпасть. Но они все равно останутся вместе. Разве можно упускать такой шанс? В конце концов, ради острых ощущений и выбирал когда-то Георгий Васильевич свою профессию. Он решительно кивнул: «Да, я согласен».

– Значит, ночь на 1 сентября я проведу в твоей резиденции. Это будет (он достал мобильный и высветил на экране календарь)... Тринадцатая ночь, между прочим, не считая сегодняшней. Забавно.

– Ты стал суеверен?

– Нет, просто констатирую: будет тринадцатая ночь. Не четырнадцатая и не двенадцатая. Забудь. Основное ведь будет происходить утром и днем, а не ночью.

– Так и назовем нашу операцию: «Тринадцатая ночь». Шучу. На, изучи вот это, – Букин протянул Пронину файл с какими-то материалами. – Здесь о том, что происходило в Беслане за последние три года. Чтобы лучше понимал, зачем мы все это затеваем. С тебя подробная справка о том, чем ты сейчас занимаешься. Во зло не использую, все останется между нами. Ты ведь в этом не сомневаешься?

«Я разве уже согласился с тем, что он меня подменит? Ему надо зачем-то вырваться на сутки в Питер, – укрепился в догадке Пронин. – Тут что-то личное. Может, с бабой хочет встретиться, мне-то какое дело? Не автомат же он. Хочет сидеть у меня дома – пусть сидит. Не вижу больших проблем».

– Я не сомневаюсь, Влад.

– Тогда за тобой справка: бизнес, партнеры, соседи и так далее. Срок – к следующей пятнице. Мне пора, а с тобой еще хотел поговорить Петрович. У него своя тема.

Перед расставанием Букин обнял Пронина с теплотой, которую он не особенно демонстрировал во время их разговора.

Когда он удалился, в комнату вошел Петрович.

Глава третья,
*повествующая о не очень типичной представительнице очень древней
профессии*

Отделение милиции Прибрежного района Санкт-Петербурга представляло собой облупленное, советской постройки здание в три этажа, окруженное могучим чугунным частоколом. Въезд на территорию преграждал допотопный шлагбаум с металлической болванкой в качестве отвеса. Здесь же у входа – бюро пропусков, а проще – деревянная будка, в глубине которой обитал милиционер. Впрочем, вход, в отличие от въезда, был свободным – за исключением тех известных случаев, когда у посетителя просто нельзя не спросить, к кому он идет, и не завернуть его независимо от ответа.

Кабинет начальника криминальной милиции Прибрежного РОВД находился на втором этаже окнами во двор. Маленькая комната, в которой пяти-шести посетителям уже было тесновато. Это как раз и устраивало Владимира Ильича Найденова. Он здесь расположился «временно», когда на этаже руководителей затеяли ремонт, но после окончания ремонта возвращаться в прежний, просторный кабинет не пожелал, а точнее, поленился. На столе, хотя и не под рукой – компьютер, который хозяину без особой надобности, за спиной – металлический шкафообразный сейф. На полу под окном внавалку лежали какие-то вещи – рюкзак, коробки, спецовка, свернутый кольцом шнур, кажется, монитор, еще что-то, принимавшиеся посетителями за вещдоки.

В предрассветный час 1 сентября Владимир Ильич дремал в положении, известном любому ночному дежурному, вынужденному отдыхать прямо за рабочим столом, положив голову на ладони. Он освободился от дел только под утро.

Во двор РОВД уверенным шагом прошла молодая девушка. Показала дежурному милиционеру красные корочки с тиснением «Пресса»:

– Я к Найденову.

Дежурный проводил ее удивленным взглядом и набрал номер начальника криминальной милиции. Владимир Ильич, оторвав голову от рук, посмотрел на часы.

– К вам посетительница, товарищ подполковник. Из прессы.

– Из какой еще прессы? В семь утра? Да какого ж...

Его возмущенную тираду прервал настойчивый стук в дверь. На пороге показалась тоненькая фигурка в белом костюме с сумкой через плечо. Ранняя посетительница и не думала оправдываться. Она возмущенно и требовательно смотрела на подполковника.

– Как это понимать, Владимир Ильич?

– А, это вы, Оксана...

– Это я. Та самая дура, которой уже две недели крутят здесь динамо. И я хочу узнать, почему?

* * *

Имя журналистки Оксаны Притулы было широко известно, и не только в Санкт-Петербурге. Тот, кто ее не читал, наверняка видел ее по телевизору или слушал по радио. Специальный корреспондент вечерней газеты «Белые ночи» Притула входила в президентский пул, более того, принадлежала к пяти-шести журналистам, которых президент Букин особо выделял. Отвечая на ее вопросы на пресс-конференциях, он не упускал случая назвать ее по имени: «Видите ли, Оксана...» или «Не могу, Оксана, с вами согласиться...»; увидев ее среди коллег по перу, приветливо кивал головой. Вряд ли это объяснялось признанием ее творческих достоинств. Так сложилось. Землячка, юное, серьезное лицо. Вполне достаточно, чтобы государственный

деятель захотел оказывать легкое покровительство девушке, делавшей первые – и успешные – шаги в профессии.

Окончив журфак питерского госуниверситета, Притула быстро стала парламентским корреспондентом во влиятельной вечерней газете. Последние два года она освещала деятельность президента России. За рубеж с Букиным от «Белых ночей» чаще ездил другой человек, замредактора Леонович, знавший Владислава Владиславовича с начала 1990-х, но две-три заграничные поездки в год и Оксане выпадали. Зато передвижения президента по стране она освещала монопольно. Считалось, что к своим 26 годам Притула сделала завидную карьеру.

Ну не сон ли это? В своих поездках Оксана общалась с известными людьми, до которых в обычной жизни не дотянуться. В свите президента все они уходили в тень, становились статистами в театре одного актера. Каждого вплоть до вице-премьера можно было взять за пуговицу, предложить ему прокомментировать итоги поездки, и он, как школьник, диктовал, тщательно подбирая слова. Притуле оставалось отстучать текст на ноутбуке, послать в редакцию, и материал непременно в тот же вечер стоял на полосе – любой другой снимали, а ему место находилось. Когда случалась перестановка в руководстве страны, редакционное начальство сбивалось с ног: где Притула? Оксаночка, милая, дозвонись до кого-нибудь в Кремле, узнай, что там да как! Она публиковалась чуть ли не ежедневно, ее материалы отмечались на редакционных летучках, анонсировались по радио и телевидению, ее звали на ток-шоу. Чего еще желать в 26 лет?

Но в разгар этого праздника жизни Оксана вдруг стала испытывать смутное беспокойство. Непонятно... Откуда эти приступы недовольства собой? Это странное ощущение: то, чем она занимается, *никому не нужно*. Она работает на износ, все материалы – в номер, постоянные перелеты и переезды. А что на выходе? Президент туда, президент сюда, этого сняли, того назначили. Кто ее читает, кроме чиновников и выпускающих редакторов? Оксана вдруг обнаружила, что теряет способность писать что-

либо, кроме официоза. Раз попробовала, другой – не получается, с третьей фразы в материал вылезают Букин, парламент, оппозиция, Кремль. Ей стало не по себе: «Скоро совсем отупею».

Разве такой она была в университете? Притула первой среди своих сокурсников удостоилась полосы в крупной газете. Она написала репортаж из женской колонии, который наделал тогда шороху. Студенткой Оксана бралась за разные темы, и ее заметки не залеживались в редакциях.

Так что же случилось с ней – такой успешной, быстро шагающей по ступенькам карьеры и известности? В «вечерке» был человек, чьим мнением она особенно дорожила: Михаил Аронович Сточный – ответственный секретарь «Белых ночей». Когда-то давно один шутник окрестил его Водосточным, и это прозвище прижилось. Михаил Аронович работал в своей должности уже лет пятнадцать, через его редакторские руки прошли все лучшие перья Питера последних лет.

Сточный не удивился, когда Притула завела этот разговор, словно давно его ждал.

– Политика, Оксаночка, многих уже на моей памяти перемолола. Скучно, наверное, в молодые-то годы из пустого в порожнее: Букин – Ебукин (*Михаил Аронович за живым словом в карман не лез*). Я помню, какой ты пришла к нам. Твой материал о женской колонии помню (*надо же, восемь лет прошло, удивилась Притула*). Мы с главным тогда решили: эту девушку надо брать в штат. А что сейчас? Ты же не хочешь уподобиться этим жутким политизированным бабам, которые километрами гонят свою «аналитику»? Одну от другой не отличишь. Акулы пера, блин! Вот... (*Михаил Аронович ткнул пальцем в лежащий перед ним на столе снимок; на нем были изображены юноша и девушка, танцевавшие вальс в осеннем лесу*). Попроси их сделать душевную подпись – не смогут. Пары нормальных строк не сочинят. А туда же – «политические обозреватели»...

Оксана перебрала в памяти своих коллег по президентскому пулу и согласилась: двое-трое из них смогут написать *для души*. Остальные долбят,

как дятлы, об одном и том же. «Букин-Ебукин»... Забавно у Водосточного это получилось.

Она решила попробовать себя в других жанрах. Написала рождественскую сказку – Михаил Аронович ее забраковал. Принесла зрительские заметки о нашумевшем фильме про войну в Афганистане – в корзину. Часа три корпела над двумя абзацами – поздравлением мужчинам к 23 февраля. «Этого добра у нас навалом», – услышала отзыв. Наконец, к номеру на 8 марта подготовила блиц-опрос женщин-политиков. Михаил Аронович, едва пробежав глазами текст, проворчал:

– Идея неплохая, но исполнение... Не удалось тебе этих теток спустить с трибун. Нет ли чего-нибудь потеплее? Праздник все-таки.

Тут Оксана взорвалась: да что она, соплячка, чтобы так прогибаться перед Водосточным? Что он о себе воображает? Сам заполонил газету официозом, а от нее требует какой-то немислимой теплоты. Принесла свой блиц-опрос к главному, тот связался с ответственным секретарем:

– Поставьте материал Притулы, Михаил Аронович.
– Чем-то придется пожертвовать. Очень плотный номер.
– И пожертвуйте! Хоть Левицким, если больше нечем. Считайте это моим распоряжением.

Притула знала, что эссе питерского литератора Левицкого, колумниста «Белых ночей», на планерке назвали лучшим материалом номера. О хороших материалах в редакциях всегда заблаговременно разносится весть. Журналисты успели прочитать колонку Левицкого в верстке, а кое-кто даже позвонил знакомым и посоветовал купить очередной номер «вечерки» – мол, не пожалеете. Поступок Притулы в редакции не поймут. Скажут, зазналась девушка. Она уже сожалела, что обратилась к главному, но гордость не позволяла ей идти на попятную. Оксана закрылась в своем кабинете и стала ждать, на какие жертвы пойдет секретариат, чтобы разместить в газете ее опрос женщин-политиков. Хорошо бы что-нибудь другое выбросили. Ей позвонил Михаил Аронович, сказал служебным голосом:

– Оксана Викторовна, к вам просьба: сократите, пожалуйста, сами материал Левицкого. Я вам его скинул по почте. Сколько строк сократить? Ну, чтобы поместился ваш текст. Жду, спасибо.

Она открыла файл и начала читать.

ПОСЛАНИЕ К ЖЕНЩИНАМ

Давайте, дорогие читатели, поговорим о женщинах. Давно, между прочим, пора.

У женщин нет национальности. Национальность – это особенность мужчин. У некоторых мужчин, кроме национальности, вообще ничего нет.

Женщин не тормозят на улице для проверки документов, не штрафуют гаишники, в милиции их не бьют. Женщины-следователи ухитряются раскрывать преступления, не применяя пыток. Они вообще в полшаге от правового государства. И мы знаем, кто мешает им сделать эти полшага.

Женщина не предает, не крысятничает, не сидит у конкурента на проценте. Но при этом ее ни в коем случае нельзя оскорблять. Если оскорбленная, даже невзначай, женщина станет вашим врагом – мало не покажется. Две самые большие войны в жизни автор вел с женщинами. Ничего личного. Так казалось автору – но не им...

Женщины не стреляли из танков в Белый дом, не проводили этнических чисток, «Майн Кампф» написан не женщиной. Порох, атомную бомбу, казнь четвертованием придумали не они. Кстати, пакт Молотова – Риббентропа женщины не подписывали. Однако кое-что им тоже можно предъявить. Из-за женщины началась Троянская война, из-за практикантки Белого дома, говорят, бомбили Югославию.

Самый успешный правитель в истории России был женщиной.

Первейшая обязанность мужчины – нравиться женщинам. Да, да! Мужчина обязан нравиться женщинам. Если не как потенциальный любовник, то как объект материнской опеки. Мужчина должен быть

таким, чтобы женщины хотели его накормить, причесать, уложить спать, подыскивали ему жену. Мужчина, который ни в каком виде не нравится женщинам, ничего в этом мире не стоит. Если статью о политике написал мужчина, который не нравится женщинам, ее можно не читать.

Часто в своей жизни автор был уязвлен невниманием к себе со стороны женщин. Это было в те периоды, когда его жизнь была пресной. Когда автор начинал жить интересно, дела шли лучше. Как они это чувствуют?

Если вы неожиданно зайдете в комнату к женщине, вы можете застать ее за странным занятием. Например, она может смотреть мексиканский сериал. Это она-то, которая вчера уверяла, что обожает «Зеркало» Тарковского? Та же картина откроется вам и на другой день, и на третий... Не принимайте это близко к сердцу. Случайность.

Женщины в общении друг с другом и они же в общении с мужчинами – это разные женщины. Однажды в юности, будучи студентом, автор заснул в комнате, где кроме него находились еще семь девушек. Не потому что Казанова, а как раз наоборот. Часом раньше в комнате были еще три пары, но они решили провести остаток вечера более увлекательно. Короче, проснувшись среди ночи, автор стал невольным свидетелем их разговора. Ой, мамочка. Подробности опустим из соображений мужской политкорректности. Мужчины, предоставленные сами себе, еще чище. Мужские разговоры женщинам подслушивать категорически не рекомендуется. Это добрый им совет. Мир перевернется. Мужчина, изливающий душу своему приятелю где-нибудь в бане, – грязное, лживое, похотливое существо. Практически животное. Остается надежда, что истинная сущность женщины и мужчины проявляется как раз в разговорах с противоположным полом, а не с себе подобными. Автор в это верит. А что еще остается?

Женщины, в целом, обладают чувством юмора и обожают его в мужчинах. Но вот остроумие – не их сфера. Писателей-сатириков среди

женщин нет. И просто смешных писателей почти нет. Салтыков-Щедрин не женщина. Гоголь, кажется, тоже. Почему – не известно. Автор может поделиться версией, которую ему предложила знакомая – психиатр. Женщины мыслят эмоциями, а не логически, как мужчины (кому это по силам). Поэтому и мысль свою женщина выражает более многословно. Иными словами, необычайно многогранную женскую мысль не всегда просто вообще сформулировать, а уж облечь ее в лаконичную, яркую форму... Сами попробуйте прежде, а потом претензии предъявляйте.

Вполне мужчина начинает разбираться в женщинах, лишь когда обзаводится собственной дочкой. О, этот ангел!.. Кто научил ее крутить попой перед зеркалом? Она знакомится с этими оболтусами в детском саду и уже оценивает их с точки зрения установления прочных отношений. В четыре года просит проколоть уши. Это больно, пугает мама. Но ей все нипочем – ей, которая боится даже вида докторов. Красота – страшная сила. Мужчина, у которого нет дочери, далек от полного познания характера женщины.

Твой маленький ангел мечтает о семье. О принце. А ты, перебрав всех вокруг, вдруг вполне соглашаешься с женщинами, что «все мужики – козлы». И ты сам, в принципе, такой. Где же найти не козла? Голова кругом. Вот так, первую половину жизни борешься с женщинами, а вторую, в качестве отца дочери, с мужчинами. Первой задачи автор не упрощает, но вторая потруднее будет. Такая она, женская доля...

– Ну и хитрец, этот Михаил Аронович, – пробормотала Притула, окончив чтение.

Она вновь взглянула на свой текст. Деревянный язык... и опять этот несносный «Букин-Ебукин» (так они со Сточным определяли вообще любой проходной материал о политике). Обойдутся читательницы на 8 марта без ее опроса. Она направилась к Сточному мириться. Вошла, села с покаянным видом.

– Извините меня, Михаил Аронович. Я больше никогда так не буду поступать.

Ответственный секретарь сделал знак, означавший «пустяки», и позвонил главному:

– Притула снимает свой материал. Да, сама. Ну что, подписываем полосу?

– Подписывайте, – раздался в трубке бодрый голос.

И главному ее материал не нужен...

– Понимаешь, Оксаночка, – опять начал свой психотерапевтический сеанс Сточный, – на кого другого я бы не стал времени тратить. Жалко мне, что ли, поставить твою заметку? Мало мы нудятины публикуем? Вот, полюбуйся... И вот это... Твои партийные тетки – просто глоток свежего воздуха по сравнению с этой макулатурой, которую *надо* ставить. Но эти авторы иначе не могут писать. А ты можешь! В тебе есть искренность, желание что-то понять, нет этого жуткого всезнайства, которое так раздражает в людях, пишущих о политике. Давай пробовать дальше. У тебя обязательно, обязательно получится. Ну-у, уже и слезы появились.

– У меня ничего никогда не получится-а-а!

Слезы ручьями потекли из глаз девушки, и она с трудом удерживалась, чтобы не разрыдаться в голос. В эти минуты она ощущала себя дошкольницей, которая безуспешно пытается написать первые в жизни строчки. Ну кто бы мог подумать?

Но Оксана быстро взяла себя в руки, отступить перед трудностями – это не в ее характере. Вообще не писать официоз она не могла, поэтому они договорились таким образом. Если она приносит рутинную заметку, то предупреждает: это «Букин-Ебукин», и Сточный ставит ее, не читая. Однако ее творческие материалы они по-прежнему будут оценивать по гамбургскому счету и дорабатывать сколько надо. Их сотрудничество продолжилось.

Михаил Аронович придерживался точки зрения (несколько старомодной, признаться), что для хорошего материала, который возьмет

читателя за душу, вовсе не требуется доставать звезд с неба. Истинное мастерство – пройти исхоженной дорогой и увидеть то, что укрылось от внимания остальных. Новый ход, новый угол зрения, новый вывод. Массы людей видят и слышат *это* каждый день, а хороший журналист посмотрел – и подметил что-то свое, и его взгляд стал взглядом тысяч читателей. Бывает, что простенькая житейская история становится хитом («как выражаетесь вы, молодые»). Он любил вспоминать такой эпизод. Много лет назад, будучи пишущим журналистом, Сточный мечтал опубликовать громкий материал, открыть новую тему, но безуспешно. Однажды в очередном номере образовалась «дыра», и дежурный редактор попросил Михаила Ароновича срочно ее заполнить. Сточный, не имея времени на размышление, набросал незатейливое «письмо в редакцию». Там была строчка: «Есть у меня три сына, а я хочу дочку, что посоветуете, люди?» На редакцию обрушились водопады писем! Читатели не оставили автора в беде, они щедро давали ему свои советы. Сточный развил эту тему, ему пришли мешки новых писем, и так продолжалось несколько недель. Тут подоспел конкурс областного союза журналистов, и Михаил Аронович получил на нем первую премию в номинации «За связь с читателем».

Ответственный секретарь вообще любил приводить примеры из своего прошлого. Правда, в редакции никто не помнил, чтобы он написал хотя бы две строчки. Но правщик он был отменный, этого не отнимешь, и в его литературном вкусе никто не сомневался.

Михаил Аронович предложил Оксане написать что-нибудь в номер на 9 мая.

– А с кем из ветеранов переговорить? Самые заслуженные уже выступали много раз.

– Ты и не гоняйся за «самыми заслуженными». У тебя дед воевал?

– Да, а бабушка пережила блокаду.

– Вот и напиши о них. Раскрой какую-нибудь из своих фамильных тайн.

Притула рассказала коротенькую, на полторы странички, историю о том, как ее дед-артиллерист был ранен в руку разрывной пулей, потом в госпитале не спал несколько ночей, прижав кисть к груди, опасаясь, что врачи могут ее ампутировать. После войны этой изуродованной рукой он выжимал двухпудовую гирию. Уже утром в день выхода газеты в редакцию стали звонить люди. Кто-то говорил Оксане «спасибо», кто-то деловито уточнял, в каких частях служил ее дед, нашлись и те, кто утверждал, что был знаком с ее дедом-фронтовиком и бабкой-блокадницей. Притула испытала давно забытое ею чувство. Оно было настолько непривычно и приятно, что она провела у себя в кабинете с утра до вечера несколько дней, ожидая звонков читателей и отвечая на них. Прежде Оксана не раз слышала о своих материалах: «профессионально», «оперативно», «очень вовремя». Но, оказывается, самая приятная для автора оценка – «спасибо». Человек просто звонит и говорит: «Спасибо». Как она, журналист, могла раньше без этого обходиться?

Между тем пришло лето, а вместе с ним патентованная летняя тема – квартирные кражи. Притула предложила Сточному взять интервью у какого-нибудь спеца.

– Да ну их, интервью, – отмахнулся ответственный секретарь. – Лучше сделай репортаж. Жми прямо в свой райотдел милиции, подежурь с каким-нибудь опером, постарайся выехать с ним на место преступления. Напиши, как менты *не раскрывают* квартирные кражи. Заодно покажи, в какую задницу засунуло их государство.

Оксана жила в Прибрежном районе. Она и пришла в родной РОВД к полковнику Москаленко. Тот заметно напрягся, узнав о ее желании подежурить в выходной вместе с его сотрудниками. Притуле пришлось пообещать, что материал будет в целом положительный, хотя и проблемы она, конечно, стороной не обойдет, не то время.

– Добре, – согласился полковник. Конечно, позитив в уважаемой городской газете райотделу и ему лично совсем не помешает. – Вам, Оксана,

повезло: криминальную милицию у нас возглавляет очень сильный специалист, которого к нам недавно перевели из ГУВД. Это просто удача для нашего района. Он вам все расскажет и покажет в лучшем виде. Только вы киньте от газеты факсик в пресс-службу ГУВД. Ну вы знаете: «Редакция просит оказать помощь такому-то корреспонденту в подготовке материала о раскрытии квартирных краж в Прибрежном районе...» Они нам отпишут, а уж мы все организуем.

– Нет проблем.

Через пару часов на столе у полковника лежал факс из редакции «Белых ночей» с резолюцией руководителя пресс-службы ГУВД: «Начальнику Прибрежного РОВД Москаленко: оказать содействие».

Суперпрофессиональный (по аттестации Москаленко) сыщик Владимир Ильич Найденов оказался мужчиной средних лет с мягкой улыбкой и спокойным взглядом. «Приятный дядечка, – подумала в первую минуту Притула. – Немного перья ему почистить и будет вполне ничего».

– Задавайте свои вопросы, Оксана, – сказал он.

Притуле опять пришлось объяснять ее замысел:

– Мне нужен репортаж, Владимир Ильич. – Репортаж, а не интервью. Я это так себе представляю: мы вместе с вами дежури́м, скажем, в ближайшее воскресенье. Поступает сигнал, что какую-то квартиру обокрали. Это ведь реально?

– К сожалению, да.

– Так вот, мы выезжаем на место преступления. К тому, что я увижу, добавим ваш комментарий, статистику, советы. Но сначала мне нужны живые впечатления. Как это организовать, Владимир Ильич?

Взгляд Найденова сделался тоскливым. Теперь в нем читалось: «Мало у нас своих забот, теперь еще с вами возиться».

– На месте преступления, Оксана, вы мало что увидите. Протокол составим, пройдемся по квартирам, спросим, что подозрительного заметили жильцы. Продлится эта процедура часа три. Слезы, причитания и так далее.

Милицию будут ругать. Преступников мы с вами все равно не поймаем... то есть не поймаем их по горячим следам (поправился он). Давайте лучше я вам расскажу несколько эпизодов, а вы по-журналистски их обработаете.

«Этот подполковник тот еще гусь, – с растущим раздражением думала Притула. – Я уже устала объяснять, что мне нужно». Ей захотелось его осадить, сбить этот несносный снисходительный тон. В конце концов, кто он такой? Всего лишь районный мент. А она может запросто позвонить напрямую заму начальника ГУВД, и тот будет с ней разговаривать уважительно. Пожалуй, пора на этого Найденова слегка наехать...

– Не надо мне рассказывать азы, Владимир Ильич, я не первый раз пишу о милиции. Вы ведь знаете генерала Агеева?

– Это мой начальник.

– Я брала у него интервью месяца полтора назад. Читали, наверное?

– Еще бы!

«Ни черта он не читал, – догадалась Притула. – И вообще он впервые слышит мою фамилию. И мое упоминание об Агееве пропустил мимо ушей».

Найденова, казалось, совсем не заботило, какое впечатление он производит на журналистку. Их разговор постоянно прерывали телефонные звонки. Он отвечал невозмутимо, немало не стесняясь ее присутствия: «Да, лоханулись мы, за это нам намнут холку». Или: «Не мне тебя учить, как писать отказные материалы!». Однажды ухмыльнулся и оторвал трубку от уха, развернув ее к девушке. Трубка аж дрожала от крика. «Генерал Агеев», – пояснил он.

– И часто на вас так кричит начальство? – спросила Притула.

– Оно не кричит, оно так разговаривает, – ответил Найденов.

В результате той их встречи они пришли к следующему компромиссу. Притула не будет маячить в их райотделе в воскресенье или в другой день. Она оставила номер мобильного, по которому Найденов позвонит, как только получит сигнал о квартирной краже, в любое время суток. И возьмет ее с собой на место преступления. На этом они и расстались.

Прошли выходные – звонка не последовало.

– Вы не забыли о нашем уговоре, Владимир Ильич? – напомнила она о себе.

– Да, вот он, ваш номер, передо мной. Пока ничего интересного.

На всякий случай Притула попросила знакомых ребят с телевидения, которые круглосуточно сканировали милицейскую волну, сообщить ей, когда в Прибрежном районе обворуют квартиру. И вот в ночь на 1 сентября на ее телефон пришла эсмэска: «В вашем районе надломили квартирку Сарафановых, хе-хе. Идем по следу».

Притуле опять не позвонили.

Тут Оксана разозлилась не на шутку. Утром ей предстояло лететь в Беслан – это была неожиданная командировка, о которой стало известно лишь накануне вечером. В 9 часов за Оксаной заедет редакционная машина, чтобы отвезти ее в аэропорт. Эти выходные пропадают. Что будет в следующие – неизвестно, а там и дачный сезон окончится. Она запарывала материал, на который возлагала большие надежды. Ну, Владимир Ильич, получите вы у меня статейку! Он от нее услышит такое, чего от генерала Агеева не слышал! Оксана набрала номер дежурной части РОВД.

– Когда придет на работу подполковник Найденов?

– А вы сами, девушка, кто?

– Специальный корреспондент газеты «Белые ночи» Притула.

– Вас соединить?

А-а, так этот жук на месте! Оксана схватила сумку, собранную для поездки в Беслан, и быстро зашагала в райотдел милиции осуществлять свою маленькую женскую месть.

Или не маленькую, какая получится.

Глава четвертая,

в которой подполковнику милиции приходится отвечать за свой базар

– Ну, и как это понимать? – наступала на подполковника вошедшая в его кабинет девушка. – Я вторую неделю жду вашего звонка, сплю, можно сказать, одевшись, как дура последняя, верю вашему слову офицера!..

– Не было ничего интересного, Оксана, – хмуро оправдывался Ильич. – Рутинка. Видите, даже заснул со скуки.

– Про рутину поподробнее. Вы хотите сказать, что квартирных краж вчера в районе не было. Так?

Найденов собирался твердо ответить «нет», но осекся. Эти ушлые журналисты сканируют эфир, порой из утренних газет узнаешь больше оперативной информации, чем из ведомственной криминальной сводки. Попасться на мелком

вранье было несолидно. Он, правда, не помнил, что давал Притуле слово офицера.

– Случилась одна маленькая кражонка. Скрывать не стану. Но я вам, Оксана, честно скажу, как на духу. Есть у нас горе-сотрудники... Короче, я бы не хотел, чтобы вы наблюдали, как раскрывалась эта кража. Из-за этого дурака у меня самого вчера сломались все планы.

– Стало быть, материал у нас срывается? – спросила девушка со скрытой угрозой. Она твердо решила больше не покупаться на найденовские

обещания, извинения, «усталые глаза» и прочее. Может быть, он еще предложит какой-то вариант сотрудничества, а нет, так она отмотает подполковнику и всему их РОВД на полную катушку.

– Сегодня или завтра, Оксана, я обещаю вам организовать более интересную кражу в нашем районе. Напишите бестселлер.

Опять этот мерзкий снисходительный тон! До чего же ей хочется осадить этого подполковника.

– Ах, сегодня!.. Как хорошо. Наивная девочка проведет еще одну ночь в ожидании вашего звонка. (*Оксана, наверное, впервые так разговаривала с человеком, который старше ее, но до чего же она на него зла!*) Но, видите ли, через несколько часов я улетаю в Беслан. И знаете, с кем? С президентом Букиным. Кажется, я вам рассказывала, что захожу в президентский пул?

– Вот как? Вы с ним лично знакомы?

«Сейчас я его убью. Он запоминает хоть что-нибудь, о чем я ему рассказываю?»

Девушка ответила, подчеркивая каждое слово:

– Он. Персонально. Со мной. Здоровается.

«Слава богу, про похищение Пронина она, кажется, ничего не слышала», – размышлял тем временем Ильич. Однако настырность Оксаны ему начинала нравиться. Славная, видать, девчушка. Глаза строгие, рассерженные, а личико почти детское. Какие шикарные волосы. Прямо как шапка. «Одуванчик» – пришло ему в голову сравнение. Белый пушистый одуванчик на загорелой тонкой ножке. Вот и на лирику его пробило.

Люди еще более старшего, чем Ильич, поколения сравнили бы пышноволосую Оксану с Анджелой Дэвис – американкой, которую граждане Советского Союза от чего-то активно защищали. Только Дэвис была черная, а Оксана – русая. Некоторые считали, что Притула делает химию, но какая уж тут химия, волосы – ее крест с детского сада.

У Найденова родилась идея:

– У вас еще сколько времени до отлета, Оксана?

– В девять за мной зайдет машина. А что?

– Через полтора часа то есть. Можем успеть. Я вот что предлагаю. Сейчас мы проскочим в одно местечко, позавтракаем, и я отвечу на все ваши вопросы – в красках! И про последнюю кражу тоже. Идет?

– Я уже завтракала. Да и как-то это странно...

– Но вы же хотели поучаствовать в раскрытии преступления?

– Это теперь так называется? Вы пользуетесь запрещенными приемами. Хорошо, – чуть смягчилась Притула, – давайте попробуем. Даю вам еще один шанс. Выпью за компанию чашечку кофе. А что, мы правда будем раскрывать преступление?

– Слово офицера!

Они неожиданно рассмеялись. Оксана подумала, что она, может быть, не совсем справедлива к этому человеку с усталыми глазами, который, как ни крути, не спал ночь. Странно, но между ними начал устанавливаться контакт, в разговоре стали проскальзывать доверительные нотки – кто бы мог подумать еще полчаса назад?!

Они вышли из здания РОВД во двор. Разумеется, ехать им предстояло на бывалой «четверке», на чем же еще? «Это дежурная машина», – пояснил Ильич, поймав иронический взгляд девушки. Они недолго покрутились по дворам и вскоре очутились возле продуктового рынка. Подполковник затормозил у большого шатра с нарисованными на нем окнами под вывеской «Горячие чебуреки»; вход в шатер прикрывал кусок какой-то дерюги. В заведениях такого пошиба Оксана отродясь не бывала. Здесь, наверное, наскоро перекусывали рыночные торговцы, а по вечерам в табачно-коньячном чаду под однообразную музыку, вызывающую странный прилив лихости у гостей с востока, любвеобильные джигиты *оттягивались* с вульгарными, накрашенными тетками.

Стараясь не испачкаться, девушка протиснулась внутрь чебуречной вслед за Найденовым. Заведение, как ни странно, уже работало – вероятно, только для своих. Здесь было довольно опрятно вопреки ожиданиям. За

барной стойкой стоял смуглый коротышка с черными кудрями и мушкетерской бородкой. Увидев подполковника, он почтительно наклонил голову и сделал знак, означавший: для вас мы всегда открыты, выбирайте любой столик по желанию. В пространстве под брезентовой крышей столиков было штук восемь. Найденов занял самый дальний от входа, находящийся в полумраке. Тут же подошла славянская официантка и приняла у Ильича заказ, не записывая. В основном она сама, зная его вкус, подсказывала, что стоит заказать. «Буду знать, как устраиваются районные менты», – подумала Оксана.

Столик быстро украшался простыми блюдами из обычного ассортимента подобных заведений. Зелень, маринованные огурчики, грибочки, чашка кофе для дамы, через десять минут подадут шашлык из телятины. Пожаловал и графинчик, который Оксана не слышала, чтобы заказывали. Подполковника по-прежнему мало заботило, что подумает о его привычках журналистка. А если она опишет все это? Девушка в который раз почувствовала себя обезоруженной его открытостью. Такой способ общения не вписывался ни в один из ее сценариев.

– Я вам не наливаю, – сказал Ильич.

– А что так? Налейте. Может быть, я даже выпью. Не хочу ничем отличаться от отечественного милиционера, – Оксане было приятно заметить, что она слегка его удивила, впервые за время их знакомства.

– Ах да. Мы же пишем репортаж. Не интервью, а репортаж – я помню. Тогда давайте за вашу командировку. Вы куда летите, в Беслан? За ваше благополучное возвращение. Теперь спрашивайте. Что вам рассказать?

– Уф-ф... Какая жуть... В первый раз в жизни начинаю день с рюмки водки. Дайте собраться с мыслями.

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете: «Вот ведь менты умеют устраиваться! Вместо того, чтобы ловить преступников, обворовавших несчастных Сарафановых, с утра хлещут водку». Так?

– В точку. Однако, Владимир Ильич, вы не очень-то похожи на мента. И даже по манере разговаривать. Хотя ваш начальник Москаленко представил вас опером от бога, каких мало. Наверное, врал, как у вас там принято.

– А на кого я похож?

– Я бы сказала... на учителя. Да, на учителя. Вы с первого взгляда напомнили мне нашего школьного историка. Почему вы улыбаетесь? Меня понесло не в ту степь?

– Удивлен вашей интуицией. Я по первому образованию и есть учитель! Причем учитель истории.

– Как же вы попали в милицию?

– После армии. Меня как мастера спорта по боксу призвали в спецназ ГРУ – это такая военная разведка. С тех пор и ношу погоны.

– Вы – мастер спорта по боксу?! Вот уж ни за что бы не подумала.

Оксана заметила, что, разговаривая с ней, Найденов краем глаза внимательно следил за тем, что происходит у стойки бара. В чебуречную, несмотря на ранний час, потоком шли какие-то люди, с которыми коротышка с мушкетерской бородкой подолгу приватно разговаривал, иногда выходя для этого на улицу. Вернее сказать, посетители о чем-то докладывали, а хозяин заведения слушал и давал лаконичные распоряжения. Найденов как будто ждал, когда бармен освободится. И тот время от времени многозначительно посматривал в его сторону.

– Давайте, Оксана, по теме. Что вам рассказать о кражах? Вы собираетесь записывать... м-м... это обязательно? – поморщился подполковник, увидев, что она закрепляет между тарелками диктофон.

– Он нам не мешает, пусть лежит себе... Владимир Ильич, вопрос в лоб: почему наша доблестная милиция не хочет раскрывать квартирные кражи? Я обзвонила, наверное, человек пятнадцать своих знакомых. Почти каждого хотя бы раз обворовали, и ни разу преступников не нашли. Возьмем

вчерашний случай с Сарафановыми. Вы верите, что сможете найти воров? Только честно.

– Если честно, шансов мало. Орудовали малолетки. Нарки, нарики, наркуши – по-разному их называют. Обдолбанные, в общем, ребятишки. Видят: форточка открыта, дверь ногтем открывается. Проверочный звонок в квартиру – и лезут без особой подготовки. Не всегда тактично это говорить потерпевшим, но часто они сами провоцируют воров своей беспечностью. Как наступает лето, мы знаем: в воскресенье вечером или в понедельник утром будут звонки: обокрали!

– Сарафановых обокрали в пятницу.

– Да, их случай не очень типичен. Они уехали на дачу и вернулись, что-то забыли.

– То есть раскрываемость таких преступлений – ноль?

– Не ноль. Процентов десять. В этом году, может быть, у нас даже дойдет до двадцати. По горячим следам воров найти почти невозможно. Но рано или поздно – на двадцатой, тридцатой краже – воры могут засыпаться. Допустим, напорются на сигнализацию, успеет приехать вневедомственная охрана. И вот доставляют их к нам, мы смотрим по картотеке – а их пальчики нигде не засветились. Хотя мы чувствуем, что за каждым из них десяток-другой эпизодов. Иногда приходится отпускать.

– А десять процентов откуда берутся?

– Надо отрабатывать места преступлений. Я это у нас наладил, когда сюда пришел. Месяц назад был случай: взяли группу малолеток на другом конце Питера. Так их пальчики были сняты только у нас! Сразу три эпизода раскрыты. Полковнику Москаленко объявили благодарность по главку.

– Значит, Сарафанов правильно сделал, что заставил вас прислать эксперта и кинолога?

– Вы и это знаете?

– Да, я успела с ним утром пообщаться. Искала на вас компромат. Но его жена сказала, что если милиционеров пинать, они начинают шевелиться.

Найденов рассмеялся:

– Правильно сделал. Я же сказал вам: в семье не без уроды. Это я про нашего сотрудника.

– А других у вас нет?

– У меня по штатному расписанию двенадцать оперов. В наличии девять, с опытом работы в органах более трех лет – двое всего. Еще двое – в отпуске, кто-то отсыпается после дежурства. Так и работаем. А у нас ведь не только квартирные кражи случаются.

Подполковник помолчал. Затем продолжил несколько загадочно:

– Однако есть одно обстоятельство, которое может оказаться на пользу Сарафановым. Подождите, Оксана, мне надо потолковать с Халилем.

* * *

Поток посетителей к бармену наконец иссяк, во многом потому, что он в какой-то момент поставил стул у входа, дав понять: прием окончен. Подполковник направился к барной стойке, кудрявый коротышка вышел ему навстречу. Они стали тихо переговариваться. Оксана с любопытством за этим наблюдала. Лицо Найденкова ничего не выражало, а подвижное лицо его собеседника, наоборот, постоянно меняло оттенки, от крайней почтительности до как будто возмущения.

– Такое дело, Халиль, – сказал Найденков. – Сегодня ночью какие-то пацаны влезли в квартирку на Энтузиастов. Что-нибудь знаешь об этом?

– Что унесли? – глядя в сторону, спросил бармен.

– Ноутбук, пару тысяч долларов, ну и так, по мелочи. Если нужно, мой парень привезет опись.

В глазах у Халиля заплясали загадочные огоньки.

– У меня к вам, Владимир Ильич, тоже просьба. Вчера на рынке задержали нашего парня. По беспределу задержали. Говорят: у тебя документы не в порядке. Это у него-то не в порядке? Все у него в порядке. Взяли бумаги, порвали прямо на глазах и говорят: полезай в машину. Это правильно, да? Отпустите его. Хороший человек, я отвечаю. Маму жалко.

– Я в курсе. Дрянь всякую носит в карманах твой хороший человек. Ладно, приезжай к обеду, забирай.

Ильич знал, что разговор о парне, задержанном по беспределу, зайдет. Действительно, время от времени местная милиция пополняла свой, так сказать, обменный фонд, что давало ей дополнительные каналы влияния на местные группировки и вообще служило напоминанием, кто в доме хозяин. Дагестанец Халиль был не просто барменом, он являлся совладельцем двух рынков, их реальной администрацией, своего рода местной теневой исполнительной властью. Лично ему принадлежали на вещевом рынке ломбард, несколько магазинов, его родственники и земляки контролировали в районе разные значные удовольствия, вплоть до сугубо криминальных – продажи наркотиков. Он улаживал конфликты между группами торговцев, вызволял «хороших парней» из-под милицейской стражи. Если на рынках хотела поработать группа карманников, то ее бригадир приходил за разрешением к Халилю, и тот, обсудив условия, давал санкцию, а иногда не давал. Карманников, работавших без разрешения, быстро вычисляли, и судьба их была незавидной.

Люди, которыми интересовался подполковник, могли попытаться сбыть краденое на рынке и закупить дозу зелья. Тогда они не прошли бы мимо внимания Халиля.

– Попробую выяснить, Владимир Ильич. Поспрашиваю. Только вы знаете мое правило: фамилий я не назову. Что хотите узнать у них? А вещи мы отдадим, зачем нам чужие вещи?

– Те, кто был в квартире, мне не нужны. Они сейчас собирают галлюциногенные грибы где-нибудь в подвале. Но на улице их ждал взрослый. И он мог видеть кое-что важное. Например, то, как из подъезда вывели человека и посадили в джип. Понимаешь? Любая информация об этом джипе.

– Когда нужно?

– Немедленно. А еще лучше вчера. Понял? И никому ни звука.

Халиль что-то прикинул, улыбнулся и сказал:

– Я приеду за нашим парнем через часок, хорошо?

– Хорошо. Комп не забудь. И две тысячи.

– Свои отдам, разве это деньги?

Ильич так и не понял, Халиль уже знает, кто обчистил квартиру Сарафановых, или только надеется узнать? Когда Найденов вернулся за столик, Оксана заметила в его глазах охотничий блеск. «Занятный человек этот подполковник», – думала она. Ей нравилось наблюдать, как он невозмутимо, с чувством спокойного превосходства общается с людьми, которые вызывают у нее беспокойство и даже страх. И ведь всего-то подполковник, районный мент. Неудачник, по сути.

– Жена, наверное, привыкла к тому, что вы можете заночевать в своем кабинете?

– Жена от меня ушла. Но не по этой причине.

– Ой, извините, я опять не то спросила.

– У вас тоже профессия беспокойная. Р-раз – и в Беслан. Или в райотдел милиции на ночное дежурство. Для замужней женщины было бы сложно, я думаю.

– А почему вы уверены, что я не замужем?

– Ну, мне так кажется.

– Вы правы. Но я была замужем – целых полгода. Знаете, я бы, пожалуй, еще выпила полрюмочки. Никак от себя не ожидала такой прыти. Между прочим, пока вы разговаривали с Халилем, я слопала почти весь шашлык.

– Не знаю, как вы, а я свои триста граммов сегодня заслужил. Ваше здоровье!

– Меня распирает любопытство узнать, о чем вы разговаривали с барменом. Но вы, конечно, не скажете.

– Может быть, потом.

– А мой диктофон спокойно записывает на таком расстоянии... О нет, не пугайтесь, Владимир Ильич, я его давно выключила. Между прочим, хочу вас спросить вот о чем. Вы ведь не только квартирными кражами занимаетесь?

– Я занимаюсь не кражами, а их раскрытием, Оксана. Это была моя специализация в ГУВД. А сейчас – да, всеми составами. Кражи, угоны, наркотики, убийства.

– А освобождением заложников?

Этот вопрос родился у Оксаны спонтанно. Наверное, частью своего сознания она уже находилась в Беслане, в школе, в которой в сентябре 2004 года погибли триста с лишним человек, в основном дети. Три года минуло, завершился процесс над единственным уцелевшим террористом, проведено парламентское расследование, опубликованы книги, сотни свидетельств, а в деле по-прежнему сплошные загадки. При чем тут был подполковник милиции из Санкт-Петербурга? Да ни при чем. Тем не менее Оксана ожидала его ответа.

– Одного заложника мы освободили в феврале. Но наш отдел тут был сбоку припеку, просто похитили его на нашей территории – сына владельца супермаркета. Требовали выкуп в три миллиона долларов. Ну, СОБР ворвался, мальчика освободили, остальных по стенке размазали. А вот лет десять назад в Омске, где я начинал, действительно был случай, после которого я сказал: нет, это не мое. И больше к этой теме близко не подходил. Хотя предлагали перейти в отдел по освобождению заложников с повышением. Отказался.

– Ой, расскажите, что было в Омске!

....Через десять минут, когда Ильич закончил свой рассказ, они с Оксаной оставили заведение Халиля. Притула обратила внимание, что подполковник не заплатил за завтрак. И мысли такой у него не возникало.

– Мы там... ничего не должны?

– Считайте, что мы провели оперативное мероприятие. Как я вам и обещал.

– Поняла. Знаете, как будет называться мой репортаж, Владимир Ильич? «Завтрак с оборотнем». Материала набирается уйма.

Они рассмеялись, как смеются люди не только над сказанным, но и над чем-то еще, известном им двоим. Да и просто потому смеются, что интересно провели время.

Найденов отвез Притулу к ее дому, где девушка пересела в поджидавшую ее редакционную машину. Она отправилась в аэропорт, а подполковник вернулся в свой кабинет и стал ожидать, в какую из расставленных им ловушек попадетс я необходим ая ему дичь.

Глава пятая,

в которой герои убеждаются, что каждый план имеет свои недостатки и события порой развиваются по наихудшему сценарию

Георгий Васильевич Пронин чувствовал себя вполне комфортно в кресле у камина. Камин был не его, и кресло было не его. И вообще он находился в помещении, где простой смертный никак не мог оказаться. Откуда же это ощущение комфорта? Странно... правда, странно.

А разве с вами такого не случилось? Вы попадаете в обстановку, в которой себя раньше и представить не могли. Допустим, пришли в театр, заняли свое место в зале, и вдруг вас приглашают пройти за кулисы. Из служебной комнаты вышел важный человек, распорядитель, пробрался по рядам и пригласил. Вас?! Несомненно, это какая-то ошибка. Вас ни разу в жизни не приглашали ни за какие кулисы. Тем не менее такое случилось, и вот вы стоите рядом с известными актерами, наблюдаете, как они готовятся к выходу, может быть, даже пьете с ними чай и через некоторое время, обвыкнув, думаете: ну и что такого? Люди как люди, профессия как профессия, не труднее других. Сложись у вас биография иначе, и вы могли бы вот так же, выучив роль, загримировавшись, выйти на сцену и сыграть не хуже. Ей богу, не хуже.

Да что там за кулисами театра – человек на Луне побывал! Наверное, пяти минут не прошло после того, как он ступил на лунную поверхность и сделал на ней первый кенгуриный прыжок, а уже деловито осматривался: камушки, песочек. Этот камушек, если его толкнуть на аукционе вон на той голубой планете, потянет на десятки тысяч долларов... или все-таки на сотни тысяч? Еще несколько прыжков и – на корабль, делать в этой пустыне, по сути, больше нечего. Зато позже, вернувшись на Землю, тихими ночами он будет сидеть в своем садике и часами смотреть на плывущий в небесной

пустоте бессмысленный желтый диск, испытывая мистический трепет сродни ужасу: неужели я там был? Эта мысль не каждому сознанию под силу.

Кстати, первому человеку, ступившему на Луну, она вроде бы оказалась не под силу.

Очутиться в личных апартаментах главы государства – это, конечно, не на Луну слетать, но и не прогуляться в театре за кулисы. Что-то, наверное, среднее. Георгий Васильевич продолжал осматриваться. Над камином, в углублении стены, – домашний кинотеатр. Огромные окна, начинавшиеся от пола, словно заменяли в комнате боковые стены и придавали ей сходство с большим аквариумом, погруженным в красивый парк с рядами елей и аккуратными, подсвеченными дорожками. Обитателей комнаты нельзя было увидеть, наблюдая извне, но в парке в этот час в зоне их видимости никто и не мог оказаться.

Георгий Васильевич находился в подмосковной резиденции президента Российской Федерации Горки-9. Ее интерьер был выполнен в стиле, который в кремлевском просторечии назывался «бородинским евроремонтом» – по имени легендарного кремлевского завхоза. Богато и казенно – советское, так сказать, барокко. Правда, в комнате, о которой идет речь, чувствовались попытки ее обитателя наладить уют. Все же поговаривали, что Владислав Владиславович не очень-то любил это свое гнездо, слишком многое здесь напоминало ему о предшественнике. И преемник его вряд ли полюбит – по той же причине... Впрочем, нам-то что, пусть сами разбираются.

Утро 1 сентября Пронин ожидал уже без страха, скорее с волнением артиста перед выходом на сцену. Он выйдет – и волнение пройдет. Все решения приняты, сомнения позади. Пронин знал себя. Он справится с ролью, которая ему доверена. Георгия Васильевича больше беспокоило, каково сейчас другому человеку, исполнявшему его роль.

Рядом с ним в таком же кресле возвышался Петрович – начальник президентской службы безопасности. Петрович вовсе не был Петровичем – по паспорту. Он был им по жизни. Выпускник той же разведшколы, что и Букин с Прониным, будущий Петрович в первой загранкомандировке работал в советском торгпредстве шофером, разумеется, совмещая с этим ряд более деликатных обязанностей. У первого его начальника было странное убеждение, что все уважающие себя профессиональные водители носят отчество «Петрович». Он и переименовал своего подчиненного. С тех пор повелось. По прошествии лет обращение «Петрович» стало своего рода паролем, знаком того, что обращающийся находится в особо доверительных отношениях с начальником президентской службы безопасности.

Две недели назад при их встрече на конспиративной квартире Петрович с большим сомнением разглядывал Георгия Васильевича. «Из него такой же Букин, как из меня Бен Ладен», – подумал он. Шеф уверял, что они с Прониным когда-то были похожи? М-м... Тут не гримирование, а целая пластическая операция предстоит. Ладно, нет худа без добра, может быть, Букин одумается и похерит всю эту затею.

Задача Петровича состояла в том, чтобы рассказать Пронину, какие опасности подстерегают президента – подлинного или мнимого – 1 сентября в Беслане. Он не пожалел мрачных красок. В начале лета спецслужбы в Москве арестовали шахидку, которая то ли не смогла, то ли не захотела привести в действие взрывное устройство. На допросах выяснилось, что организаторы готовили ее в Беслан, но потом поменяли задание, видимо, почувствовав, что она может дрогнуть. Однако они были убеждены: в начале сентября 2007 года им представится реальный шанс! Это вытекало из ее показаний. Значит, для Беслана готовят другую группу? Сведения, полученные от шахидки, стали последним звеном в цепи других данных, указывающих на то, что в Северной Осетии готовится террористическая акция, приуроченная к Дню знаний. Спецслужбы сбились с ног, но выйти на след террористов никак не могли. Не только Петрович, все руководители службы безопасности президента были единодушны: покушение реально, предотвратить его на дальних подступах не удастся. Ехать президенту в Беслан нельзя.

– Но он вбил себе это в голову, – проворчал Петрович. Этика его профессии допускала грубоватую, по-солдатски прямую критику поступков шефа – в сердцах, от собачьей преданности и избытка заботы о его жизни и здоровье.

– Вы просчитывали риск? – спросил Георгий Васильевич, пожившись.

– То, что попытка будет предпринята, я практически не сомневаюсь, – безжалостно продолжал Петрович. – Придется действовать по ситуации. Понятно, наши люди будут стоять на ушах. Но там много неуправляемого народа. У половины города кто-то из родственников пострадал, можете себе представить. Есть сволочи, которые их заводят. Мне уже по ночам снится: к президенту лезут женщины в черном, а я ничего не могу с этим поделать.

Беседуя с Прониным в резиденции Горки-9, Петрович был явно не в своей тарелке. Это не вязалось с его обликом. Массивный Петрович в обычное время казался обломком стены, к которой хотелось прислониться.

Этот человек давно осознал свое место в мире. Есть люди сильнее его, которым он должен подчиняться, способность к слепому подчинению вошла в его плоть и кровь. И есть люди – их большинство – слабее его. Они это должны понимать, и тогда у них не будет проблем. Когда он пристально смотрел на представителя мира более слабых, тому казалось, что на переносицу ложится пудовая гиря. Но это когда Петрович смотрел спокойно. А если он гневался, что случалось редко за ненужностью, то гиря становилась двухпудовой и даже могла в оппонента полететь – не каждый выдерживал такой его взгляд. Жизнь Петрович воспринимал исключительно как борьбу, окружающих делил на своих и чужих; первые пользовались его преданностью и покровительством, зато вторые... Вторые, считал он, пусть сами позаботятся о себе.

Впервые за годы их знакомства Петрович не просто осуждал своего шефа, он категорически отказывался его понимать. И если он частично смирился со своей участью, то лишь потому, что альтернатива казалась ему катастрофической: Владислав Владиславович Букин сам поехал бы в Беслан 1 сентября открывать учебный год.

Петрович, конечно, не мог саботировать данное ему поручение президента. Но он выполнял его без огонька, надеясь, что в последний момент шеф все-таки передумает – хотя бы в части своего перевоплощения в главу какой-то питерской фирмешки. Петрович запросил подробную информацию о Пронине. Однако справка не могла поколебать намерения Букина: название «Тесей» ни разу не значилось в криминальных сводках, конфликты фирмы с ее конкурентами по бизнесу если и имели место, то никогда не выходили наружу. Так было, по крайней мере, в последние семь лет. Сам Георгий Васильевич, судя по справке, вел размеренную и скучноватую жизнь успешного, неконфликтного бизнесмена.

Примерно через неделю после их первой встречи Петрович заехал к Пронину домой, внимательно осмотрел и сфотографировал квартиру, подъезд к дому, взял пакет, который Георгий Васильевич подготовил для

Букина. В пакете находилась подробная справка, составленная по всем канонам их прежней профессии: клиенты, коллеги, знакомые, соседи, прошлое и настоящее фирмы «Тесей», риски и так далее, с фотографиями. Правда, все это было тщательно запечатано и предназначено для сведения одного человека – отнюдь не Петровича (с неудовольствием отметил тот). Они еще раз подробно обсудили детали. Затем была новая, третья по счету, встреча. И вот подошел день 31 августа.

Начало операции прошло гладко.

Около 14 часов в квартиру 45 дома №14 по улице Энтузиастов вошли хозяин и его внушительного вида спутник. Вскоре те же двое покинули помещение. Так могло показаться со стороны, если бы кто-нибудь из соседей наблюдал эту картину. Вскоре Пронин – настоящий Пронин – находился на борту вертолета, взявшего курс в направлении Москвы.

Дома у него остался человек, похожий на Пронина. Здорово похожий.

Теперь, наблюдая Георгия Васильевича в новом облики, Петрович не мог не изумляться: ну и ну! И ведь не сказать, что специалисты из лаборатории ФСБ над ним сильно поработали. Сбрита шкиперская борода, добавлены волосы на макушке, голубые глаза стали серыми, к тому же завтра они будут спрятаны за очками в легкой золотистой оправе с затемненными стеклами – могла же у президента после отдыха в Сочи разыгаться аллергия на солнечный свет. «Кто бы мог подумать?» – изумлялся Петрович.

Пронинская внешность тоже оказалась несложной для воспроизведения. Борода у Букина во время его двухнедельного отпуска в августе успела вырасти своя, ее только подкрасили, добавив седины. Благородная лысина, роговые очки, трубка в зубах: писатель, путешественник, даже предприниматель средней руки – кто угодно, но только не тот, кем Владислав Владиславович был раньше. Разговор с Букиным и Прониным, загримировавшимися друг под друга, за те полчаса, что они провели вместе 31 августа, стал испытанием для психики Петровича.

Он до последней минуты надеялся: что-нибудь или кто-нибудь сорвет задуманную шефом операцию. Нет, ничто и никто уже ее не сорвет.

Начальник секретной службы, кажется, успел кругом подстраховаться. За входом во второй подъезд дома по адресу Энтузиастов, 14 ведется круглосуточное видеонаблюдение, картинка передается прямо в резиденцию президента, на монитор, за которым постоянно следит сотрудник охраны. Петрович может в любой момент сам убедиться: все нормально. Если Букин захочет выйти в город, с ним в зоне видимости будет находиться охранник из ФСО – Петровичу в последний момент удалось убедить президента согласиться хотя бы на такую опеку. Пока не видно оснований для беспокойства. Миллионы граждан нашей страны живут без подобных предосторожностей, и ничего страшного с ними не происходит. С большинством, по крайней мере.

Поездка в Беслан 1 сентября теперь волновала Петровича гораздо меньше. Что бы ужасного там ни случилось, это случится не с Владиславом Владиславовичем Букиным. Главное, что президента страны удалось вывести из-под удара. Все остальное поправимо. Не забота начальника службы безопасности объясняться с общественностью, если начнут появляться фантастические версии о том, что в Беслане «царь был не настоящий». В подобных домыслах и так недостатка нет.

Но тягостные предчувствия не покидали Петровича. Он опять глубоко вздохнул и тряхнул головой, будто освобождаясь от наваждения. Эх его колбасит, отмечал про себя Пронин.

* * *

Букин тонко поступил, дав своему другу подборку материалов по теракту в Беслане. Это напоминало исповедь – сухую исповедь на языке фактов. Что было в подборке? Выписки из материалов уголовного дела, стенограмм заседаний суда над выжившим террористом. Характеристика «так называемых общественных организаций», работающих в Беслане, а также справка, какие мутные источники их финансируют. Строились

прогнозы, как тема теракта будет использоваться черными технологами на президентских выборах в 2008 году и в будущем против Владислава Владиславовича – беззастенчиво будет использоваться. Строго говоря, ничего сверхсекретного в папке не было. Однако события в Беслане трехлетней давности выглядели несмываемым пятном на блестящей карьере Букина, несомненно – его незаживающей раной, которую его враги, как он предполагал, будут беречь до бесконечности. Материалы подбирались даже с чрезмерной дотошностью. «Уж не сам ли Влад составлял подборку?» – мелькнула догадка у Пронина.

Георгий Васильевич не следил за тем, как проходил судебный процесс в Беслане. Он не читал стенограмм заседаний. Поэтому многое в подборке, переданной Букиным, его действительно поразило. Он с удивлением читал показания сотрудников спецслужб. Это же ужас, что они рассказывали публике! Все тонкости оперативной игры силовиков с террористами как на ладони. Как ведутся переговоры с бандитами, как устанавливают их личности, как работают с их родственниками, как принимают решения о штурме и так далее, и так далее. Да это же готовое пособие по захвату заложников! Такое могли рассказывать только люди, которым кричат из зала:

– За что ты убил наших детей?

– Почему ты не застрелился? Офицер!..

Бывший разведчик Пронин не сомневался, что эти ценные сведения уже сброшюрованы и доставлены в центры подготовки террористов.

Однако вот ведь парадокс: беспрецедентная открытость суда не столько снимала вопросы, сколько порождала новые; плодились слухи, подчас фантастические. Чем больше тайн операции раскрывалось, тем меньше верили люди официальному расследованию. Влад, очевидно, был глубоко уязвлен. Пронин его понимал. Однако Георгий Васильевич был уже наполовину гражданским человеком, бизнесменом, успевшим понаблюдать власть со стороны. И он понимал другое: человек не станет верить врачу, если у него нет возможности обратиться к другому врачу. В этом вся суть. И

тут власти не на кого пенять, кроме как на саму себя. Официальному расследованию – даже скрупулезному, беспрецедентно открытому – не поверят, если людям кажется, что оно единственное, что блокированы другие расследования. Сделав государственными 90% СМИ, государство добилось того, что ему не верят. Букин – создатель пресловутой вертикали власти, и он в данном случае – ее жертва...

Однако это дебри, в которые сейчас неуместно залезать, осадил себя Георгий Васильевич. Главное, что Влад не может завершить свой второй президентский срок, не залечив рану Беслана. Эти материалы – сдержанная просьба о помощи. А по-другому просить о помощи он не умел.

– Да, все это печально. Хотя Влад и сам во многом виноват...

Георгий Васильевич последнюю фразу произнес вслух.

– Что? Я не расслышал.

Все Петрович расслышал и обо всем догадался. В нем вместе с нервозностью росла антипатия к Пронину. Георгий Васильевич это чувствовал. Еще немного – и антипатия превратится в сильную неприязнь. Совсем некстати, учитывая, какой трудный день им завтра предстоит.

– Те, кто втягивает жертв Беслана в политику, конечно, редкие гниды, – сказал Георгий Васильевич примирительно.

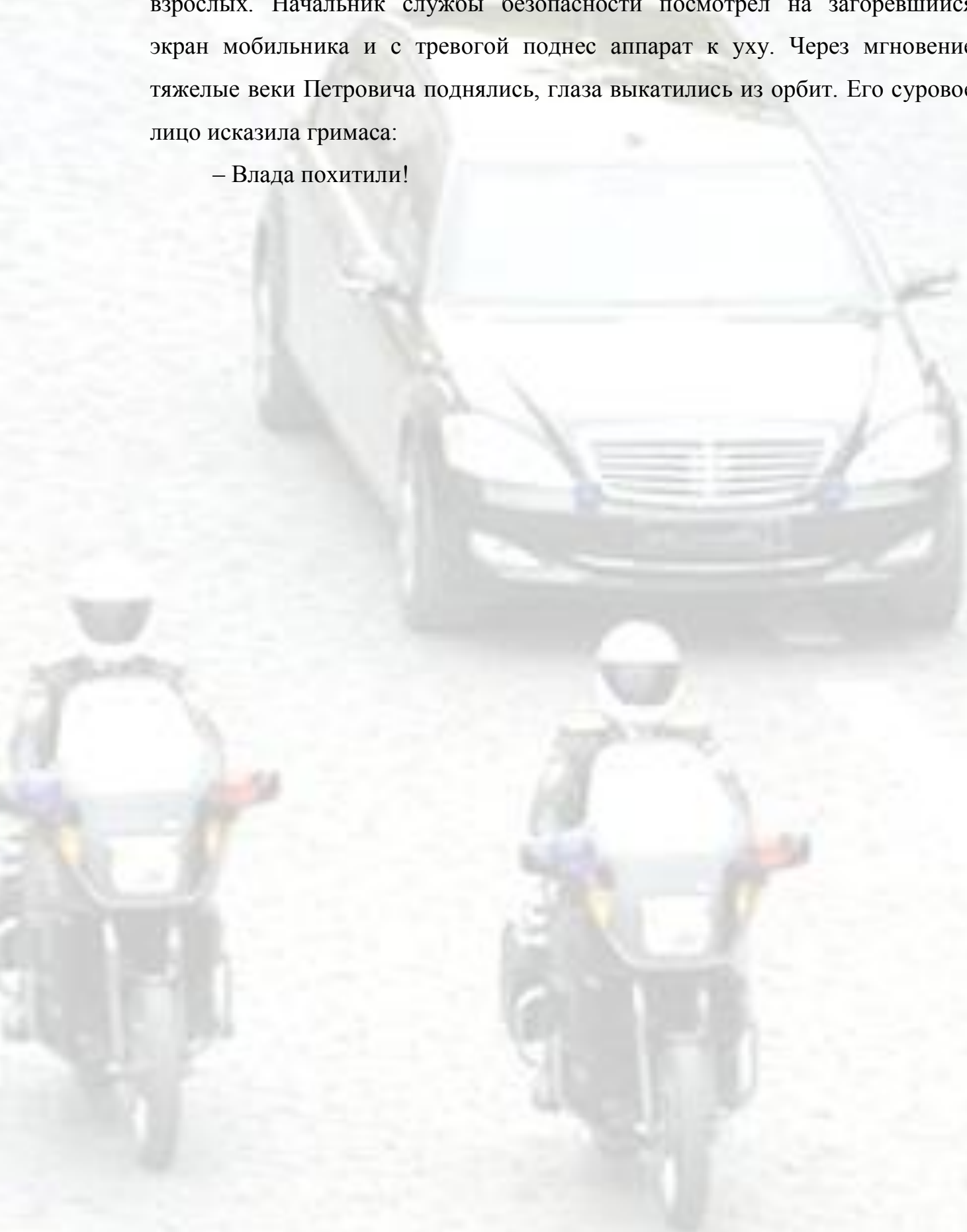
Петрович снисходительно кивнул. И добавил, тщательно подбирая слова, чтобы не показаться слишком пафосным:

– При всех жертвах в Беслане... при всем том бардаке... за то, что бандиты оттуда не ушли, Владу надо памятник поставить при жизни. Тогда здесь был сумасшедший дом. Предлагались разные варианты. А Влад сказал: это надо прекратить раз и навсегда. Иначе они нас затерзают. Они убивают наших людей, а мы им предлагаем миллионы и самолет в теплые страны? И он оказался прав. Больше не было бесланов. Беслан – это победа, а не поражение.

Георгий Васильевич не мог не поблагодарить судьбу за то, что это не он три года назад – возможно, сидя в этом самом кресле – решал, как

поступить с бандитами, захватившими в заложники тысячу с лишним детей и взрослых. Начальник службы безопасности посмотрел на загоревшийся экран мобильного и с тревогой поднес аппарат к уху. Через мгновение тяжелые веки Петровича поднялись, глаза выкатились из орбит. Его суровое лицо исказила гримаса:

– Влада похитили!

Глава шестая,
*из которой следует, что сильные мира сего тоже бывают
вынуждены «включать дурака»*

Владислав Владиславович Букин не для того задумал эту, прямо скажем, рискованную операцию, чтобы в те немногие часы, когда он мог побыть самим собой (а самим собой он мог побыть, *перестав быть собой*), отсиживаться в квартире у своего двойника и смотреть по телевизору себя любимого. Иначе зачем было ему оставлять Москву, свою резиденцию? Зачем было становиться Прониным? Он хотел вкусить полной свободы и имел на высвободившиеся сутки разнообразные планы, которые, впрочем, поразили бы обывателя своей скромностью.

Обывателя – но не главу крупного государства, который вот уже восьмой год живет на положении «таракана в бронированной банке». Эти слова Владислав Владиславович сам употребил в одной из бесед с журналистами.

История сохранила огромное количество примеров того, как императоры, короли, президенты, римские папы и подобные им персоны предпринимали попытки почувствовать себя самыми обычными людьми. Просто скрыться в дальней комнате своей резиденции и никого не пускать им оказывалось недостаточно. Иное дело – переодеться, наклеить бороду или, наоборот, ее сбрить и с верным слугой броситься в пучину простых человеческих удовольствий. Наверное, именно таким способом они могли выплеснуть наружу ежедневно подавляемые естественные чувства. История также оставила свидетельства того, как пользовались переодетые особы своей свободой. Тут есть чему изумиться. Некоторые сразу направлялись в кабак. Кое-кто прямиком шел к падшим женщинам. На этом фоне прилично выглядел царь Петр I, который под чужой фамилией уехал плотничать. Александр II, рассказывают историки, однажды во время официального

зарубежного визита (во Францию) снял дом и скрылся там с возлюбленной. Его отец Николай в форме офицера ухаживал за дамами. Согласно легенде, однажды он пришел на свидание к девушке, а ее служанка сказала: «Уходи, быстрее, офицерик, сейчас сюда царь придет». Он и ушел – навсегда. Поскольку то, что интересно проделывать, будучи офицером, совсем не интересно получать даром, будучи царем.

Иными словами, не стоит удивляться желанию Владислава Владиславовича Букина скрыться с радаров Петровича и прочего его окружения хотя бы на сутки. И не обязательно он на эти сутки имел сверхъестественные планы. Их ему хватало в повседневности.

* * *

Спросили бы в «эпоху Букина» у любого гражданина нашей страны: кто ею руководит?

Ответ был бы: конечно, президент! И чем дальше, тем больше руководит. Он сам поначалу пребывал в плену у этой иллюзии. Пока, наконец, не задался тем же вопросом: а точно ли он управляет страной? Да, почти все кадры – его назначенцы. Уже через два года после его избрания президентом в федеральном руководстве практически не осталось людей, которые попали туда помимо его воли. «Я – человек Букина», – повторяли во всеуслышание министры, депутаты, сенаторы, спикеры, силовики, включая тех, кому по статусу полагалось быть людьми отнюдь не президента, а, скажем, закона или избирателей. Большинство из них, прикрываясь его именем, обтяпывали свои собственные делишки. Ведь быть «человеком президента» прежде всего очень выгодно. Называя себя так, человек фактически говорит: пусть я холоп, пресмыкающееся, но я пресмыкаюсь только перед одним человеком, а для других я – заоблачный начальник, их я его именем в бараний рог скручу.

Так, стало быть, это он, президент Букин, сосредоточивший в своих руках огромную власть, принимает наиболее важные в стране решения? Если бы... Он ставит подписи под такими решениями. Ежедневно на его стол

ложатся папки с бумагами. Эти – самые срочные, эти – не самые, а те еще могут подождать. Каждый вопрос, каким бы сложным он ни был, излагается в нескольких абзацах. Проект резолюции непременно прикладывается. Порой на бумагах уже есть подписи руководителей ведомств. Ему остается либо согласиться, либо нет. Если он ставит резолюцию «Отказать» – это нонсенс. Значит, помощник, подготовивший бумагу, не может предсказать реакцию своего шефа, что ли? Нужен ли вообще такой помощник? Опытный референт даже не понесет такую бумагу к шефу. Он подскажет просителю (если расположен к нему): составьте ее так-то и так-то. Либо он специально закрывает глаза на недостатки бумаги, поскольку заинтересован в отрицательной резолюции. Прочее встречается крайне редко.

Аналогично глава ведомства вряд ли подпишет бумагу, пока не убедится, что она составлена в устраивающих президента формулировках. Он же не враг себе, глава ведомства. Вот и принимает президент решения, которые за него подготовили другие, хорошо изучившие его психологию. В иное время он разрезает ленточки, пожимает руки, вручает награды, разговаривает по телефону с мировыми лидерами, принимает верительные грамоты от послов, готовится к зарубежным визитам, наносит их, произносит речи, дает интервью, заслушивает отчеты, наконец визирует документы, подготовленные с хорошим знанием его психологии, ест, спит...

Пока он всем этим занимается, кто-то руководит страной. Кто?

«Люди президента» – кто же еще. Никем не избиравшиеся чиновники из его окружения. Разумеется, они действуют в определенных рамках, заданных Букиным, но эти рамки неуклонно расширяются по мере того, как исполнитель погружается в проблему. Проблема начинает жить своей жизнью.

Президент дает приказ, положим, возобновить военные действия в конфликтном регионе. Определяет круг исполнителей. Время от времени его корректирует. Но через какое-то время он уже не полностью контролирует то, что происходит в конфликтном регионе. Проблема начинает жить своей

жизнью, а он все чаще выступает арбитром в споре различных группировок. Разве он не знает о сомнительных делишках «своих» людей? Знает. Компру ему несут со всех сторон, стук в его кабинете стоит, чище барабанного. Однако выдернуть из проблемы какой-либо из скомпрометировавших себя кланов крайне сложно. Во-первых, он сам делит с ним ответственность. Во-вторых, нарушается баланс сил. В-третьих, сразу обнажается целый фронт в практически военное время. Плохой фронт – лучше, чем вообще никакого. Исполнители – тоже не дураки, они стремятся превратить любой конфликт в войну. Сегодня это выборы главы поселкового совета, а завтра – поле генерального сражения между суверенной Россией и Западом, Востоком, Бушем, Бен Ладеном, Соросом...

И так практически с каждым решением, Он дает отмашку начать уголовное преследование зарвавшегося олигарха. Определяет круг исполнителей (как правило, давно «самоопределившийся» и рвущийся в бой). Олигарх сопротивляется, война набирает остроту. Через какое-то время в том и другом лагере появляются свои «кровники», и эта проблема тоже начинает жить своей, не вполне зависящей от его воли жизнью.

Иными словами, когда президент Букин выполняет бесконечные, перечисленные выше обязанности, страной управляет его бренд. А он находится в распоряжении «людей Букина», как они себя называют. Власть президента огромна. Но тот, кто знает правила игры, изучил его вкусы, слабости, умеет сформулировать проблему в принятых терминах, практически заранее определяющих его ответ, – тот поистине всемогущ.

Владислав Владиславович хотел побыть человеком-невидимкой. Ну, вот выберется он, неузнанный, на свободу и куда направится? Да господи!.. В пивбар, где любил бывать тридцать лет назад. Сейчас это заведение перестроено, оно стало спортивным кафе с мониторами, прямыми трансляциями с мировых спортивных арен, тотализатором, но пиво здесь подают, как и прежде. Как хорошо просто прогуляться по ночному Невскому, если позволит погода – а погода позволяла. Забытые ощущения,

которые он никогда больше не испытает, даже выйдя в отставку. Конечно, были и другие идеи, о которых знал только он. Именно в людном месте он хотел посмотреть прямую трансляцию из Беслана – скорее всего в том самом кафе. 1 сентября, 13.00. Федеральные каналы начинают спецрепортаж, посвященный участию президента Букина в праздновании Дня знаний. Линейка в школе Беслана... На трибуне появляется президент России, произносит трехминутную речь... Все, операция завершается, он может возвращаться в прежнюю жизнь.

Ну а пока таракану надо выбраться из бронированной банки.

* * *

Букин дольше, чем предполагал, изучал справку, составленную для него Прониным. Только сейчас он смог на ней сосредоточиться. У него вдруг начало портиться настроение. Почему? Перед его глазами протекала жизнь, полная коллизий, о которых он раньше мало задумывался. Некоторые события, происходившие в стране, не могли не покорибить *хозяина* этой страны. Автор справки рассказывал о них буднично, как о своих рутинных заботах. Чувствовалось, что этот бизнесмен не ждет от власти ничего хорошего, а к плохому от нее он привык. Дескать, вы там, в Кремле, сами по себе – мы тут сами по себе. Выглядело отчасти обидно.

Букин запер справку в ящике письменного стола, ключ спрятал в углублении под настольной лампой, как было условлено.

За окном быстро темнело.

Владислав Владиславович набрал номер охранника, которого ему навязал-таки Петрович, и поручил тому прибыть к его дому к 22.20. Он еще успеет посмотреть новости.

Серебристый джип «Тойота» появился у подъезда в 22.10. Букин следил по монитору системы видеонаблюдения. Подтянутый молодой человек в белой рубашке с короткими рукавами и в галстуке выпрыгнул из джипа. Вошел в подъезд. Вот он появился на третьем этаже у двери Пронина, вновь исчез, вышел на улицу, сел в машину. Ровно в 22.19 раздался звонок:

– Я на месте, Георгий Васильевич.

– Ждите.

Владислав Владиславович закрыл дверь прониной квартиры и стал спускаться по лестнице.

Когда он ступил на лестничную площадку первого этажа, его окликнули – тихо, но требовательно:

– Георгий Васильевич!

Из полутьмы глубокого стенного проема шагнул человек. Он держал перед собой раскрытые «корочки». Поднес их ближе к лицу «Пронина»:

– Уголовный розыск.

Путь к выходу из подъезда отрезал другой неизвестный, который документов не показывал.

– Вам, Георгий Васильевич, придется проехать с нами для участия в следственных действиях, это недалеко. Сохраняйте благоразумие.

Вчитываться в удостоверение смысла не было. Под прикрытием уголовного розыска часто работали чекисты. Эти ребята явно не менты. Крепкие руки легли на локти Владислава Владиславовича. «Спокойно», – скомандовал он себе. Сейчас его выведут на улицу, их увидит охранник – наверное, очень подготовленный человек, сотрудник ФСО. Наверняка Петрович позаботился о том, чтобы установить наблюдение за подходами к дому. Кто бы ни были эти двое, они не успеют даже выехать со двора. Пока нет оснований для паники. Но чуть-чуть потянуть время стоит. Главное – показать, что ты прост как дерево и веришь их легенде. Парни из уголовного розыска.

– Конечно, я готов, – максимально дружелюбно отреагировал «Георгий Васильевич». – Что от меня потребуется?

– По дороге расскажем, – сухо ответил человек с удостоверением, пряча его.

– Хорошо, идем.

– Нам не сюда. Сюда...

Они вывели его из подъезда, по-прежнему крепко держа за локти, через другую дверь. «Какой прокол охраны!» – подумал Владислав Владиславович. Метрах в пяти от дома, заехав двумя колесами на клумбу, темнел джип. Все трое расположились на заднем сиденье.

– Дайте ваш мобильный аппарат, Георгий Васильевич. Хорошо. Сим-карточку мы из него, конечно, вынем. Нагните голову к коленям, ниже. Да, примерно так. Вам ничто не угрожает. Только выполняйте наши требования.

Еще один неизвестный, располагавшийся на переднем сиденье рядом с водителем, после того как они достаточно далеко отъехали от места похищения, кому-то отрапортовал:

– Все в порядке. Выехали. Без эксцессов, товарищ генерал. Выполняю.

Грузят, догадался пленник, давят на психику. «Товарищ генерал...» Посмотреть бы на этого «генерала». Кто они, интересно? На полных отморозков вроде не похожи. Он молчал, пытаясь осмыслить новую реальность. Разговаривать с исполнителями похищения не имело смысла, его же везут к заказчикам. Пленник продолжал внимательно прислушиваться. Скоро, с минуты на минуту, раздастся резкий звук тормозов, громкий голос рявкнет в мегафон: «Водитель машины номер... срочно остановитесь!», яркий свет фар, милицейские мигалки. Освобождение, удивление похитителей. Дальнейшее разбирательство: кто они такие? Но ничего подобного не происходило. Значит, его похищение не зафиксировано людьми Петровича!

Джип плавно катил по ночному Питеру. Попетляв в первые минуты, водитель взял нужный маршрут. В салоне царило спокойствие: здесь никто не опасался встреч с дорожной милицией. Однажды машина притормозила,

прижимаясь к обочине, но спустя несколько мгновений так же плавно двинулась вперед – человек на первом сиденье сумел быстро разрулить ситуацию. Мелькание уличных огней в салоне прекратилось. Джип помчался по загородной трассе. Еще минут через двадцать он сбросил скорость, стал двигаться более осторожно, покачиваясь на неровностях, по-видимому, проселочной дороги, проехался и по песочку, пока, наконец, не вплыл на территорию некоего владения, отгороженного от мира высоким забором. Закрылись тяжелые створки металлических ворот. Джип обогнул дом и остановился.

– Приехали, Георгий Васильевич, – повеселевшим голосом сказал старший с переднего сиденья, явно удовлетворенный тем, что первая часть операции прошла без сучка без задоринки.

Букина вывели из машины. Где он? За городом, понятно. Чувствовалась близость воды. Возможно, дача находилась на выступе суши, и вода окружала ее с трех сторон. С четвертой стороны, откуда они приехали, виднелись высокие сосны. Место показалось Букину знакомым. Впрочем, таких мест немало в окрестностях Питера. Особняк трехэтажный... или два высоких этажа, трудно понять. Сомнений больше нет: люди Петровича полностью прошляпили его похищение. В ближайшее время ему предстоит рассчитывать только на себя. И сколько же у него в запасе времени?

Пленника завели в освещенную небольшую комнату с камином и стенами, отделанными под камень, увешанными шкурами, саблями, рогами; вероятно, джентльмены собираются здесь обсудить свои дела после совместной охоты. За массивным дубовым столом с видом сталинских прокуроров сидели два «охотника». «Судить они, что ли, меня собрались?» – мелькнула мысль у пленника. Букина посадили в кресло с высокой спинкой напротив них. Направят свет в лицо? Нет, обходятся без драматических эффектов.

Один из двоих, помоложе, разглядывал бумаги на столе и многозначительно ухмылялся. Тон здесь явно задавал другой – одутловатый,

с недовольным, помятым лицом, глаза навывкате, замученные. Он несколько мгновений молча разглядывал пленника с видом утомленного, но торжествующего победителя. Укоризненно покачал головой. Так обычно смотрят на человека, который не оправдал оказанного ему доверия. Когда на вас так смотрят, хочется заглянуть в зеркало, удостовериться, застегнута ли молния на брюках, вспомнить, у кого ты мог занять денег «до завтра» и не вернуть...

– Вам повезло, что вы находитесь сейчас здесь, а не в подвалах Лубянки, – начал пучеглазый. – Вам, Георгий Васильевич, дан шанс. Учтено, что вы бывший наш коллега, патриот России... во всяком случае, были им. Ваше прошлое оставляет надежду, что мы поймем друг друга. Надеюсь, вы согласитесь сотрудничать в той работе, которую мы проводим по заданию

руководства

страны. Вы удивлены, как я вижу? Я забыл представиться:

Николай Николаевич. А это мой коллега Виктор Иванович.

«Подвалы Лубянки» – какая дешевка, думал пленник. За кого они принимают старину Пронина? Букин готов был биться об заклад, что Николай Николаевич никогда не служил ни в ФСБ, ни во внешней разведке. Обычные бандиты, которые прикрываются государственными интересами. Чего же они хотят? Терпение. Пока надо играть по их правилам. Да, мы бывшие коллеги; да, меня привезли сотрудники уголовного розыска; да, вы действуете в государственных интересах; да, вы – Николай Николаевич, а тот молодой идиот – Виктор Иванович.

– Я был и остаюсь патриотом, Николай Николаевич, – сказал пленник.

«Конечно, вы суперзасекреченные чекисты и выполняете задание, небось, целого президента страны. Но не пора ли сказать, господа, чего вы хотите?»

Услышав реплику пленника, молодой изобразил удивление и недоуменно посмотрел на пучеглазого, словно хотел сказать: «Как и следовало ожидать, он над нами издевается!...»

– Нашему подразделению поручено заниматься возвращением средств, уведенных за рубеж. Средств, украденных у граждан России, – давайте называть вещи своими именами. Среди тех, кто этим занимался, – вы. Да, Георгий Васильевич, вы! Хорошо, скажу мягче: вы способствовали уводу значительных средств в иностранные офшорные компании. Фактически являетесь соучастником в мошенничестве. В принципе это уголовное дело. Но мы не сторонники того, чтобы раскручивать в стране маховик 37-го года. Мы можем частично понять людей, которые в обстановке безвластия при предыдущем президенте гребли все, что плохо лежало. Президент Владислав Владиславович Букин положил этому конец. Своровал – верни! Пусть не все средства, это предмет переговоров. Часть верни, на другую часть развивай легальный бизнес. Многие предприниматели согласились с нашим подходом. А тем, которые не согласны, мы... Мозги мы из них вышибаем, вот что (*Николай Николаевич устал от языка дипломатии*). Такой выбор.

– Важная миссия, согласен. А чем я могу помочь?

Молодой посчитал необходимым закипеть от возмущения. В этой паре, смекнул Букин, он олицетворял собой неверие в то, что с опасным мошенником Прониным можно о чем-то договориться. Его бы, дескать, воля, и Пронина сразу определили бы в подвалы Лубянки.

– Мы и постараемся выяснить, чем вы можете нам помочь. Для начала нам нужно узнать некоторые подробности об офшорной компании «P&P», зарегистрированной вами... да, в 2002 году на Кипре. Ее название конечно же указывает на фамилии владельцев: «Пронин» и «Перетолчин». Не так ли?

– Я веду юридические дела компании «СеверОйл» и одновременно являюсь главой ее представительства в Центральной России. Это ни для кого не секрет, Николай Николаевич. Следовательно, если кто-то считает...

– Георгий Васильевич, – укоризненно протянул Николай Николаевич, – не считайте представителей государства круглыми дураками! Мы знаем, кем вы числитесь. И знаем, кем вы в действительности являетесь. А вы должны знать, что такое «СеверОйл» сегодня. Это труп! Часть преступной организации! Ее создатели сейчас находятся в бегах или шьют тапочки в местах не столь отдаленных. И вашу «СеверОйл», говорю вам открытым текстом, мы сотрем в порошок. Так сказать, передадим более ответственным собственникам.

Пасьянс в голове Букина постепенно начинал складываться. Эти ребята, наверное, работают на компанию, которая хочет наложить лапу на активы проницкого «СеверОйла». И заодно получить денег с ее офшорного счета. Они либо из службы безопасности той компании, либо нанятые бандиты. Все остальное – пурга. Его окружение тут ни при чем. Эти сволочные олигархи рвут куски собственности из пасти друг друга, а потом обвиняют в наездах государство. От этого открытия Владиславу Владиславовичу стало немного легче. Теперь линию поведения он для себя определил.

– Хватит ломать комедию, – вдруг раздался жирный бас откуда-то сверху.

Букин поднял голову. В комнате находился четвертый участник их разговора. Самый важный, какие уж тут сомнения. Он наблюдал за началом их беседы с балкона, сидя в кресле, его не было видно за высокими перилами. Сейчас он стоял, нависая над поручнями – огромный, болезненно жирный, обливающийся потом, тяжело дышащий, похожий на гигантского поднявшегося на задние лапы моржа.

Букин его узнал. Это был заместитель директора ФСБ генерал-полковник Сутормин.

Глава седьмая,
*содержащая сведения о деликатных особенностях
отечественного бизнеса*

Игра, которую вели против Пронина, стоила свеч.

Компания «СеверОйл» была одним из бриллиантов в короне концерна «Юнион» – некогда могучей нефтяной империи, только что на глазах у всего мира разгромленной Владиславом Владиславовичем Букиным. Основатель концерна Боровский после долгого и скандального судебного процесса отбывал срок в колонии.

Генеральным директором «СеверОйла» вот уже два десятка лет являлся Григорий Захарович Перетолчин, потомственный нефтяник, орденосец и прочая, прочая. Авторитетный в нефтяной отрасли человек.

Если бы Перетолчин входил в близкое окружение Боровского, он, скорее всего, разделил бы его участь. Как минимум уже не был бы главой «СеверОйла». А как максимум... да мало ли что. Однако Григорий Захарович находился с опальным олигархом в очень непростых отношениях, о чем прекрасно знали и в правительстве, и в администрации президента России.

Олигарх Боровский – он ведь кто с точки зрения профессиональных нефтяников? Выскочка, сумевший в суматохе 1990-х прибрать к рукам сказочно богатые активы. А Перетолчин создал «СеверОйл». Когда-то молодым геологом он приехал в Западную Сибирь осваивать Северные месторождения. Годы жил в палатках, вагончиках, *кормил комаров*, как принято выражаться, хотя комары в тех краях отнюдь не самые страшные кровососы. Но зато, как только скважины Северного стали давать нефть, Перетолчин резко пошел в гору. Его назначили главным геологом, а вскоре и генеральным директором добывающего предприятия, которое тогда называлось иначе, без всяких иностранных «ойлов».

Он считался выдвиженцем известного советского министра Мальцева. При Мальцеве энергичные люди делали стремительные карьеры в отрасли. Перетолчин стал нефтяным генералом в неполные тридцать.

В 1990-е годы Григорий Захарович перешел в разряд так называемых красных директоров и тоже преуспел, сумев уловить новые веяния. Сначала он переизбрался генеральным директором на собрании трудового коллектива. Затем ловко выделил предприятие из состава производственного объединения в самостоятельную единицу, провел акционирование. Его авторитет на «СеверОйле» был непререкаем. Когда дым приватизации развеялся, компания оказалась закрытым акционерным обществом, в котором контрольный пакет принадлежал Перетолчину, а остальные акции распределялись среди менеджеров, рабочих и других не чужих ему людей.

Себя Григорий Захарович, конечно, не забывал. И все-таки считалось, что он относится к передовой части красных директоров – советских начальников, сохранивших свои посты при капитализме. Например, в самые трудные для нефтянки годы он продолжал заниматься разведкой новых запасов, а не просто выкачивал старые. Хотя дело это было дорогостоящее, бурение одной поисковой скважины в том регионе стоило 1 – 2 миллиона долларов, Перетолчин бурил их 10 – 15 в году. Кроме того, «СеверОйл» продолжал тащить на себе оставшуюся с советских времен социалку – санатории, детские сады, спортивные команды и прочее. Григорий Захарович пользовался авторитетом в нефтяном сообществе и мог себе позволить некоторые чудачества.

До поры до времени никто из сырьевых олигархов на «СеверОйл» не посягал. Но бесконечно так продолжаться не могло. Такой сладкий нефтяной пирог – и принадлежал неизвестно кому. Ненормально.

В 1999 году в офисе «СеверОйла» в Усть-Аганске нарисовались два смуглых субъекта с портфелями, похожие на юристов. По манерам – причудливая смесь вежливости и наглости. Сказали секретарше, подчеркивая

акцент: «Передай вызытки начальнику». Вышедшему ненадолго Перетолчину сказали вежливо, уже без акцента:

– Григорий Захарович, мы к вам. Да, конечно, подождем.

Плюхнулись в кресла напротив двери в кабинет. Громко разговаривали, смеялись. «Ну что твой начальник? Скоро нас прымет?» Специалисты компании, сидевшие в приемной, недоуменно переглядывались: генерал был для них царь и бог, они не привыкли, чтобы в приемной так себя вели.

Секретарша зашла к шефу чуть не в слезах:

– Григорий Захарович, у меня уже нервы не выдерживают... Эти двое... в приемной...

Перетолчин связался с начальником службы безопасности «СеверОйла».

– Егорыч, что это такое: «Финансово-промышленная группа «Резонанс»? – спросил он, держа визитки перед глазами. – С чем она резонирует?

– По телевизору их ролик крутят. Уже давно.

– А-а, припоминаю. «Богатство России...» с ними будет как-то прирастать. А кто такие, если по-простому?

– Бандиты, Григорий Захарович. Гребут под себя все подряд. К вечеру постараюсь подробнее выяснить.

В этот момент из приемной донесся шум.

– Зови их, – сказал генеральный директор секретарше.

Если это действительно наезд – впервой, что ли? Он верил в свою харизму крупного руководителя, который умеет осадить разную шушару. Сейчас ребята поймут, что ошиблись адресом. Пусть поищут кусочек посьедобнее, на дворе не 1994 год.

Молодые люди держались вежливо, но ни в малейшей степени не напоминали просителей. Харизма Перетолчина на них не действовала. Цель их визита? Руководство «Резонанса» предлагает «СеверОйлу» войти в состав холдинга на правах дочернего предприятия. Конкретнее? Стандартные

условия холдинга известны: его интересует контрольный пакет акций. Все остальное является предметом переговоров. Детали лучше обсудить в Москве.

– Мы самодостаточная структура, – попытался найти мягкую форму отказа генеральный директор. – Спасибо за предложение, но мы пока воздержимся.

Молодые люди хладнокровно выслушали формулировку нефтяника. Ясное дело, клиент будет упираться. Он только что вежливо предложил им убраться к черту. Прикинулся простаком, словно не понял, что предложение не простое, которое можно принять или отклонить, взвесив выгоду. Этот бронтозавр социализма ждет, что гости станут ему доказывать экономическую целесообразность вхождения «СеверОйла» в «Резонанс». Тогда надо его слегка полечить.

– «СеверОйл» – самодостаточная структура, вы сказали?

Гости подобрались и перестали улыбаться. Где намеками, а где прямым текстом они объяснили Перетолчину, что это не так, есть много способов перекрыть ему кислород. Нефть, которую он добывает, надо транспортировать по трубе. Ее нужно где-то перерабатывать. Лицензии на месторождения надо продлевать. Сбой на любом из этих звеньев подрубит его компанию на корню. Это не говоря о том, что он наверняка не слишком исправно платил налоги – недоимки за прошлые годы небось потянут на миллиарды рублей. Молодые люди остановились: надо ли продолжать?

Уязвимые места добывающей компании-одиночки вроде «СеверОйла» были указаны точно. Перетолчину ли их не знать? Он не хуже этих молокососов понимал, что в России самодостаточных структур нет и появятся они не скоро. Сильный при желании легко разрушит бизнес более слабого. И вот они пожаловали – более сильные.

– Сколько же мне предлагают за контрольный пакет акций?

– Это предмет переговоров. Одному вашему знакомому предлагали десять миллионов долларов. Он, правда, отказался.

Перетолчин почувствовал спазм в груди. Десять миллионов... Именно эту сумму предлагали его старому другу Круглову, руководившему компанией несколько меньшей, чем «СеверОйл». На рынке его пакет акций стоил в пять раз больше. Как доверительно рассказал ему Круглов, когда они парились в бане, и те десять лимонов предлагалось выплатить не сразу, а в несколько приемов в течение пяти лет. «Если доживу», – усмехнулся он.

Два месяца назад Круглов был расстрелян из автоматов в Москве по дороге из аэропорта.

Григорий Захарович старался взять себя в руки, но у него плохо получалось. Он с ненавистью и бессилием смотрел на посланцев хищного московского холдинга. Сказал только:

– В ваши годы, молодые люди, я кормил комаров в этих краях. Здесь в каждой скважине мой труд. Город я построил. А вы? Вы хотите все сразу. Для вас нефть – это только деньги. Деньги, которые не пахнут. Вы...

Из Перетолчина выходили не те слова, которые могли что-то изменить. Он много раз прежде говорил, что все, что имеет, нажил непосильным трудом в ущерб здоровью и молодости. Однако краем сознания нефтяной генерал не мог не понимать, что имеет несколько больше, чем реально заработал.

– Неужели все, кто вместе с вами кормил тогда комаров, теперь миллионеры? – ехидно поинтересовались гости. И продолжили: – Зачем так мрачно, Григорий Захарович? Вы же деловой человек. Понимаете: надо договариваться. Так что же передать нашему руководству?

– Я обдумаяю наш разговор.

– До свидания. О своем решении мы просим вас позвонить в Москву вот по этому номеру.

В тот вечер Перетолчина увезли из офиса с сердечным приступом на «скорой».

Но Григорий Захарович был мужик упертый. Он решил в Москву не звонить, а когда гости появятся в Усть-Аганске вновь, упорно стоять на

своем: «Подождем». Однако события развивались по иному сценарию. Его зам по экономике стал получать угрозы по телефону. У главного инженера сгорела баня на даче. Персонал компании стал нервничать. Перетолчин обращался в ГУВД с требованием найти злоумышленников, но милицмейское начальство реагировало без огонька: «Ищем». И это местная милиция, которая кормилась из его рук многие годы! Ей вечно что-то нужно: транспорт, горючка, подарки к праздникам. А теперь даже с просьбами перестали обращаться. Все вокруг словно чувствуют: бывший столп общества зашатался. Каким способом – и столь стремительно – передается это знание? Слухи? Вряд ли только они. Некое знание свыше, заставляющее крыс покидать тонущий корабль. Загадка...

Что-то в жизни Перетолчина сломалось. И ведь главные неприятности впереди. А он бессилен что-либо изменить.

– Придется нам, Егорыч, ехать на переговоры в Москву, – сказал он начальнику своей службы безопасности. Они были знакомы много лет. Раньше Егорыч был начальником городской милиции, а когда вышел в отставку, Перетолчин взял его в «СеверОйл».

– Извините, Григорий Захарович, не поеду. Вы человек известный, вас вряд ли тронут. А кто я? Обычный мент. Меня просто грохнут.

– Тогда пиши заявление.

– Я уже написал.

Вот как! Он готов остаться без работы, так велик его страх перед «Резонансом».

Перетолчин остался наедине со своими неприятностями. В этот драматический момент и состоялось его знакомство с Георгием Васильевичем Прониным, главой юридической фирмы из Санкт-Петербурга, бывшим сотрудником спецслужбы, по ряду отзывов грамотным и твердым человеком. Они встретились случайно. Узнав, что на Перетолчина наехали, его московский однокашник сказал: «Мне тут только что разрулил одну

ситуацию парень из Питера. По-моему, это то, что тебе надо. Свяжись с ним».

* * *

Пронин хорошо знал группу «Резонанс». Да, они могут организовать все, что обещали, и даже больше. Но лапки кверху поднимать рано. Даже если в результате придется сдаться на милость победителя, надо оговорить почетные условия капитуляции. Нужно бороться. Эта позиция понравилась нефтянику, и они договорились работать вместе. Фирма Георгия Васильевича «Тесей» стала представлять интересы «СеверОйла» в Центральной России.

Больше месяца ходили Перетолчин и Пронин на переговоры с руководителями «Резонанса». Иногда им давали сутки, иногда несколько часов на то, чтобы окончательно принять или отвергнуть предложение холдинга.

Почему их тогда не пристрелили? Возможно, по той же причине, по какой кошка не сразу прекращает мучения полуживой мышки, а хочет напоследок с ней поиграть. Они являлись на переговоры без охраны, словно говоря: убраться вы всегда успеете, но у вас есть возможность нас уговорить. Однако петля неумолимо сжималась. Наконец оба поняли: «СеверОйлу» все равно придется лечь под какую-то мощную московскую структуру. Надо только постараться выбрать «крышу» поприличнее. Структур, способных вырвать из когтей «Резонанса» практически готовую добычу, было не так уж много. Пронин предложил обратиться к Боровскому, который тогда только начал создавать свою нефтяную империю «Юнион». И встреча состоялась.

Боровский согласился включить сибирскую компанию в состав своего концерна на исключительно выгодных условиях, которые он больше никогда и никому не предлагал. «СеверОйл» объявляется дочерним предприятием «Юниона», однако последнему передаются лишь 35 процентов акций сибирской компании. Эта сделка, подробности которой не разглашались,

устроивала обе стороны. Перетолчин сохранял за собой должность генерального директора и определенную самостоятельность. А для Боровского «СеверОйл» была престижным приобретением сразу с нескольких точек зрения. Компания добывала пять миллионов тонн нефти в год, что само по себе немало. Однако при этом она обладала разведанными запасами свыше 300 миллионов тонн – результат дальновидных действий Перетолчина в безумные 1990-е. Кроме того, Боровский усиливал свои позиции в регионе. Было и много других плюсов – например, «СеверОйл» имел очень сильные подразделения по геологоразведке и бурению, развитую инфраструктуру, которую могли использовать другие предприятия концерна. У «Юниона» не было времени продавливать Перетолчина на более выгодные условия – над тем уже совершал последние круги перед решающим броском «Резонанс». Главное – войти в состав акционеров «СеверОйла», контрольный пакет можно приобрести позднее. Григорий Захарович не вечен, у него целый букет хронических заболеваний, высох весь, хотя ему едва за 50. Следующий генеральный директор будет назначен руководством холдинга. Куда торопиться с контрольным пакетом?

Узнав, что «СеверОйл» достался «Юниону», глава «Резонанса» впал в неистовство. «Надо было валить этого деда! Что я вам говорил!» – орал он прямо на совете директоров, забыв о всякой предосторожности. Но теперь ситуация радикально изменилась. Судьбу «СеверОйла» следовало обсуждать уже с Боровским. У владельцев двух могущественных компаний за предыдущие годы накопилось большое количество неулаженных споров. Поэтому, в частности, Боровский и решился на еще один конфликт: семь бед – один ответ. В деловом сообществе постоянно шли споры, кто из них кого чаще кидал, споры, которые нервировали обе стороны. Олигархи договорились уладить, наконец, все противоречия в пакете. Конкретно за «СеверОйл» глава «Резонанса» получил символическую сумму десять миллионов долларов – для сохранения лица. Примерно через месяц после описанных событий в ряде деловых изданий под рубрикой «На правах

рекламы» появилось следующее сообщение: «Финансово-промышленные группы «Юнион» и «Резонанс» оповещают о том, что они нашли пути решения всех спорных вопросов за столом переговоров и отныне не имеют претензий друг к другу».

Перетолчин вернулся в Усть-Аганск победителем. Город это сразу почувствовал. И все вернулось к нему: влияние, авторитет, ласковость со стороны представителей местной администрации. За одного битого двух небитых дают. Он сумел с честью выйти из тяжелейшей ситуации. На предприятии поменяли некоторые вывески, появилась символика «Юниона». Однако генеральный директор успокоил подчиненных: все будет по-прежнему, он был и остается последней инстанцией в принятии решений. Они это и сами почувствовали.

Пронин стал, наверное, самым близким человеком для Перетолчина. Нефтяник доверял ему безгранично. Вплоть до того, что Пронин подобрал замену уволенному Егорычу – отправил в Усть-Аганск своего знакомого руководить службой безопасности «СеверОйла». В 2002 году Георгий Васильевич предложил зарегистрировать офшорную компанию на Кипре, что и было сделано. Счетом со своих персональных компьютеров могли управлять оба, однако нефтянику эта процедура давалась с большим трудом, поэтому в конце концов денежные проводки стал осуществлять почти исключительно Пронин по заданию Перетолчина. Не реже раза в месяц они встречались в Петербурге, Москве или Усть-Аганске, и Георгий Васильевич давал своему старшему компаньону подробный отчет, к которому за семь лет их сотрудничества тот ни разу не предъявлял претензий. Это были идеальные отношения людей, чьи интересы не пересекались, людей, испытавших друг друга на прочность, профессионалов – каждого в своей области.

На счету кипрского офшора к лету 2007 года находилось около 20 миллионов долларов. Другой нефтяной генерал на месте Перетолчина загнал бы туда на порядок больше. Но Григорий Захарович продолжал вкладывать огромные деньги в развитие предприятия, и прежде всего в свою любимую

геологоразведку, хотя понимал, что добычей этих разведанных запасов займется уже кто-то другой...

Компания «СеверОйл» являлась специфическим активом холдинга «Юнион». Перетолчин был чужаком в команде Боровского. Поэтому с предложениями применить репрессии против «СеверОйла» к президенту Букину не обращались, да он бы и не дал санкции. Не грабители же они с большой дороги в конце концов. Григорий Захарович Перетолчин считался договороспособным предпринимателем, с которым государство при необходимости всегда придет к взаимопониманию.

Наглый наезд на Перетолчина был частной инициативой кого-то из окружения Букина. То есть что значит кого-то? Один персонаж теперь вышел из тени: заместитель директора ФСБ генерал-полковник Михаил Васильевич Сутормин. От него ниточка тянется к... Владислав Владиславович прекрасно представлял, к кому. И ты, Брут.

Букин вспомнил фрагмент из пронинской справки. В июне 2007 года Георгий Васильевич узнал, что некто пытается «пробить» их кипрский счет. В трастовую компанию на Кипре, с которой они сотрудничали, пожаловал человек из России. Его интересовало, кто учредил офшорную фирму, кто управляет банковским счетом и сколько на нем средств. «Цена вопроса?» – гость выразительно потер пальчиками один о другой. Он полагал, что вопрос упирается только в цену. Киприоты действовали так, как научил их Пронин. Они сфотографировали визитера, предложили ему чашечку кофе, сняли отпечатки пальцев, сказали, что готовы обсуждать эту деликатную тему, но хотели бы побольше узнать о цели такого расследования, чтобы не подставлять клиента.

– Цена вопроса? – угрюмо повторял гость.

– Три миллиона евро.

– И я буду знать имена учредителей?

– Не обязательно. Учредителями могут оказаться посреднические фирмы.

– А их учредили такие же посредники... Понял. И я буду вынимать треху за трехой. А нельзя предварительно узнать, реальные люди учредили эту фирму или нет?

– К сожалению, нельзя.

Визитер ушел. Установить его личность по фотографиям и отпечаткам пальцев Пронину не удалось. Среди действующих сотрудников ФСБ такого нет – максимум, что удалось узнать. Возможно, это коммерсант, который замаливал свои грехи перед спецслужбой. Или сотрудник частной службы безопасности. Не государственная же структура собиралась платить три миллиона, для таких случаев напрягают спонсоров. Тем не менее Георгий Васильевич был уверен, что за попыткой собрать информацию об их офшорной фирме стоит кто-то из влиятельных силовиков. А кто еще: бандиты? Едва ли, с ними все вопросы давно улажены. Пронин рассказал об этом случае в справке, составленной для Букина, но тот, прочитав его версию событий, только недоверчиво покачал головой. Эх, Егор-Егор, опытный человек, бывший разведчик, а туда же. У силовиков своих забот хватает, а компру на твоего Перетолчина собирают либо такие же олигархи, либо бандиты, хотя как их теперь отличить?

И вот выясняется, что Пронин был прав в своих предположениях. По-видимому, именно тогда, не сумев получить информацию об офшорной фирме «Р&Р», Сутормин и Ко стали разрабатывать другой план отъема перетолчинских денег. Операцию серьезно готовили. И если бы сегодня из квартиры по улице Энтузиастов похитили настоящего Пронина, тяжело бы ему пришлось...

Будет ли легче Букину?

* * *

Владислав Владиславович не был трусом. В его характеристике, составленной по окончании разведшколы, отмечалась черта: «Пониженное чувство опасности». Твердость духа, выдержку он демонстрировал не раз. Но было нечто, чего он опасался больше всего, – состояния беспомощности. Из-

за этого в юности занялся борьбой. Из-за этого пошел в органы госбезопасности, а потом в разведку. Спорт дал ему физическую силу, а принадлежность к органам – ощущение власти над людьми. Пусть противник будет сильнее, но ты должен встретить его в бойцовской стойке, готовым к бою. А не как в 1989 году... Этот эпизод постоянно всплывал в его памяти настоящим кошмаром. Тогда, в ГДР, Букин и его коллеги вдруг ощутили: за ними никого нет – нет государства, силы, на которую можно опереться. Если бы не элемент блефа, толпа захватила бы их миссию, секретные документы. С тех пор Букин не любил и не уважал Горбачева – за ощущение бессилия, которое владело ими тогда. Они не *ушли* из ГДР, они *бежали* оттуда, радуясь, что за ними нет погони.

Тем не менее разведчик всегда должен быть готов к провалу. Как себя вести, оказавшись во власти противника? Как в почти безнадежной ситуации спасти не только свою жизнь, но и уважение товарищей?

В разведшколе у них был преподаватель – Олег Гусаров. Он был дважды заживо похоронен в Афганистане, но уцелел, пройдя десятки километров по территории противника. Он считался специалистом по выживанию в экстремальных условиях. Букин был, наверное, его самым внимательным слушателем. Однако наиболее поучительным Гусаров считал случившееся с ним в Сенегале. Он любил об этом рассказывать, правда, по-разному в разных аудиториях. Были две версии: для своих и чужих.

Рассказ разведчика Гусарова о том, как он попал в заложники

Я приехал в Сенегал на встречу с агентом под видом шведского коммерсанта. Завершив дела, сижу в кафе на окраине Дакара, в отдельном кабинете. *(Для своих Гусаров говорил: меня предупреждали, что илюхи в Дакаре могут навести рэкетиров, но уж больно эта мулатка была хороша.)* Расслабился, утратил бдительность. И вдруг в помещение заходят четверо здоровенных негров. *(Один илюхе сразу р-раз в зубы! Разыгрывает сцену*

ревности. Она уползла вся в кровавых соплях.) И они начинают требовать с меня определенные документы. *(Начали меня на бабки грузить за то якобы, что я посягал на честь их сестры.)* Я думаю, они действовали в интересах какой-то западной разведки. Фактически я оказался заложником. Бежать не могу, поскольку допускаю, что у этих четверых могут быть сообщники за дверью. Что делать? Отказаться – тут же убьют и никто в этой дыре не найдет. *(Требуют четыре штуки баксов, а откуда они у меня?)* В таких ситуациях следует начать торговаться, нужно дать понять вымогателям, что ты готов пойти на их условия, только хочешь их смягчить. Говорю: документы в отеле, готов дать копии, а на каких условиях? *(Предложил им штуку. Отказываются, но глазки заблестели, что-нибудь, думают, мы с него все-таки слупим.)* Постепенно завязался вполне деловой разговор. Примерно через час оговорили условия, на которых я им отдаю копии документов. Просил с них четыре штуки, но согласился на пятьсот. *(Согласились отпустить за две тысячи.)* Их главарь сказал: «Если обманешь...» – и провел ладонью по горлу, дескать, найдем и отомстим. И тут я понял, что полностью их переиграл. На такси в сопровождении самого здорового негра меня отправляют в отель за документами (...за двумя штуками баксов). Кто-то из их сообщников, наверное, меня внутри ждал. Когда машина остановилась у отеля, я открыл дверь и тут отвел душу. Сунул провожатому локтем под ребро. Этот парень согнулся пополам и дико заорал, машина сразу умчалась.

– Сломали ребро-то, Олег Николаевич? – неизменно спрашивали у могучего Гусарова в обеих аудиториях.

– А то! Но вообще-то я попался, как последний пижон. Нельзя до такой степени терять бдительность.

* * *

– У вас, Пронин, – пробасил сверху Сутормин, – есть только один выход: пойти на сотрудничество с нами. Причем это сотрудничество должно быть искренним. Иначе мы обойдемся без вас. Вносите ясность в наши

отношения с господином Прониным, Николай Николаевич, – распорядился генерал и, тяжело ступая, ушел с балкона.

«Надо торговаться», – сказал себе пленник.

Владислав Владиславович поправил роговые очки, потеряв указательным пальцем переносицу – не стоит забывать об этом характерном пронином жесте.

– Меня будут интересовать три вопроса, Николай Николаевич. Первое: мой интерес. Второе: моя безопасность после того, как я начну с вами сотрудничать. И третье: мое будущее. Теперь сформулируйте ваши вопросы.

– Приятно разговаривать с деловым человеком! – воскликнул пучеглазый. – А вопросы у нас такие. Перво-наперво скажите: вы имеете возможность самостоятельно управлять офшорным счетом?

– Скажем так: я знаю, как это сделать, Николай Иванович.

– Николай Николаевич.

«Не забыл, как его зовут по легенде!»

– Однако, Николай Николаевич, мой компаньон отслеживает движение средств в реальном времени. Если операция им не санкционирована, он может ее заблокировать.

– Сейчас нам важно понять, можете ли вы со своего компьютера снять со счета деньги. Судьбу вашего компаньона мы обсудим потом.

«Конечно, вам достаточно убедиться, что Пронин *способен* перечислить деньги на ваш счет. А уж господин Перетолчин этому не помешает. У него случится инфаркт или приступ астмы. Михаил Васильевич Сутормин организует что угодно».

– Так о какой же сумме идет речь? А, Георгий Васильевич?

– Разве вы не знаете? – простодушно переспросил пленник.

– Мы хотим услышать это от вас. Чтобы проверить вашу искренность.

– Хорошо. В данный момент там больше сорока миллионов евро, – преувеличил Букин. – До конца сентября поступят еще около восьми.

Пучеглазый присвистнул. Вероятно, он перевел процент, который ему причитался, в деньги, и эта сумма ему понравилась. Его взгляд сделался почти доброжелательным. Зато молодой, наоборот, перестал улыбаться, уткнулся в бумаги, словно ему стыдно было встретиться глазами с человеком, который еще недавно им представлялся серьезным, неуступчивым противником, а оказался слабаком. Видно, что готов сдать компаньона. Только хочет сохранить лицо. Делает вид, что верит в ту туфту про государственные интересы, что мы ему тут гоним. И сам заработать не прочь. Сейчас начнет кланчить кусочек побольше.

– Ай, как славно! Эти деньги мы обязаны вернуть государству. Как их не вернуть, а, Георгий Васильевич? Сорок-то миллионов? А до конца месяца еще восемь!.. Скажите, ваш компаньон может их снять, пока мы тут...

– Может, конечно. Но я уточнял цифру сегодня, как раз незадолго до того, как ваши, так сказать, милиционеры меня перехватили и увезли сюда.

– Так, так... Значит, компьютер, с которого вы управляете счетом, находится у вас дома, не в офисе?

– Дома. Мои сотрудники не знают об этой стороне наших отношений с клиентом. И я очень не хочу, чтобы узнали.

– Не узнают, Георгий Васильевич, будьте уверены. Это в наших общих интересах. Ну так давайте машинку привезем сюда, а? Наши милиционеры за ней сгоняют. Ключики дайте, пожалуйста. Ага. Ничего сложного, как я вижу, правильно? Правильно. За час они обернутся. А у нас с вами будет что обсудить за это время. Могу угостить вас кофе. Коньяк пока не предлагаю. Первым делом самолеты, хе-хе.

Ишь, как заверещал, думал пленник. Надо дать Петровичу еще одну зацепку. Должны же они перехватить этих ребят! И тогда через час будут здесь. Владислав Владиславович представил, как вытянутся физиономии этих защитников Отечества, когда на дачу ворвется спецназ. Сутормин будет гнуть пальцы, изображать крутого начальника, но и его мордой на землю и по ребрам, черт возьми, обязательно. А если Петрович опять сядет в лужу?

Тогда придется туго. Букин ведь понятия не имеет, как управлять этим счетом. А если в компьютере осталась пронинская справка? Ладно, буду действовать по ситуации, решил пленник. В конце концов, у него есть последний шанс – снять маску. И тут уже как карта ляжет. С одной стороны, они понимают, что им несдобровать, если он останется жив, а с другой – грохнуть не какого-то коммерсанта, а президента России, слишком большая ответственность.

Молодой уже откровенно зевал. «Ладно, иди, – сказал пучелазый, – я тебя позову, когда понадобится». Молодой угрюмо собрал бумаги и удалился с видом игрока, которому так и не дали выйти на поле в победном матче. К кофе пленник не притронулся. Он сказал, что теперь хочет обсудить заданные им ранее вопросы: его интерес, его гарантии и так далее. По словам пучеглазого, за каждый перевод Пронин будет получать три процента от суммы. Гарантии безопасности? А чьи гарантии ему нужны? Президента России, что ли? Ха-ха!

– Ваши, Георгий Васильевич, гарантии безопасности заключаются в том, что вы работаете в нашей команде и помогаете вернуть актив в руки государства. Мы вам не обещаем, что фирма «Тесей» будет по-прежнему представлять интересы «СеверОйла» в Центральной России. Вы видите, я говорю откровенно. Но вы заработаете достаточно, чтобы не жалеть об этом.

Через некоторое время во двор дачи въехала машина. В коридоре слышались быстрые шаги, дверь комнаты, где разговаривали с пленником, приоткрылась. Кто-то знаком попросил Николая Николаевича выйти. Тот вернулся не скоро, минут через десять. Посмотрел внимательно на пленника, словно прикидывая, не его ли рук дело то, что недавно произошло. Сказал с прежней осуждающей интонацией:

- У вас в квартире милиция, Георгий Васильевич.
- У меня?! Что она там делает?
- Вас обокрали. Доставка компьютера откладывается. Да завтрашнего утра, я полагаю.

Глава восьмая,

в которой герои делают все от них зависящее в ситуации, когда от них зависит не все

Петровича, главу президентской службы безопасности, едва ли кто мог обвинить в нерешительности. В иной ситуации, получив сигнал тревоги, он в то же мгновение превратился бы в автомат, отдающий четкие, ясные указания подчиненным. Вся мощь российских спецслужб (а при необходимости и не только российских) была бы к его услугам. Вполне посильная задача для такого города, как Санкт-Петербург, – выйти на след машины, скорее всего джипа с четырьмя-пятью пассажирами, пусть даже с неизвестными номерами, проехавшей по пустынным ночным улицам. Наверняка на выезде из города их остановили для проверки документов. Гаишнику, конечно, сунули под нос убойной силы корочки, так что в салон он не заглядывал, но, вполне возможно, он мог бы описать машину и кого-нибудь из пассажиров. Похитители наверняка наследили в эфире, ожидая жертву. Час, максимум два. Поступает известие – объект найден там-то. Выдвижение, жесткий захват, преступники на земле с заломленными руками...

Однако на сей раз Петрович сам был связан по рукам и ногам. Привычные для него административные рычаги вдруг оказались бесполезными, мало того, опасными для использования. Что, собственно, произошло? В Питере пропал коммерсант Пронин. Нехорошо, конечно, в родном городе президента люди пропадают. И вот ночью начальник президентской секретной службы поднимает на ноги силовых министров, требует, чтобы они задействовали все свои возможности для поиска этого Пронина. С чего бы? Нет проблем, скажут они, сейчас свяжемся с питерскими силовиками и те поставят город на уши. Что, на уши Питер ставить не надо? А как тогда искать? Удивительно. Люди опытные, силовые

министры сразу насторожатся. Кое-кто из них постарается связаться с президентом. И что «президент» им скажет?

Петрович был могущественным человеком. В некоторых ситуациях «номером два» в государстве. Однако прежде за его спиной всегда стоял «номер один», который мог подтвердить – не обязательно словом, хотя бы взглядом, что начальник службы безопасности действует в его интересах и на благо России. Сейчас такого человека за его спиной не было, мало того, именно его-то и предстояло найти.

Петрович мог действовать через своих доверенных лиц в силовых структурах, при этом всячески скрывая истинный масштаб случившегося. «Поставить на уши» город – худшее, что можно было сделать в такой ситуации. Это означало подвергнуть еще большему риску жизнь заложника. Мрачные предположения в духе «а что если...» Петрович гнал от себя. Если случится непоправимое, именно он, Петрович, окажется крайним. Позор, лишение званий, наград, военный трибунал. Эти соображения на какое-то время парализовали его волю. Затем он постарался взять себя в руки. Позвонил в Петербург полковнику Жеваго, своему старому знакомому, который в местном управлении ФСБ отвечал за контакты с президентской службой безопасности. Его должность называлась «директор департамента по специальным мероприятиям». Будучи представителем СБ президента в питерском управлении, Жеваго имел возможность действовать самостоятельно. Отдав полковнику необходимые распоряжения, Петрович вернулся в комнату, где он оставил...

Кого он там оставил? Президента? Самозванца? Своего соучастника в совершении государственного преступления?

Пронин стоял у окна и тер виски, пытаясь понять, что произошло. Петрович смотрел на него с нескрываемой ненавистью. Больше ненавидеть ему было некого. Причем то, что Георгий Васильевич сейчас как бы олицетворял собой и президента, заварившего всю эту кашу, только усиливало эмоции Петровича.

– Кто мог это сделать? Быстро, быстро, напрягайте свою память! Бандиты? Какие?

– Это меня похитили? Или его похитили? Как вы думаете? Кто, кроме нас, знал, что я – это он?

Это естественное предположение еще не приходило Петровичу в голову. Видимо, оно было непосильно для его раненой психики. Если преступники похитили именно Букина, проникнув в смысл их комбинации, то ситуация усложнялась многократно. Тогда оставалось только пустить себе пулю в лоб.

– Это невозможно. Все детали знали только мы трое. Еще несколько человек были в курсе, что в ближайшие сутки выходить с ним на связь не стоит и встреч с ним не будет. Никто не мог знать точно!

Георгий Васильевич понимал состояние Петровича. Он решил не обращать внимания на грубый и почти обвинительный тон, которым Петрович вопрошал: «Кто? Кто мог это сделать?». В конце концов это они с Букиным придумали нарядить его президентом. Пронин согласился втянуть себя в эту историю, уступив их уговорам. Ненависть – она скоро пройдет. Еще не хватало им вдрызг разругаться накануне завтрашней поездки в Беслан. Или она отменяется? Этот вопрос очень занимал Пронина, но он понимал, что сейчас задать его начальнику секретной службы – все равно что разжечь костер под грузовиком с тротилом.

Петрович вновь набрал Жеваго – скорее чтобы успокоиться, а не потому, что ждал услышать важные новости. Их бы ему сообщили. В Питере делают все возможное, докладывал Жеваго. В больницы не поступали люди, похожие на Пронина. В морги (Петрович вздрогнул) тоже. Запрошены списки мобильных номеров, с которых велись переговоры в районе происшествия с 22.00 до 22.30. Идет опрос сотрудников ГАИ, изучаются пленки дорожной видеозаписи. Эксперты-криминалисты заканчивают сбор вещественных доказательств с места преступления. На газоне обнаружен след протектора шины... Следы ног троих взрослых мужчин... Утром работа

будет активизирована... Выезды из города перекрыты... Автовокзалы, воздушные и водные порты блокированы...

– На автобусе его оттуда не увезут, и на том спасибо, – раздраженно проговорил Петрович. – Ладно, действуйте. Держите меня в курсе.

Жеваго делает все возможное, кто бы сомневался. А надо – невозможное! Окурки и волоски можно изучать неделю, у них же в запасе считанные часы, меньше суток. Нужно совершить чудо, и тут без помощи этой рохли Георгия Васильевича, скорее всего, не обойтись.

– Кто? Кто это мог быть? – вновь спросил Петрович более спокойно.

– Это не бандиты. Не их почерк.

– Чей же это почерк?

– Кто-то из ваших.

Петрович дернулся, но не возражал и слушал дальше.

Пронин вкратце пересказал некоторые фрагменты из своей справки, которую начальник президентской службы безопасности, как выяснилось, не читал – Букин не дал. Он начал с последних событий – визита неизвестного в офис их агента на Кипре в начале лета. Кто-то всерьез заинтересовался их с Перетолчиным деятельностью. Возможно, события нынешней ночи и попытка добраться до их зарубежного счета являются звеньями одной цепи. А если так, то возникает риторический вопрос: какая из спецслужб курирует у нас внешнеэкономическую деятельность? Братве не по зубам отследить потоки зарубежных денег. Следовательно...

– Чепуха! – не согласился с этим умозаключением Петрович. – Достаточно было прослушивать вашего Перетолчина. Или завербовать его бухгалтера. Вы слишком высокого мнения о наших спецслужбах.

– И хакеров могли нанять. Все возможно. Но стиль! Это ваши ребята (Пронин похлопал ладонью по плечу). Я уверен.

– А что если это люди Боровского? Они сейчас спасают свои активы. Решили вынуть какие-то деньги из «СеверОйла».

* * *

Георгий Васильевич задумался. Он хорошо помнил то время, когда вдруг начались большие проблемы у холдинга «Юнион», куда вошел «СеверОйл». Поначалу казалось, это не проблемы, а так, булавочные уколы. «Юнион» выглядел незыблемым утесом в океане российского бизнеса. Что с ним можно сделать? Припугнут, поставят на место. Насчитают налогов. А вон как обернулось. Боровский на зоне, его бизнес-империи больше не существует. Пронин очень тогда интересовался, что все-таки произошло. Почему именно Боровский? Он не раз задавал этот вопрос Перетолчину. Старый нефтяник только пожимал плечами, давая понять, что в нем борются разные чувства. С одной стороны, он не испытывал особых симпатий к человеку, который создал свою нефтяную империю из воздуха, благодаря ловкости рук и близости к прошлому хозяину Кремля. С другой стороны, ничего хорошего устранение Боровского из бизнеса не сулило. Нарушался баланс сил. Создан прецедент: теперь, получается, каждый человек, разбогатевший в мутную пору приватизации, ходит под статьей. И кто будет решать, применять к нему эту статью или нет? «Люди президента» будут решать. «СеверОйлу» опять надо искать, к кому прислониться, иначе ему не удержаться на плаву.

И все-таки: почему именно Боровский? То, что Пронин читал или слушал, удовлетворить его не могло. Но однажды в Интернете он отловил одну статью, точнее даже сказку, написанную неким Левицким якобы для своего сына, которому предстояло участвовать в школьном диспуте на тему, правильно или неправильно посадили богатейшего человека России. Тогда и в школах часто вспыхивали подобные споры. «В этом что-то есть», – усмехнулся Пронин. «Может быть», – неуверенно сказал Перетолчин. Вот эта сказка.

Святочная история

*Сказ о том, как боярин Михаил царю Владиславу дерзил,
а тот его под Читу укатал*

Шесть зим назад, под самые Святки, появился в нашей державе новый царь – Владислав Хмурое Солнышко. Бодро, по-спортивному взбежал на трон, огляделся и – закручинился. Никакой, получалось, он не царь, ибо ничем не владеет – ни нефтью, ни газом, ни норильским никелем. Все, что плохо лежало при прежнем государе Борисе Бодунове, разобрали близкие к нему бояре. А плохо тогда лежало все хорошее. Вначале вида Владислав не подал, косил под простачка, типа преемник. Но как окреп, сходил войной на злых чеченов, стал с боярами вести иначе разговор – с кем очно, а с кем заочно, поскольку по прошлой работе любого человека и так видел насквозь.

Бояре поумнее сразу все поняли. Что-то их и раньше скребло. Это радовало. Спрашивают, положим, у чукотского воеводы Романа:

– Ну вот ты укр...пардон, взял из казны богатств на 50 миллиардов. Как думаешь ими распорядиться?

– Я думаю продать их вам же за 13 миллиардов. Сохранил все в лучшем виде. Иначе бы сгнили.

– Молодец! Конечно, мы могли бы взять и за пять. Но если поделишься...Иди с миром.

Боярина Владимира вызывать не пришлось. Он в телевизоре черным по белому сказал, что власть царя Владислава – от Бога и любое решение, касаемое его никелевых богатств, будет справедливым. Мол, спешить с ним нет надобности, он и через 10, и через 20 лет сам все отдаст. Пришли к нему бедные родственники царя: «Дашь десять миллионов на партию?» – «А

можно двадцать?» Взяли. И хитрого Владимира вычеркнули из черного списка. Пожалуй, переживет он еще не одного царя и, между прочим, никому ни черта не отдаст.

Боярин Виктор тоже прошел испытание на прочность. Ему проверочно

насчитали налогов за кучерявый 2000 год сколько-то там миллиардов. Тот осторожно спросил: «А можно я немного посужусь?» – «Об чем речь? Даже хорошо, мы любим судиться, у нас тогда выходит правовое государство». Посудился, что-то отспорил, остальное заплатил. И еще яиц на 100 миллионов купил. Изъявил полную готовность в рамках состязательного судопроизводства рассчитываться за все остальные годы. За что такому умному человеку голову рубить?

А вот боярин Михаил царю сразу не понравился. Смотрит предерзко. Богатством своим распоряжается, будто оно всегда его было. Типа захочу – вообще его на сторону продам, в заморскую державу, зря, что ли, она меня крышует? Призадумался царь. Считай, треть черного золота державы, нефти, у дерзкого боярина. Наместники губернские у него из рук кормятся, силовые генералы тож, к первому министру дверь ногой открывает, теперь вот возмечтал Думу купить. Лазутчики царю доносят: на заморском совете решено двигать боярина через купленную Думу в главные министры! И кто тогда царь Владислав в Расее? Никто тогда. Вручитель наград и пожиматель рук. Председатель федерации дзюдо. Править державой будет боярин Михаил, а отчет станет держать перед своей заморской крышей. Либо я, либо он – догадался царь. И кликнул верных опричников.

Желающих отведать белого боярского тела оказалось даже с избытком. Прокурор обнадежил: замочим в два счета. С бумагами у него не все в порядке. Убивцев у себя пригрел. В подмогу возьмем тех, кто алчет его богатств – будут землю рыть и нас перед иноземцами и гражданским обществом оправдывать. За Гуся и Березу перед заграницей отмылись, а уж за боярина Михаила как-нибудь, с божьей помощью. Дело говоришь, согласился царь. Вяжите боярина! А кто возьмет с него злата, сверкнул глазами Хмурое Солнышко, не друг мне! Якобы фраза эта историческая, в реале сказанная – если не буквально, то по смыслу.

Ну а боярин точно от богатств своих свихнулся, нюх потерял. Когда поволокли на царский двор ближайшего его соратника, хорохорился: я,

говорит, каждый день по миллиону в топку бросать буду, а свинью-прокурора в Читу сошлю. Не знал он о царском предупреждении. А когда очнулся, бросился засылать к царю послов, было поздно уже, никто с ним ни о чем не стал договариваться...

Потому, дети, так по-разному встречают Новый год строптивый боярин Михаил и грозный царь Владислав Хмурое Солнышко. Пожалуй, что и поделом. Мозги боярину нужнее, чем царю. А теперь-то что? Теперь другая сказка начинается. Нефтью, газом и норильским никелем бояре как распоряжались, так и распоряжаются, только другие. Скоро Владиславу Хмурое Солнышко на покой, новый царь придет, осмотрится, свекнет очами и...(см. начало истории).

* * *

Петрович попросил Пронина поподробнее рассказать историю борьбы «СеверОйла» с «Резонансом».

– Вы так и не уладили конфликт?

– Улаживал Боровский. Он уладил.

– Ну и правильно. От вас отстали, потому что у вас появилась «крыша». А потом «крышу» у вас срубили. Вот они и решили вернуть то, что когда-то у них украл Боровский. Это может быть «Резонанс»?

– Может. Только мне кажется, они бы постарались похитить Перетолчина, а не меня. Мы анализировали этот вариант. «Резонанс» не влезает в разборки государства с «Юнионом». Боится. И какой-то кипрский офшорный счет для «Резонанса» – мелочь... Хотя, кто знает.

Петрович уже набирал номер кого-то из своих сотрудников. Он чувствовал, что в случае удачи может одним звонком, одним правильно проведенным разговором покончить с кошмаром этой ночи. К нему возвращались энергия и уверенность в своих силах. Он спросил у сотрудника: «Кто в «Резонансе» отвечает за безопасность? Нет, не начальник охраны – кто вопросы решает? Уточни. И срочно с ним свяжись. Да, именно

сейчас, в третьем часу ночи. Скажи ему... Нет, не надо, сразу соедини со мной. Жду».

– Мы летим в Беслан? – наконец спросил Пронин.

– Обязаны, – помолчав, ответил Петрович, словно под влиянием новой мысли, пришедшей к нему в последний момент.

А почему они, собственно, теперь *обязаны* туда лететь? Может быть, Петровичу надо доказать, что свою операцию они придумали не с бухты-барахты? Пожалуй, теперь он заинтересован в том, чтобы 1 сентября в Беслане произошло реальное покушение на президента...

Через некоторое время Георгий Васильевич перешел в соседнюю комнату, где ему была приготовлена постель. Сквозь сон он слышал раскаты голоса Петровича и его тяжелые шаги. Едва ли начальник службы безопасности похищенного президента спал в ту ночь.

Глава девятая,

в которой рассказывается о важной встрече, ускользнувшей от внимания компетентных органов

– Аслан! Асла-ан! Слышишь, ну?

Человек, к которому были обращены эти слова, вздрогнул, словно получил удар хлыстом по спине. Он на мгновение застыл, точно борясь с искушением бежать, захлопнув за собой дверь подъезда, в который он собирался войти, избавиться от наваждения!.. От того, кто *так* к нему обратился, скрыться было невозможно.

– По дому не скучаешь? Давно ведь не был, а?

Он медленно обернулся. Улица на окраине большого города была пустынна, как обычно в этот поздний час. Аслан, как его называли, стоял, пряча подбородок в пуховик, в меховой кепке с опущенными «ушами» и сквозь пелену мелких, падающих с неба брызг оглядывал вереницу припаркованных вдоль тротуара машин. Одна из них, «жигули», мигнула фарами. Он приблизился.

– Поехали, потолкуем.

– С кем?

– Уважаемый человек. Ты его знаешь.

Аслан расположился рядом с водителем. Машина двинулась с места.

Пассажир был спокоен и не проявлял ни малейшего интереса к тому, куда и каким маршрутом его везут. Он знал главное: там, куда его везут, – война. Прошрое, от которого нельзя скрыться. Он пытался – не получилось. И второй попытки у него не будет.

«Жигуль» нырнул во дворик заведения, похожего на автосервис. У двери одноэтажного кирпичного здания, занимая половину двора, стоял внушительных габаритов лимузин. Аслана ждали в крохотной каптерке. Двое. Одного из них прибывший хорошо знал. Этот человек, можно ручаться, обратил бы на себя внимание в любом обществе, где бы он ни

появился. Его звали Хасан. Лысый череп, покрытый паутиной шрамов, словно зарубками многочисленных проведенных им сражений. Гладко выбритый, до синевы, подбородок еще недавно был покрыт густой растительностью. Он держался как военачальник, совершивший вылазку в стан врага, чтобы оценить боевую готовность своих сил. Таких лихих людей чеченская война много породила в обоих враждующих лагерях: смерти они не боялись, потому что давно уже себя похоронили. Хасану было едва за двадцать, но выглядел он бывалым воином. Его сосед по имени Рамазан, седой и вальяжный, по-видимому, прибыл в этот зачуханный автосервис в шикарном лимузине прямо с официального мероприятия, где общался с людьми очень высокого полета, – возможно, с деловых переговоров или просто из офиса.

– Стало быть, ты и есть Аслан, – сказал Рамазан. Ему как старшему полагалось начать разговор. – Тебя искали и вот... нашли. – Он покосился на Хасана. Лично у Рамазана не было никаких вопросов к вошедшему.

– Я прятался не от вас.

– Почему ты выжил, Аслан? – спросил Хасан.

– Полковник приказал мне уходить.

– Тебе? Именно тебе? Именно тебя он решил спасти?

– Он велел: «Ты должен передать кассеты Хасану». Я отказывался, но он сказал, что иначе сам меня застрелит.

– Ну так передай мне эти кассеты, – криво усмехнулся Хасан. – Где они?

– Я не смог их вынести. Там обыскивали всех, кто выбрался *оттуда*. Я спрятал пакет, чтобы потом вернуться и

забрать его. Между камнями, под окном спортзала. Но потом туда не пускали. Они несколько дней не пускали на территорию никого.

– Ты не вернулся за пакетом?

– Вернулся. Но его не было. Они вывезли на грузовиках все.

– И ты не знаешь, куда попали эти кассеты, Аслан?

– Знаю...

– И я знаю! – ударил ладонью по столу Хасан. – Все знают, куда попали кассеты! Они попали в эФ-эС-Бэ, – Хасан почти кричал. – И эФ-эС-Бэ показало, как моджахеды мучают детей. Ты помог эФ-эС-Бэ. *Это* поручил тебе Полковник? Тебе нечего сказать. Ты совершил преступление перед моджахедами и Аллахом.

– Я не совершал преступления.

Рамазан усиленно делал вид, что не понимает, о чем идет речь, и вникать не собирается. Дескать, его пригласили выполнять представительские функции, а остальное его не касается. Он только внутренне цепенел, когда речь заходила о слишком узнаваемых эпизодах недавней российской истории. За малейшую причастность к этим эпизодам власть сносила голову любому бизнесмену, не то что чеченскому – перспектива, которую Рамазан прекрасно осознавал. Он сделал карьеру в России, был президентом крупного финансового холдинга и главой местного чеченского землячества. Время от времени он делал перечисления на разные благотворительные проекты по просьбе *авторитетных людей*. У этих просителей никогда не требовали бизнес-планов. Пять миллионов туда, три миллиона сюда, из них десятая часть шла по назначению, а остальное – куда шло остальное, лучше было не задумываться. Что толку задумываться, если выбора у тебя все равно нет?

На прямые контакты с такими людьми, как Хасан, Рамазан давно не шел. Но сейчас его *настоятельно попросили*. После Беслана, а особенно после гибели Басаева, Рамазана почти не теребили на предмет перечислений. Некоторые из авторитетных людей исчезли, часть структур,

финансировавших боевиков, была прикрыта. Теперь ему решили показать, что борьба не закончилась, что впереди ему предстоят новые крупные траты. Что думал при этом Рамазан? Никакой полиграф не смог бы сейчас определить его истинные чувства. Можно только предполагать. Несомненно, спустившись с высот российского истеблишмента, он ясно видел: игра проиграна, после Беслана проиграна окончательно. Хасан сейчас, на его глазах, затевает какую-то авантюру, которая для всех них, включая Рамазана, может стать последней. Он сожалел, что не нашел благовидного повода увильнуть от этой встречи. Из всех троих, возможно, именно Рамазан чувствовал себя наиболее неуютно.

– А что там с твоей сестрой случилось, с Розой? Я что-то не разобрался. Она тоже неправильно приказ Полковника поняла? – Хасан успокоился так же быстро, как и завелся. Последнее его замечание было ироническим, почти шуткой, но оценить ее было некому. Он имел в виду известный эпизод бесланской трагедии, когда две шахидки были расстреляны в здании для младших классов. Это произошло вскоре после захвата заложников. Якобы две девушки-террористки, которые не знали, на какое дело их отправляют, отказались участвовать в издевательствах над детьми и были убиты по приказу главаря. Одной из них была сестра Аслана – Роза.

– Я не знаю, что там произошло. Полковник сказал: несчастный случай. Не знаю. Зачем это вспоминать, Хасан? Скажи наконец, что от меня нужно? Я готов выполнить свой долг до конца. Мне надо приехать? Куда?

Хасан задумчиво смотрел на собеседника.

– Никуда пока не надо приезжать. Живи здесь. Мы скажем, когда ты понадобишься. Ты станешь шахидом. Ты ведь станешь шахидом?

– Я уже сказал.

– Кто будет тебе помогать?

– Я не знаю. Я давно не был дома. Все, с кем я воевал, убиты.

– Ну, не все, я-то живой, – Хасан усмехнулся зловещей усмешкой, не сулившей ничего хорошего тем, кто допустил промашку, оставив его живым.

– Говоришь, не знаешь, кто может тебе помочь? Да, ты действительно давно дома не был. Забыл наши обычаи.

Аслан понял, что имел в виду Хасан.

– Зарема? – тихо спросил он.

Это произошло в начале 2006 года. В горном селе Веденского района Чечни вдруг прошел слух, что их земляк Аслан, вполне возможно, жив... Как-то он сумел обмануть российские спецслужбы и спастись из бесланской школы. Официально Аслан даже не числился среди нападавших. Однако странное дело – слухи в Чечне: вроде лишнего никто не болтает, но, что надо, все мгновенно узнают. Узнали, что он был там. Потом узнали, что спасся. И вот в дом Аслана пожаловали двое: их дальний родственник и пожилая женщина, сваха. Оставили матери Аслана (его отец и старшие братья погибли еще в первую чеченскую) 300 долларов, забрали старшую сестру Зарему и увезли – «знакомиться с женихом». С тех пор Зарему никто из односельчан не видел. Поговаривали, что девушек с такой судьбой можно встретить в Грозном на рынке, среди торговок. Мать ездила в Грозный, но ни на рынке, ни где-либо еще ее не обнаружила. Значит, выбор небогат: либо она действительно вышла замуж за иностранного чеченца и уехала за границу, как уверял дальний родственник, либо оказалась *на базе*, где из нее готовят живую бомбу. А может быть, она уже взорвалась где-нибудь под чужой фамилией.

Скорее всего Зарема – отрезанный ломоть. Теперь мать пуще всего боялась за младшую дочь, четырнадцатилетнюю Элину, которая только-только после двухлетнего перерыва пошла в восстановленную в селе школу. Она даже спрашивала у Аслана совета: не перебраться ли им в Центральную Россию? И может ли он в этом им помочь? А как он поможет... Элина – единственный в мире человек, о ком он думал, не переставая, все эти месяцы.

– У меня будет условие, Хасан.

– Условие?

– Оно касается Элины. Никто не должен ее тронуть. Любого, кто ее тронет, я убью.

Они столкнулись взглядами. Аслан повторил:

– Любого.

– Хорошо, слово мужчины. Стань шахидом, и Элина будет мне как сестра. Она станет самой богатой невестой района, правда, Рамазан?

Рамазан к тому времени утратил дар речи. Он закивал даже не головой, а всей верхней частью тела. В этот момент он отдал бы половину своего немаленького состояния, чтобы никогда больше не слышать ни о Хасане, ни об Аслане.

Глава десятая,

*в которой журналисты в очередной раз выясняют, кто они –
врачи или боль*

В истории России не раз бывало, что провал в каком-то отдельном сражении или даже в цепи сражений приводил к выигрышу всей кампании.

В качестве наиболее яркого примера, подтверждающего этот тезис, обычно приводят Бородинскую битву. Руководить русскими войсками под Москвой вряд ли следовало поручать военному гению вроде Суворова. Ибо Суворов, вполне возможно, выиграл бы эту битву. А почему нет? Примерное равенство сил, высочайший моральный дух русских. Между тем с точки зрения интересов всей кампании 1812 года Бородинскую битву русским выигрывать не следовало, потому что сразу вставал вопрос, не имевший ответа: как развивать успех? Следовало *стремиться* ее выиграть, сделать все для победы, почувствовать даже ее вкус. И все же уступить. Отдав врагу поле боя, а затем и Москву, русские уже через три месяца искали по лесам обмороженных французов. Вот результат формально проигранной баталии. Граф Толстой достаточно убедительно показал: тактика Кутузова наилучшим образом решала задачу – победить тогдашнюю военную «сборную Европы» во главе с гениальным полководцем, победить всего за полгода и с минимальными людскими потерями. Грамотного военачальника, коим являлся Кутузов, под Бородином было достаточно. Лучшего не требовалось.

Операция по освобождению заложников в Беслане 3 сентября 2004 года прошла из рук вон плохо. Некоторые ее составляющие прошли более удачно. Например, спецслужбы сумели уничтожить всех или почти всех террористов, не допустили масштабной войны на Кавказе... Но разве эта операция называлась «по умерщвлению террористов» или «по предотвращению войны на Кавказе»? Нет, она называлась «по освобождению заложников». И тут вывод очевиден. Из 1200 пленников погибли более 330. Если бы силовыми подразделениями, которые там собрались, вообще никто

не руководил, вряд ли результат был бы намного хуже. Битву за жизни людей спецслужбы террористам проиграли, пусть и не вчистую.

И все же именно события в Беслане в том виде, в каком они произошли, стали тем *проигранным* сражением, после которого сдох терроризм первой волны в его басаевском варианте. Враг сочинил кровавый спектакль – ему удалось его разыграть. Никто не собирался этого ему позволить – *так получилось*. И авторы сценария просто утонули в волне всеобщего ужаса и отвращения, которую они вызвали своей акцией. Они умерли тогда, 3 сентября. Их физическая гибель чуть позже уже не стала сенсацией.

Коллективный Басаев погиб в Беслане. Здесь совершено главное жертвоприношение войны. Будут еще новые терроризмы, но это будут именно новые, а тот, казавшийся непобедимым, уничтожен. Такова роль трагического *поражения* в Беслане в исходе всей кампании.

* * *

В последние две недели августа 2007 года президент Букин почти не появлялся на публике. На его официальном сайте висело сообщение пресс-службы: «Находится на отдыхе в резиденции Бочаров ручей, г. Сочи». Журналисты из его пула предполагали, что свой отпуск он прервет в начале сентября визитом в Беслан. Об этом давно поговаривали.

С утра 31 августа, в пятницу, Оксана Притула ждала подтверждения из Москвы. Тишина. Оставалась пара часов до конца рабочего дня. Полагая, что поездка не состоится, она позвонила своей приятельнице из президентской пресс-службы и услышала: «Летят». Однако режим визита определяет служба безопасности президента, официальным тоном сообщила приятельница, давая понять, что подробностей по телефону не будет. Это означало, что в Беслан доставят узкий круг журналистов, которых посчитают полезными, прежде всего телевизионщиков. Остальные, если желают, могут добираться туда самостоятельно. Если журналист аккредитован при

президенте, он, разумеется, сможет участвовать в мероприятии. Поспеть туда надо к часу дня, уточнила приятельница, перезвонив с мобильного.

– Опять они все засекретили. – Оксана пошла к главному редактору «Белых ночей» и обрисовала ситуацию. – Лететь?

Организационные трудности оказывали на главного мобилизующее воздействие. Он любил и умел их преодолевать, полагая, что тем самым подтверждает свои лидерские позиции в редакции. Его реакция была предсказуемой:

– Лететь обязательно! Пришлешь нам эксклюзив. Когда он там выступает? У-у! Успеем дать в номер. Оставим тебе место на первой полосе. Масяня! – крикнул он секретарю. – Свяжи со Сточным!

– А как туда добраться-то, Александр Николаевич? Обычными рейсами я не успеваю, уже посмотрела.

– Дай подумать.

– Дядю Степу попросим?

Дядей Степой в редакции звали начальника питерского управления МЧС генерала Степаняна. Бортами этой организации иногда летали журналисты «Белых ночей». Соответственно генерал Степанян был одним из наиболее часто упоминаемых в газете персонажей. Он всегда первым поспевал на пожары, наводнения, взрывы бытового газа, а однажды лично руководил снятием с дерева котенка мальчика Вовы (материал вышел в Международный день защиты детей). Усталое лицо генерала стало для читателей газеты родным. Прозвище «дядя Степа» прилипло к нему сразу, как только было кем-то произнесено. Еще и потому его любили так называть, что внешне он был антиподом своего литературного тезки – низеньким, коротконогим и круглолицым. Достаточно было произнести: «Дядя Степа» – и кто-нибудь обязательно начинал улыбаться.

Этот человек был создан для того, чтобы помогать хорошим людям выкручиваться из затруднительных ситуаций. Причем его помощь не носила характера использования служебного положения. Узнав, в чем проблема, он

никогда не обещал: «Я это сделаю». Нет, он говорил: «Перезвоните». И оказывалось, что в нужный журналистам пункт действительно направляется транспорт МЧС и туда можно взять человека.

На сей раз, услышав про дядю Степу, главный поморщился. И вот по какой причине. Примерно раз в полгода у главного возникало желание насолить высокому начальству. Чаще было опасно, выстраивалась *линия*, а так – служило напоминанием, что пресса, даже лояльная, серьезная сила и с ней надо поуважительнее. Разовые наезды (если они не затрагивают чьих-то коммерческих интересов) власти даже нравятся, они ее бодрят. Сейчас был тот самый случай. Один из замов Степаняна попался на крышевании коммерческой структуры. Дело пока не приобрело огласку – ее мог принести материал, который находился в распоряжении редакции. Было над чем поразмышлять. Но выхода, кажется, не оставалось.

– Деваться некуда. Только, знаешь, проси его сама.

И дядя Степа не подкачал. Оксане показалось, что он даже обрадовался, когда она обратилась к нему со своей просьбой: «Я выясню, перезвоните через час». Через час оказалось, что именно утром 1 сентября самолет МЧС отправляет гуманитарный груз в Беслан. Пожалуйста, мы возьмем журналистов. Сколько вас?

Материал про зама генерала Степаняна газете пришлось «завернуть».

* * *

1 сентября в 10.20 переделанный под транспортные нужды «Ил» поднялся с военного аэродрома и взял курс на Северную Осетию. В пассажирском салоне находились трое журналистов. Оксана договорилась с генералом, что с ней будут двое ее коллег, как она сказала, из президентского пула, что было не совсем так. Одного из них, оператора Руслана Усманова, упростила взять ее подруга с телевидения Марьяна. Руслан был ее парнем; он работал на питерском канале, но сейчас ехал снимать сюжет для телевидения Чечни, с которым сотрудничал. Второго попутчика Оксана пригласила сама, чтобы скрасить двухчасовой перелет. Это был ее старый знакомый еще по

журфаку Николай Чумаков. Коля специализировался на журналистских расследованиях, в последнее время много писал о Беслане – значит, дорога не будет скучной. Конечно, у него нашлись в Беслане дела. Свои собственные – в пул он не входил.

Усманов с громоздкими операторскими сумками разместился в первом ряду салона, надвинул кепку на глаза и затих. Притула и Чумаков сели в последнем, десятом ряду. Если говорить вполголоса, оператор их не услышит. При чеченце, пусть даже знакомом, о Беслане откровенно не потолкуешь.

Коля был, как обычно, в приподнятом настроении. За язык его тянуть не пришлось. Он понимал, что девушку в полете надо развлекать. Да и вообще, он всегда охотно делился своими замыслами, в том числе сырыми, тем более что такими его замыслы, как правило, и оставались.

– Забыла предупредить, Коля. Ты когда будешь писать, не упоминай, каким образом попал в Беслан. А то дядю Степу за тебя взгреют. И меня тоже.

– Само собой. А ты знаешь, где я сейчас работаю? В «Ежедневной газете». Я ее корреспондент. Посмотри корочки, если не веришь.

Оксана реально удивилась. Коля – и официальная «Ежедневная газета»? Она с любопытством взяла в руки его шикарную бордовую ксиву с тиснением «Пресса». На внутреннем развороте имелась выдержка из Закона о печати РФ, гласившая, что подателю сего документа органы власти должны оказывать всяческое содействие в сборе информации. Поскольку Коля собирал информацию почти исключительно против самой власти, Закон о печати вменял ей прямо-таки мазохистские обязанности. Должность Чумакова называлась «обозреватель отдела журналистских расследований».

– Я и не знала, что в «Ежедневной» есть такой отдел.

– Теперь есть. И он сейчас перед тобой в полном составе, – засмеялся Коля.

В первые два года их учебы на журфаке Коля Чумаков казался самым безнадежным студентом их курса. Он был постарше на три года – успел отслужить в армии и даже где-то повоевал. Но жизненный опыт не оставил на нем отпечатка. Он остался большим ребенком – наивным, искренним, простосердечным. Коля в жизни не ведал сомнений и страха. И меньше всего он испытывал страх перед чистым листом бумаги, страх, который присущ людям с повышенной требовательностью к себе. Он был чрезвычайно плодовит. На творческие семинары Коля всегда приносил горы своих заметок, но когда он их зачитывал, аудитория покатывалась со смеху. Мало того, что Чумаков был не в ладах со словом, не чувствовал его оттенков; он при этом тяготел к рискованным оборотам, метафорам, малопонятным (для него) терминам, применяя их с решительностью боевого офицера. Это порой приводило к атомному эффекту. Он писал: «NN родился в 1942 году...», для пущего драматизма добавляя: «...ровно через год после того, как его отец ушел на фронт». Товарищи, давясь от смеха, спрашивали: «А почему через год, а не через девять месяцев?» – и он сам смеялся вместе со всеми. В факультетской многотиражке Чумаков опубликовал заметку о том, как ездил путешествовать по сибирской реке. Она называлась «Три дня на Лене». Зарисовка на производственную тему у него начиналась интригующе: «Каждое утро он задирает у нее капот, забирается туда и что-то там колдует» – и читатель далеко не сразу догадывался, что «она» – это машина, которую шофер вечно ремонтирует. Подобные казусы случаются с каждым журналистом, но у Коли их было слишком много, а главное, он их *не видел*.

«Легкость в мыслях у вас, Чумаков, необыкновенная», – разводили руками преподаватели. Они жалели этого симпатичного, добродушного парня, которому очень хотелось стать журналистом. Казалось, не судьба – оставаться ему графоманом и неудачником.

Но однажды умный человек посоветовал Чумакову: займись-ка ты репортажем, даже, пожалуй, криминальным репортажем, заодно научись фотографировать. Коля внял совету, и у него началась новая жизнь. Тут

пригодились его лучшие качества: смелость, мобильность, скорострельность. Снимать он научился очень прилично. Коля выдал серию фоторепортажей о бомжах, рыночных торговцах, гастарбайтерах, антикварах, проститутках... Художником слова он так и не стал. Если в какой-либо редакции раздавался взрыв смеха в корректорской, можно было смело предположить, что там вычитывают Колин шедевр. Так, в заметке для криминальной хроники он мог написать, что неизвестный маньяк убил свою жертву и «изнасиловал труп». Редакторы чесали в затылках и правили: «надругался над трупом» или «совершил сексуальные действия над трупом». Но Коля оставался верен своей формулировке, которая иногда пробивалась в свет. И тогда знатоки его творчества смеялись: опять у Чумакова труп изнасиловали! Тем не менее, хотя его заметки часто переписывались *от* и *до*, практически ни одна из них не шла в корзину, все публиковались с его же выразительными снимками – такова сила реальной фактуры.

Потом Коля вкусил и настоящей славы. Этому предшествовали трагические обстоятельства: в Чечне погибла группа питерских омоновцев. По официальной версии, их на горном перевале атаковали превосходящие силы боевиков. Пишущие и снимающие журналисты состязались в поиске подробностей того неравного боя. И вдруг появилось расследование Николая Чумака (он взял себе такой псевдоним), доказывающее, что омоновцы стали жертвами «дружественного огня», то есть были по ошибке расстреляны своими. Общественность испытала шок. Дополнительный вес материалу придало то обстоятельство, что его опубликовала официозная «Ежедневная газета». Наконец-то Чумаков ощутил, что такое быть настоящим журналистом. *Независимым*. Его благодарили за мужество и честность. Его цитировали в России и за рубежом. У него брали интервью. Его номинировали на премию Союза журналистов «Расследование года», которую впоследствии и дали.

Разумеется, у такой славы обнаружилась и обратная сторона. Несколько задетых Колей генералов подали на газету в суд за клевету. Они

составили длинный список ошибок и неточностей – в фамилиях, названиях частей и населенных пунктов, которые автор, по их утверждению, допустил. Потом таких судов в его практике будет много. Надо признать, имелся у него этот тяжкий для журналиста грех – небрежность в обращении с фактами и цифрами. Проще сказать, он был изрядным путаником. В нормальной информационной ситуации это могло полностью сводить на нет ценность его разоблачений. Но то в нормальной. А он в какой трудился? Где они – более умные, более точные, более профессиональные, более независимые журналисты-расследователи? Куда они вдруг все подевались в последние пять-шесть лет? Нечего стало расследовать? А коли так, то руки прочь от Николая Чумака. Процессы по фактам его публикаций обычно заканчивались тем, что о них забывали. В лучшем для заявителей случае редакции платили незначительные штрафы и печатали извинения мелким шрифтом.

Так родился независимый журналист Николай Чумак. Его все больше и больше уносило в большую политику, в которой он, положа руку на сердце, мало что понимал. Он стал постоянно летать на Кавказ и вообще, оказывался всюду, где пахло сенсацией и перспективой выведения власти на чистую воду. После того как его однажды избили в подъезде явно по чьему-то заказу, Коля посчитал, что у него развязаны руки для самых смелых обобщений.

Разумеется, возникал вопрос: откуда он берет свою информацию? Однажды он удостоился разбирательства на компроматном сайте. Некий автор изучил его тексты и обнаружил, что Чумак практически никогда не трогает чекистов. Отсюда был сделан вывод, что они и поставляют ему информацию – иными словами, используют его в разборках с другими ведомствами, прежде всего с милицией и военными. Мол, так было и в том давнем случае с питерским ОМОНОм. Недоброжелатели стали его называть: «Печально известный сливной журналист из Питера». Пролить свет на эту сторону своей деятельности мог только сам Чумаков. В свое оправдание, если бы он пожелал оправдываться, Коля мог бы сказать, что не его

используют ведомства, а он использует межведомственные противоречия в своих целях.

Надо признать, что среди его недостатков не было цинизма и продажности. «Грязными» его статьи не называли (враги предпочитали оценку «глупые»). Однажды крупный милицкий чин, задетый публикацией Коли, пригласил его на разговор. В конце беседы чин сказал довольно беззлобно:

– Черт тебя знает, Чумаков. Я думал, ты полный мудак. А ты, оказывается, нормальный парень. Даже не еврей. Только безбашенный какой-то. Может, еще поумнеешь...

Коля сам любил рассказывать эту историю со смехом.

* * *

Степанян дал самолет не абы какой, а свой, генеральский, которым обычно сам летал. Не тесно, можно вытянуть ноги. От сердца оторвал. Видать, здорово подставился его зам.

– Я все забываю у тебя спросить: а чем закончился тот суд? – поинтересовалась Оксана.

– Какой, Притула? Со мной сейчас судятся по трем материалам. И еще по одному я сужусь как истец.

– По погибшим омовцам.

– А, этот... Он еще не закончился. Но там иск не против меня, а против «Ежедневной». Их юрист этим занимается.

Оксана обратила внимание, что Коля разговаривает с ней слегка покровительственно. Он изменился, да. Немного важничает. Небось, уже не считает ее настоящей журналисткой. Что это за журналист, которого не таскают по судам? Колю – таскали, и ему это льстило.

– Кстати, Притула, какая у вас в Беслане программа? Митинг, прессуха, что еще?

«Притула? Значит, он будет для нее Чумой, как раньше».

– Не знаю, Чума, все засекречено. Будет митинг в школе №1. Выступит Букин. По-моему, даже прессуха не планируется. Туда – и сразу обратно. Дядя Степа сказал, что самолет там будет стоять часа три, постарайся успеть. А мне еще надо будет материал в контору перегнать, блин!

– В какой-какой школе митинг? Ты, я вижу, большой специалист. У них там две новые школы построили. Наверное, будет в той, что на улице Ленина. Ясно.

– Ну, я там не была. Честно говоря, совсем не тянет туда ехать. До дрожи в коленках. От одного слова «Беслан» мне становится хреново.

Оксана вдруг поняла еще одну причину, по которой она позвала в дорогу Чумакова. Ей *страшно*. Накануне ночью ей приснился поразительный сон. Большой зал, напоминающий переполненный зал аэропорта. На полу бок о бок, в тесноте сидят люди с детьми. И она среди них. Они – заложники. И вдруг женщина смотрит на нее – на нее! – с мольбой, показывает на младенца и говорит: «Можно я принесу воды? Он хочет пить». Почему спрашивают разрешения у нее? Боже, так это она держит их в заложниках! Она – шахидка?! Потом зал заволкло дымом, все побежали, а у нее маленькая, шкурная мысль: мне-то куда? Быстрее, быстрее, смешаться с толпой, спастись... Сновидение несколько раз возвращалось к этой точке: спастись... Она проснулась в полном ужасе от увиденного. Разве нормальному человеку может приключиться такое?

– Как ты думаешь, Чума, кому-нибудь из террористов удалось оттуда уйти?

Видимо, они заговорили слишком громко. Лицо оператора Усманова задвигалось под бейсболкой. Оксана приложила палец к губам: тсс! Чумаков разъяснил авторитетным шепотом:

– Я нашел свидетеля, который утверждает, что там было не меньше пятидесяти террористов. Убито тридцать с небольшим. Куда, по-твоему, делись остальные?

– Убежали?

Коля снисходительно усмехнулся. Оказывается, он написал добрый десяток расследований о событиях в Беслане. Там, по его словам, куда ни кинь – сплошные вопросы без ответов. Как бандиты проехали из Ингушетии в Осетию, миновав посты ГАИ? Сколько их было? Где взяли оружие и боеприпасы? Что стало причиной взрыва мины в спортзале, после которого разгорелся бой в школе? Известно, что главарь террористов, Полковник, приглашал на переговоры в школу четырех человек. Одного из них, президента Ингушетии, руководители штаба «не смогли найти». А ведь террористы, по данным Коли, обещали за каждого из этих четверых отпустить по 150 детей. Где же находился ингушский президент? Чумаков доверительно шепнул Оксане, что он как раз и занимается выяснением этого обстоятельства по заказу некоего сетевого СМИ...

– Постой. Ты хочешь сказать, что эти четверо должны были пойти к бандитам? Ты уверен? Я читала, их там собирались убить.

Коля пожал плечами. Материал у него давно сложился в голове. Террористы требуют ингушского президента. Обещают за него отпустить 150 детей. А того «не могут найти». Чумаков предполагал вволю поиздеваться над этой версией, вспомнить, как однажды президент Букин, когда его просили вмешаться в «дело Боровского», тоже «не смог дозвониться» до генерального прокурора. Власть опять поймана на лжи. Остальное совсем не по его части. Допустим, нашли бы главу Ингушетии, что дальше? Следовало ли ему идти в школу на верный расстрел? И привело ли бы это к освобождению 150 детей? А как быть с требованием террористов «вывести российские войска из Чечни»? На эти вопросы Чумаков отвечать не собирался. В конце концов, он же не специалист. Его задача – разоблачать официальную ложь. Коля вспомнил слышанное в университете:

– «Мы не врачи, мы боль». Кто это сказал? Чехов?

– Герцен. Чехов как раз был врачом.

Оксана размышляла: мы – боль... Они – боль... Все вокруг – боль... А кто же врачи? Он пишет статью за статьей о том, как *не надо* освобождать

заложников, а как *надо*-то? Наверное, если напишет, как надо, его самого поднимут на смех.

– У тебя, Чума, довольно легкий хлеб, я смотрю.

– За этот легкий хлеб убивают, между прочим, – ответил Коля.

– Опасный – да. А технологически – легкий. Как бы это объяснить? Ну вот, слушай. Допустим, ты начальник милиции. У тебя в районе обокрали несколько квартир. А у тебя просто некому это раскрывать. Нет элементарно людей. Но ты-то нормальный! Ты пашешь, как умеешь. А я разделяваю тебя в газете под орех. Тебя, положим, выгоняют, мне говорят: молодец. Хорошо, а дальше-то что? Чем я, положим, лучше этого мента...

– И давно ты жалеешь ментов, которые не раскрывают квартирные кражи? С какой стати мы должны думать за них?

– Да не жалею я вовсе... – Оксана чувствовала, что привела пример не совсем убедительный, понятный только ей и вряд ли кому-то еще. Для нее самой эти мысли были в новинку вплоть до сегодняшнего утра.

Она вспомнила свой недавний разговор с Ильичом. Она и его спросила про Беслан. Мол, что он-то думает об этом расследовании, загадках и прочем? Ильич удивился, сказал, что понятия не имеет, что там происходит, только предположил:

– Вообще-то, потерпевшие всегда считают, что в деле остались тайны. Люди пережили страшную трагедию, для них участие в расследовании – это как бы дань погибшим. Суд закончится – о них забудут, они окончательно похоронят своих близких. Так им кажется. Они и подбрасывают постоянно новые версии, вспоминают – совершенно искренне. *Все* обстоятельства дела расследовать невозможно, надо где-то ставить точку.

Ильич вспомнил, что однажды, больше десяти лет назад, тоже участвовал в освобождении заложника, «если так можно выразиться». Найденов тогда был курсантом Омской школы милиции. Из местной колонии бежал зэк. Его обнаружили на квартире у сожительницы. Окружили дом, предложили сдаться. И тогда зэк влез с трехлетней девочкой на подоконник

на пятом этаже, требуя автобус, деньги и возможность уехать. Часа три его уламывали. Автобус подогнали, портфель с деньгами показывали. В результате он все-таки вывалился на тротуар и убился вместе с девочкой. После этого местная пресса ела правоохранителей поедом. Но, главное, сам Найденов, участвовавший в переговорах с экзом, не мог забыть этот случай. Где они допустили ошибку?

– Все вокруг знают, что надо делать, и только ты не знаешь. Потому что решение принимаешь ты, а не они.

Наверное, так военный хирург в полевых условиях без рентгеновского снимка вынужден решать, ампутировать или сохранить раненому ногу. Из ста решений десять будут ошибочными. Это приемлемый процент для многих профессий, но не для хирурга. И не для того, кто борется с терроризмом. А если все отбросить, то остается главный вопрос: идти или не идти на сделку с террористами, чтобы освободить заложников? Он не имеет решения. Говорят: на поводу у террористов идти нельзя ни при каких обстоятельствах. Это верно, верно! До чего же это верно! В целых 99,9...процента случаев. Кроме одного единственного случая: когда в заложниках находится *твой* ребенок.

– Чума, а ты считаешь себя честным журналистом? – спросила Оксана.

– А ты?

Этого вопроса следовало ожидать.

– Я? Наверное, нет. Точно нет. Бывает, разговариваешь с человеком, а у тебя одно желание – вцепиться ему в морду.

Притула вспомнила рассказ одного своего коллеги о том, как несколько высших государственных чиновников для показухи прилетели в Беслан вскоре после теракта, провели траурный митинг где-то на отшибе, снялись на камеру и тихо улетели обратно, а местные жители об их посещении узнали только из теленовостей.

Самолет начал снижаться. Оксане захотелось прийти к какому-то компромиссу в ее споре с Чумаковым. В конце концов, что это она так

развыступалась в защиту чиновников? Не сахарные. Пусть их лучше трогают *так*, чем вообще никак.

– То, что ты делаешь, Чума, нужно. Наверное... Просто я совершенно точно никогда не стала бы этим заниматься.

– Почему?

– Надо уметь забывать. Мне так кажется.

Оксана вдруг почувствовала легкий приступ тошноты. Это определенно было следствием их с Найденовым утреннего пиршества у Халиля. Ладно, дотянет до земли. И все-таки, до чего же ей не хочется идти на этот митинг!

Когда они выходили из салона, оператор Усманов посмотрел на них чужим, недоброжелательным взглядом. Он не походил на человека, который спал в пути. Оксана опять подумала: ей бы не хотелось, чтобы он слышал их с Чумаковым разговор.

Глава одиннадцатая,
в которой следствие по делу о квартирной краже сдвигается с
мертвой точки

Российская милиция – плоть от плоти своего народа, результат его многовекового творчества. Страж российского закона!.. Эта лихо заломленная фуражка, форма, словно он спал в ней несколько ночей в плацкартном вагоне, автомат *на пузе* и во взгляде желание вас отфутболить со всеми вашими проблемами. Население России обычно в крепких выражениях отзывается о своей милиции. Однако возникает вопрос: это отношения взаимной *ненависти* или все-таки *любви-ненависти*? Пожалуй, второе. Можно ли искренне ненавидеть то, что узнаваемо во всякой детали как родное, отечественное? Аналогов российской милиции нет в развитых странах Запада, а все, чему нет там аналогов, является предметом нашей тайной любви и гордости.

Российская милиция производит прямо противоположное впечатление, в зависимости от того, с какой стороны ее наблюдаешь – изнутри или снаружи.

Снаружи милицию еще не всегда обнаружишь, хотя это многочисленная структура. Ее зачастую нет там, где она больше всего нужна. И, наоборот, она может, вооруженная до зубов, сидеть в засаде, вдали от вероятного появления бандитов, подкарауливая прохожего без документов или водителя, превысившего скорость. Такой, малоприглядной, она выглядит со стороны.

Зато если вы попадаете внутрь милиции... Положим, как посетитель, вынужденный дожидаться нужного вам оперативника, или как журналист, или как родственник милиционера... Так вот, наблюдая милицию изнутри, поражаешься суровости ее будней. Вечер, почти ночь, все идет домой, а эти мужественные люди опоясываются оружием и направляются на захват. Их

жены в отчаянии: мужья пропадают на службе, а денег в доме нет. Милиция не работает? А кто же тогда упек за решетку почти миллион человек, из которых большинство составляют преступники? В основном милиция и упекла. Весьма сложно примирить два взгляда, каждый из которых по-своему верен.

В самом факте того, что в России милиция продолжает существовать несмотря ни на что, кроется некая загадка. Государство делает вид, что создает ей условия для работы. А она делает вид, что работает. Человек приходит устраиваться в милицию. Ему дают оружие и выжидательно посматривают: еще что-то надо? Ай-ай, зачем вооруженному мужчине зарплата? Иди и добывай себе корм в поте лица своего! Тем более что кроме пистолета или даже автомата у милиционера есть корочки с гербом и какая-никакая форма. Когда этот низкооплачиваемый вооруженный мужчина попадает на совершении преступления, общественность деланно изумляется: как он мог? Хочется встречно спросить: а почему вы только сейчас всполошились?

Раскрытие преступления само по себе сродни чуду. Человек приехал в большой город, обчистил квартиру и убыл. Как вы найдете такого вора, если не застигли его случайно на месте происшествия? Да никак! На счастье милиции совершаются преступления иного рода. Имярек зарезал соседа в пьяной драке, вернулся домой и заснул сном праведника. Утром его растолкали и объяснили, что он натворил. Он в ужасе: «Не может быть! Не я!» – «Ты, соколик, ты!» Преступление раскрыто.

В целом милиция научилась жить в условиях недоброжелательного к себе отношения. Как мы – к ней, так и она – к нам. Угол падения наших жалоб на нее равен углу их отражения. Однако и у нее, ко всему привыкшей, есть слабое место, которое население порой цинично использует. Дело в том, что у каждого милиционера имеется начальник... Ему можно написать жалобу. Он вызовет подчиненного и даст ему нагоняй. Все при деле. Одни

жалуются, другие оправдываются, третьи руководят. Четвертые все-таки работают. Ну а пятые в этой воде ловят свою жирную рыбу.

* * *

Если человека зовут Владимиром Ильичом, то он просто обречен на то, что его будут называть по имени-отчеству. И спрятаться ему сложно.

– Кому дело поручим? Возьмитесь вы, Владимир Ильич.

– Ай-ай, Владимир Ильич, ну как же так? А мы-то на вас надеялись!

До поры до времени карьера милиционера с революционным именем-отчеством развивалась вполне сносно. После армии Найденов окончил Омскую высшую школу милиции и стал работать в уголовном розыске Санкт-Петербурга. К тридцати годам он дорос до зама начальника отдела по раскрытию краж питерского ГУВД. Не баловень судьбы, конечно, но и неудачником не назовешь. Промежуточная ступенька. Если кто-нибудь из его однокашников уйдет наверх, то и о Найденове вспомнят. Пошлют в академию, дадут должность, потом, может, предложат с повышением уехать в регион. Если не ловить ворон, то к сорока с хвостиком, прибившись к какой-нибудь влиятельной команде, можно стать генералом. Можно и не стать, как карта ляжет.

Однако Владимиру Ильичу штаны с лампасами носить было не суждено.

Шесть лет просидел он в замах начальника отдела. Несколько раз становился и.о. Но утвердить его начальником отдела как будто никому не приходило в голову. Человек ведь и так тащит на себе воз, за него никто не просит. С какой стати повышать?

В главке Найденова считали профессионалом. У него была репутация одного из лучших в городе специалистов по раскрытию краж.

И вот однажды подполковника вызвал к себе начальник штаба ГУВД генерал Агеев. Это могло означать одно: на него наорут и навалят еще работы. Генерал Агеев был для сотрудников главка примерно как надсмотрщик для негров на плантации. «Бичом» Агеева был его уникальный

громовой голос. Генералу даже кричать не надо было, все равно любая накачка походила на крик. Однако мерзавцем его не считали и к манере общения – кого ею в милиции удивишь – постепенно привыкли.

– Садись, Владимир Ильич. Я слышал, ты разводишься?

Неожиданное вступление.

– Так точно, товарищ генерал.

– Понимаю... Размен квартиры, живешь у друзей... А роста нет. И не будет! Не будет, Ильич! Говорю тебе прямо. Раньше было трудно двинуть хорошего парня на должность, а сейчас все будто обезумели. Одни лоббисты кругом. Губернаторы, полпреды, единокороссы, хренороссы. Делать им не хера, пихают везде своих людей. Уж лучше бы в футбол играли! – закончил он неожиданно свою речь, смысла которой подполковник пока не улавливал.

Найденов хорошо знал эти расклады. Особенно яростная подковерная борьба шла вокруг вакансий в подразделениях по борьбе с экономической и организованной преступностью, тут лоббисты бились уже за должности начальников отделений. Оно и понятно: простой опер, поработав пару лет в этих подразделениях, мог стать обладателем убойного компромата на кого угодно, вплоть до ближайшего окружения президента. Выход наружу этой информации следовало строго контролировать.

– Короче, Владимир Ильич...Скоро будет вакансия – в Прибрежном РОВД, начальника криминальной милиции. Буду тебя рекомендовать. Соглашайся и даже не раздумывай! А там видно будет. Начнем готовить документы.

Найденов не мог не оценить предложения, которое сделал ему генерал Агеев. Он хорошо знал этот район. Достаточно сказать, что на его территории находились два крупных рынка – продуктовый и вещевой плюс соответствующая инфраструктура. Умный милицейский начальник, даже не особенно наглея, мог быстро поправить здесь свои финансовые дела. Конечно, основные деньги с рынков уходили на уровни повыше – в округ, мэрию, но и местной милиции кое-что перепадало. Ильич вскоре в этом

убедился. Там драка случилась между земляками. Что их, за решетку тащить? Через час остыли, просят: отпусти, начальник, сами разберемся. Ночью у забора нашли рюкзак, в нем пакетики героина и восемь тысяч долларов. Чей? Разумеется, хозяин не объявился. И так далее. Каждую неделю возникали большие и малые проблемы с законом у десятков небедных людей, и некоторые из них при ближайшем рассмотрении оказывались людьми хорошими, по уверению их главного ходатая – Халиля. Тяжкие преступления – особый разговор, но к раскрытию менее тяжких Найденов относился без фанатизма, здесь был возможен компромисс. К тому же сыщики по определению обязаны иметь источники информации, агентуру, а как этим обзавестись, если ты не способен иногда закрывать глаза и затыкать уши?

За год, истекший со времени его назначения, Найденов снискал у местного криминала репутацию правильного мента. При этом раскрываемость преступлений в районе заметно выросла. По тяжким вообще была прекрасная картина: раскрыты два убийства, вооруженное ограбление и даже заложника сумели освободить. За освобождение заложника – сына владельца супермаркета – милиционеры получили отдельную премию. Лавры по тяжким приписали себе, конечно, ребята из главка, но и заслуга Найденова и его подчиненных, сумевших прекрасно отработать места преступлений и добыть ценную информацию, была особо отмечена.

Генерал Агеев, казалось, больше не вспоминал о том разговоре. Он кричал на Найденова ничуть не меньше, чем прежде. Однако Владимир Ильич понимал: с ним поступили благородно. За то, чтобы поставить своего человека на его должность, тот же Халиль влежку отвалил бы двести – триста тысяч зеленых.

По истечении года подполковник Найденов сменил «жигуль» на пятилетний «Фольксваген Бора», привел в порядок однокомнатную квартиру, доставшуюся ему после раздела жилплощади, и вообще не голодал. Наверное, далеко не каждый назвал бы Владимира Ильича кристально

честным человеком. Возможно, некоторые стороны его деятельности показались бы предосудительными в иных обществах, более близких к идеалу, где полицейский его квалификации получает те же блага абсолютно легальным путем. Может быть, может быть... Но он жил во вполне конкретном обществе, в котором другой на его месте заработал бы в пять раз больше, а сделал бы в десять раз меньше.

Халиль полагал, что более честного милиционера он в своей жизни не встречал.

* * *

Расставшись с Оксаной после завтрака у Халиля, Ильич вернулся в свой кабинет. Утро. Скоро должен появиться бармен с известиями. Через пару часов, вряд ли раньше. Да, Найденов устал, и вскоре ему могут подкинуть еще какую-нибудь работенку в связи с похищением господина Пронина. Тем не менее настроение у подполковника было приподнятым, и причина тому лежала на поверхности. «Интересная девчушка», – думал он. Хотя чем она могла его так уж заинтересовать? Ничего умного она не сказала. Умным старался быть он. В какой-то момент – да, совершенно определенно, ему захотелось произвести впечатление на эту девушку, в чьих серых, внимательных глазах он прочел подлинный интерес к себе, своей неблагодарной профессии, своему опыту и знанию жизни. Ему было приятно разговаривать с ней. Сейчас он с трудом вспоминал, о чем они говорили. Помнил только ее строгие серые глаза, тяжелую шапку русых волос, придававшую ей сходство с одуванчиком...

Халиль появился около одиннадцати. Он многообещающе улыбался, словно купец, который принес гораздо более ценный товар, чем ему заказывали, и вправе рассчитывать на соответствующую благодарность. Он положил на стол ноутбук и рядом пачку стодолларовых кредиток. По его виду было ясно, что это далеко не все.

– Парня-то можно забрать, Владимир Ильич?

– Конечно, как договорились. Уже сидит, ждет. Что с машиной? Видели?

– Видели. И даже номер запомнили! Тот, который на стреме стоял, подошел и срисовал номерок. Вот...

Найденов с изумлением смотрел на клочок бумаги, на котором было коряво написано: «Джип лэнровир Х570УХ».

– А что он еще видел?

– Говорит, какого-то человека вывели из подъезда. И уехали сразу. Больше ничего.

– Не было этого. Не бы-ло! Померещилось. И тот парень ничего не видел. Усекаешь? – Найденов выразительно провел пальцем по шее, давая понять: иначе не поздоровится не только тебе, но и мне.

– Уже забыл. Эти торчки иной раз такое напридумывают. Не было ничего.

– Кстати, у твоего парня... Карим, что ли, его зовут... судимость, пусть убирается на хрен, чтобы я его больше здесь не видел.

Халиль удивленно вскинул брови и покачал головой: надо же, какие люди иногда проникают в его законопослушное окружение. Получалось, что у них с подполковником обмен вышел равноценный. Он улыбнулся белозубой улыбкой и сменил тему:

– Хорошая девушка с вами была, Владимир Ильич. Понравилось ей у нас?

– А? Наверное, я не спрашивал. Напишет – прочитаем. Ну, пока, Халиль, дел непроворот. Будь здоров.

Едва за барменом закрылась дверь, Найденов набрал номер полковника Жеваго и сообщил ему, что удалось установить машину, на которой увезли интересующего их человека. Это «Ленд ровер» с номером «Х570УХ». Как и ожидал Владимир Ильич, информация произвела впечатление. Полковник даже не пытался скрыть своего изумления оперативностью районных детективов. Самому Жеваго к тому времени похвастаться было решительно

нечем, хотя его люди проделали колоссальный объем работы. В данный момент они обходили фирмы, расположенные поблизости от места происшествия, и просматривали записи камер видеонаблюдения, рассчитывая обнаружить на них подозрительную машину. Мартышкин труд. Теперь необходимость в нем отпала, взят настоящий след, который и должен в конце концов привести к похитителям.

– Как вовремя, как вовремя, Владимир Ильич! Вы оказали нам неоценимую помощь. Я доложу об этом руководству.

Теперь миссия подполковника Найденова в этом деле, по-видимому, уже полностью завершена. Через час-другой можно с чистой совестью уезжать домой. Он позвонил на квартиру Сарафановым и наговорил на автоответчик: «Подполковник Найденов из Прибрежного РОВД. Есть новости по вашему делу. Прошу зайти ко мне сегодня до половины первого или в понедельник с утра». Владимир Ильич спрятал принесенные Халилем ноутбук и деньги в сейф и вернулся в свое кресло.

В начале первого ему позвонил полковник Москаленко. Странно, его не ждали на работе в эту субботу.

– Владимир Ильич, что там ночью стряслось в 14-м доме на Энтузиастов?

Громкая связь. Официальный тон, обращение по имени-отчеству. Москаленко в кабинете не один. С кем, интересно? Найденов мгновенно все понял. Как же он раньше не догадался! Надо срочно придумать какую-нибудь комбинацию, хватит ли времени?

– Две кражи, Виктор Иванович. Ничего особенного, – сказал подполковник, вытягивая шею, стараясь разглядеть во дворе машину, на которой могли прибыть в их РОВД *гости*. Иномарок не заметно. Вон какой-то «жигуль» стоит. Он, что ли? Не понять.

– Две? Меня интересует квартира... да, сорок пятая. Там изымали какие-нибудь вещдоки?

«Тебя-то, Иваныч, каким ветром в эту историю занесло?» – подумал Ильич.

– Ноутбук изъяли, – товарищ полковник. – Была версия...

– К черту твои версии. Его требуют на экспертизу. В главк.

– Понял. Сейчас занесу.

– Не надо, я сам зайду.

Ага, сам зайдет. Где взять то, за чем прибыли гости? У Найденова не оставалось выбора. Он достал из сейфа сарафановский ноутбук. В этот момент в дверь постучали, и на пороге появился сам потерпевший Сарафанов. Увидев его, подполковник заорал:

– Вон отсюда! В понедельник! В понедельник! Работать не даете!

– Вы же сами сказали до половины первого...

– Вон отсюда!

Для верности Найденов проследовал за скрывшимся за дверью Сарафановым и убедился, что тот быстро удаляется по коридору, видимо, по направлению к приемной начальника РОВД. «Будет жаловаться. Там его еще почище встретят», – усмехнулся Ильич, удивляясь своему внезапно вспыхнувшему гневу.

Через несколько минут в кабинет Найденова зашел Москаленко.

– Тут от тебя какой-то тип прибежал, аж весь дрожит. Говорит, ты его чуть не убил. Что у нас в отделе происходит, а, Ильич? Если ты начнешь на людей бросаться...

– Ничего, в понедельник я его успокою. На, Иваныч, держи, – Найденов протянул ему ноутбук.

Москаленко постоял в нерешительности. Он чувствовал, что в этом деле есть какая-то чертовщина, раз *такие люди* потребовали, чтобы он в выходной примчался на работу и оказал всю возможную помощь представителям соседней организации. И он понимал, что Найденов, скорее всего, в курсе происходящего, но прикидывается простаком. Выяснить, что к чему, Москаленко не собирался – некоторые вещи лучше не знать, давно

усвоил он. Однако дать какие-то пояснения следовало. Москаленко показал глазами вверх и вполголоса назвал фамилию заместителя начальника ГУВД Санкт-Петербурга: «Зуев». Они поняли друг друга.

– Не влезай в это дерьмо, – так же тихо произнес Ильич.

Когда полковник ушел, Найденов связался с дежурным по РОВД и поручил ему запомнить номер бежевой «десятки», которая вскоре выедет с территории райотдела. Не прошло и пяти минут, как он снова позвонил седому чекисту и сказал ему этот номер. Остальное дело техники. Людям Жеваго осталось только сесть «десятке» на хвост, и она сама привезет их куда надо. Хоть это они сумеют?

Теперь у подполковника были все основания гордиться собой. Он раскрыл серьезное преступление. За считанные часы, практически в одиночку. Жеваго доложит о его заслугах руководству. Если ему верить, он так доложит, как давно никто не докладывал. Правда, у медали, которую мог получить Ильич, имелась и обратная сторона. Он только что обманул зама начальника ГУВД, подменив вещдок. Не дай бог в последующей схватке кураторы генерала Зуева возьмут верх. Тогда Найденову несдобровать. В этом случае окажется, что он не раскрыл преступление, а его совершил, со всеми вытекающими.

Значит, как обычно: либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Глава двенадцатая,

*в которой высказываются соображения о чекистах во власти и их
отношении к коррупции*

«Нет, ну какая мразь!..»

Эти слова первыми пришли в голову Владиславу Владиславовичу Букину, когда он проснулся 1 сентября. С ними же он и заснул. А относились они, конечно, к генерал-полковнику Сутормину.

Неужели только сейчас, оказавшись в столь критическом положении, Владислав Владиславович узнал, что некоторые лица из его окружения участвуют в отъеме чужой собственности, прикрываясь высшими государственными интересами? Трудно в это поверить. Чтобы не замечать, как славно складывается жизнь его окружения, президент должен быть слепым, глухим и к тому же мертвым. А Владислав Владиславович был зрячим, хорошо слышащим и живым. И умным к тому же.

«Как же он допустил?..» Обыватели любят адресовать этот укоризненный вопрос своим популярным руководителям.

Без разговора о коррупции не обойтись.

Владислав Владиславович был не только умным, но еще и честным. Да! В это трудно поверить – на таких должностях побывал. Однако мы имеем заключение очень авторитетного свидетеля – Островитянина. Так называли в Кремле влиятельного прежде бизнесмена, участвовавшего даже в продвижении Букина к вершине власти, но потом вошедшего с ним в конфликт и укрывшегося от преследований российской прокуратуры в островном государстве – Англии. Островитянин (который тогда еще не собирался им становиться) был другом и благодетелем российских чиновников, особенно перспективных. Иногда даже без видимой корысти, из одного сострадания к их тяжелой доле. Говорят, он мог встретить чиновника в коридоре власти, взять его за пуговицу и проникновенно сказать: «Дайте

мне номер вашего банковского счета. Дайте же! Ничего от вас не потребуется, дайте только номер счета!». Удержаться от того, чтобы сообщить влиятельному бизнесмену такую пустяковую информацию, по видимому, было сложно. Случалось, говорят, что потом на эти банковские счета капали деньги... Так вот, даже Островитянину, по его собственному признанию, не удалось осчастливить Владислава Владиславовича, в ту пору второго по значению руководителя второго по величине города России. Букин отказался от своего интереса в какой-то там сделке. В чем Островитянин, уже ставший таковым, несколько обескураженно и признался.

В начале 1990-х годов в России понятие «взятка» было ближе к понятию «доблесть», чем к понятию «преступление».

Первые годы после победы *буржуазной революции* – дар небес, посылаемый чиновничеству! Беря взятку, человек еще и сохраняет чистую совесть. Зачастую он делает то, что и сам считает справедливым, что и так бы сделал, без дополнительного вознаграждения. Собственность в новой России полагалось быстрее раздать в частные руки. Те или эти руки – какая разница? Оставаясь в распоряжении государства, то есть «ничьей», собственность гнила, рушилась, приходила в упадок, а если не хотела рушиться, то ей помогали, она могла, например, сгореть, обесценившись до нуля. Предложение значительно обгоняло спрос. Еще побегаешь, прежде чем найдешь какое-нибудь ТОО, которое имеет достаточно средств и желания взвалить на себя бремя забот о магазинчике, заводике, складе, птицефабрике... От чиновника требовались подчас пустяки: дать знать, ускорить, потом слегка курировать. Или, допустим, найти делового партнера.

После октября 1917-го человек с ружьем передавал фабрики рабочим, в 1990-е человек в цивильном костюме с печатью осуществлял обратный процесс и с не меньшим энтузиазмом. Чиновнику по большому счету все равно, туда или сюда передавать собственность, лишь бы передавать. А тут еще благодарность! Она казалась неотъемлемой частью рыночных отношений. Если у какого-нибудь чиновника начинала побаливать совесть,

он мог утешать себя тем, что, конечно, и для него рынок – новость, он себя к нему не готовил, наверняка что-то делает не так. Что хромает – то идет. А округлившийся счет в банке (или наличка в сейфе) – свидетельство исключительности его заслуг в деле трудного, но необходимого перехода к новым экономическим отношениям. Это мы говорим о людях относительно честных, бравших то, что само плыло им в руки. Особо криминальные случаи нарушений даже тогдашних, сверхлиберальных требований морали оставим за скобками.

И надо же – вот ведь свинство! Работал человек, работал, а на него собралось *досье*. Жена чиновника оказалась владелицей фабрик, пароходов и казино, а его сын в двадцать пять лет стал вице-президентом сырьевой компании. Загородный особняк, положим, записан на жену. Но вот ведь гнида, западный инвестор: вел список тех, кого он благодарил за услуги, и этот список всплыл, когда на инвестора на его родине завели уголовное дело. И там оказалась фамилия нашего чиновника против захватывающей дух суммы. А тут чиновнику на подпись приносят бумагу. Он вник – вредная бумага, коррупционная. Заартачился было ее подписывать, но ему намекнули на некий счет в иностранном банке, имя владельца которого может быть предано огласке. Вот так и увяз его коготок. Чиновника не судят, нет, но в политику ему соваться нельзя и рассуждать, какая бумага вредная, а какая нет, не следует, если на подпись ее приносят уважаемые люди.

Сколько ярких революционных репутаций сгубили коррупционные 1990-е! Уцелели единицы. Среди них – Владислав Владиславович Букин: он сумел подойти к решающей битве за власть в максимально возможной для того времени чистоте. Подношений не принимал. Палат каменных не нажил. Дача была, но скромная, да и та сгорела. Жена – не олигарх, простая русская женщина, филолог. Дочери учатся. О счетах в зарубежных банках не слышал даже Островитянин. В бытовом плане Владислав Владиславович показал себя в высшей степени чистоплотным, умным, дальновидным человеком. Он

не брал тогда, когда брать казалось делом безопасным и чуть ли не богоугодным.

Тем не менее именно при Владиславе Владиславовиче Букине в условиях его почти неограниченной власти коррупция в России приобрела новые неприглядные формы, к тому же почти узаконенные. Сам он как будто считал это нормальным. В чем дело? Как объяснить сей феномен? Причин, наверное, много. Попробуем некоторые из них поискать в прошлом господина Букина.

А прошлое президента России известно всему миру.

По первому своему призванию он был разведчиком и контрразведчиком, то есть принадлежал к особой касте людей, которых в России именуют *чекистами*. В Советском Союзе они жили обособленной жизнью. Где обыватель мог столкнуться с чекистом? Допустим, при приеме на работу на режимное предприятие. При собеседовании перед поездкой за границу. Контакты такого рода были нечастыми, но запоминающимися, и всегда носили характер легкого допроса. Он за столом, строго на вас смотрит, а вы вертитесь перед ним на стуле, оправдываетесь. Так, чтобы рядом с вами, бок о бок, на мирном производстве работал бывший чекист, – нет, такого в Советском Союзе практически не бывало. В чекисты уходили на всю жизнь, как в солдаты при матушке Екатерине. Особость – свойство этой профессии. Ощущение особости впитывали прежде всего сами чекисты.

После 1991 года массы чекистов оказались выброшены в нормальную жизнь – молодые пенсионеры, а то и вовсе даже не пенсионеры. Им предстояло на равных с остальным народом бороться за хлеб насущный, желательно с насущным маслом. Когда дымок рассеялся, выяснилось, что полного смешения не получилось. Чекисты не смешиваются с остальным обществом! Они попробовали было, но, как выражаются химики, *гомогенной* среды не получилось. Всюду, где нашли себя чекисты (прежде всего, конечно, в бизнесе), они сбились в свои мини-корпорации. Приходится

согласиться: чекист – особая профессия, из тех, что накладывают сильнейший отпечаток на личность человека. На всю жизнь.

Когда чекисты в 2000 году в России пришли во власть (демократическим путем), их стали подозревать в желании воспроизвести в стране атмосферу страха, бериевщины и тому подобном. Это были грубые и недальновидные наветы. Берия когда жил? Чекисты последних десятилетий – обычные, спокойные люди, желающие ровно того же, что и остальные граждане: расти по службе, зарабатывать деньги, путешествовать, выучить детей и так далее. Нет у них такого кровожадного желания – надеть халат, пойти в камеру и поработать щипчиками над правозащитником, подвешенным на крюке... Фи. Им радости предшественников из далеких 1930-х даже непонятны. У современных чекистов проблемы, если можно так выразиться, сугубо *управленческие*. Все-таки остается большим вопросом, насколько уместны во власти те навыки, которые когда-то вошли в их плоть и кровь и приобретались совсем для другого. Какие из тех навыков уместны, а какие нет? Почти двадцатилетний опыт пребывания чекистов в бизнесе позволяет сделать кое-какие обобщения.

К достоинствам чекистов-управленцев относятся: аналитический склад ума, привычка просчитывать каждый шаг, психологическая устойчивость, основательность, знание психологии. Основа их успеха в бизнесе – связи, связи и еще раз связи. В каждой крупной структуре они найдут своего человека и будут действовать через него. Они особенно сильны в ситуациях (нередко встречающихся, например, на международной арене), когда нет ясного, простого решения и лучшая стратегия – тянуть время, маскировать свои замыслы или отсутствие таковых. А недостатки? Да отчасти те же самые. Если бы в политике имелась только непубличная часть, если бы вся она состояла из осчастливливания населения без участия самого населения, из манипуляций общественным мнением (в интересах общества, разумеется), то чекистам-управленцам цены бы не было. Но публичная составляющая в политике имеется, и она чрезвычайно важна. И тут достоинства чекистов-

управленцев оборачиваются недостатками. О, эта страсть все контролировать, превращать любое действие в *оперативное мероприятие* с информационным прикрытием, боязнь сказать слово в простоте... Они могут распутать сложную проблему? Да, но и запутать простейшую, завратся порой без всякой видимой причины там, где надо просто и ясно сказать, что же хочет власть. Их корпоративность носит гипертрофированные черты. Почти на каждом значимом месте – *проверенный* человек. Он либо сам *бывший*, либо (откуда их столько взять) давно им знаком, ими отрекомендован, за него *поручились* и отвечают головой. Поэтому высший грех такого чиновника – преступление перед выдвинувшей его корпорацией. Что хуже обмана? Обман центра. Воровать нехорошо, но совсем непростительно обворовывать своих. Украсть из тумбочки у товарища предосудительнее, чем ограбить банк. Предал, подставил, *скрысил* – вот преступления, которые считаются непростительными в сообществе чекистов.

Что же до остальных грехов, общечеловеческих, то тут чекисты проявляют редкую снисходительность. Ведь чем они отличаются даже от милиционеров? Милиционеры тоже имеют дело с агентурой, преступниками, но они столь же часто общаются и с нормальными людьми. Милицию ориентируют искать помощь у населения. Милиционеров часто не любят, но, когда нужно, им всячески помогают в поимке преступников. А чекисты в своей работе привыкли иметь дело исключительно с мерзавцами или как минимум с людьми оступившимися, кому есть что скрывать, какие грехи замаливать. Чекист своих помощников вербует. Он верит, что выполняет свой долг перед Родиной, согражданами (мы говорим о лучших представителях этой профессии), но делает это скрытно и методами, которые считаются предосудительными в отношениях между обычными людьми.

Действительно, стрессовая жизнь. Часто двойная. Честный, открытый и сострадательный – по отношению к друзьям, лживый, коварный, жестокий – по отношению к врагам. Главное, не запутаться, где враг, а где друг.

Какое отношение сказанное имеет к коррупции? Владислав Владиславович Букин не брал взяток и презирал тех, кто их берет. Вместе с тем он понимал, что прочную команду можно построить только на взаимном интересе. Компромисс был найден следующий. При Букине появились разрешенные и неразрешенные формы коррупции. Чиновники стали курировать определенные сферы бизнеса. Они возглавляли советы директоров или наблюдательные советы в крупных компаниях с государственным участием – это называлось представлять в них интересы государства. Такой чиновник мог привлекать огромные средства под различные проекты, лоббировать нужные государственные заказы и законопроекты. И он обрастал огромным количеством знакомых бизнесменов, обязанных лично ему. Его родственники начинали с чудесной скоростью расти по службе (в других компаниях, разумеется). Уйдя из власти, он сможет быстро конвертировать свои благодеяния бизнесу в деньги, недвижимость, престижную должность в крупной компании. Только торопиться не надо – чтобы *не подставить*. Но если вскрыется, что такой чиновник *уже сейчас* купил усадьбу на Лазурном Берегу... имеет кругленький счет в западной банке... примитивно взял деньги с коммерсанта за какую-то услугу... Нет, такому человеку не было места в команде Букина. Он дал основания разговорам о коррупции в окружении президента. Он подставил свою корпорацию. Он ненадежен, поскольку стал потенциальным объектом для шантажа со стороны политических конкурентов и иностранных спецслужб. Он тем самым совершил предательство. Да и просто... сволочь он. Его купили: он искательно смотрел в глаза какому-то ничтожному коммерсанту и *благодарил*. Владислава Владиславовича Букина никто из бизнесменов, даже Островитянин, не видел искательно заглядывающим в глаза, а те, кто, возможно, видел, давно постарались об этом забыть.

Генерал Сутормин действовал от лица корпорации за ее спиной. Санкцию на смену руководства «СеверОйла» ему никто не давал. Он

вымогал деньги, прикрываясь именем президента Российской Федерации. Прощения Сутормину не было.

Глава тринадцатая,
*в которой Георгий Васильевич Пронин наконец-то приступает к
исполнению президентских обязанностей*

В десятом часу утра 1 сентября кортеж из пяти машин выехал из резиденции президента Российской Федерации. На огромной скорости он направился на аэродром во Внуково. Георгий Васильевич задумчиво смотрел в окно на корпус идущего впереди автомобиля охраны, иногда провожая взглядом гаишников, отдающих им честь. «Красиво, должно быть, это смотрится со стороны», – думал он. Машины двигались синхронно, словно вагоны поезда. Водители ГОНа, гаража особого назначения, гордятся своим умением сохранять дистанцию меньше метра на любой скорости. В первое время Пронин не мог избавиться от беспокойства: а ну как придется притормозить? Хотя прекрасно понимал, что затормозить президентскому кортежу придется один-единственный раз – в конце пути.

Это не президент едет куда-то. Это мир едет мимо него, меняется, как декорации. Лимузин президента – не самое удобное место для работы, но,

несомненно, самое привилегированное место в стране. Это единственный в стране автомобиль, который может добраться из пункта А в пункт Б независимо ни от чего, в полном соответствии с правилами простейшей математики. Время в пути определяется делением расстояния на скорость перемещения. «Президент выехал из пункта А», – узнают в пункте Б. И с точностью до нескольких секунд определяют, когда он у них будет.

Петрович сидел на переднем кресле «пульмана» (президентского лимузина), погруженный в свои мрачные мысли. Он постоянно подносил трубку к уху, но почти ничего не говорил, только слушал. С утра они с Прониным перекинулись только несколькими словами. Поиски Букина до сих пор не дали сколько-нибудь серьезных результатов. В три часа ночи сотрудники Петровича разыскали начальника службы безопасности группы «Резонанс» – его нашли на Лазурном Берегу. Он клялся и божился, что его люди не проводят никаких операций в Петербурге. Попросил полчаса на уточнение некоторых обстоятельств, потом перезвонил и, призывая в гаранты их общих знакомых, заверил еще более определенно: «Мои в Питере не работали». Поскольку дело, по-видимому, важное, он обещал первым же рейсом, то есть в субботу в полдень, вернуться в Москву и на месте оказать всю необходимую помощь. Если требуется. «Требуется!» – рявкнул Петрович. Ладно, этого типа здесь потрясут. Но Петрович все больше склонялся к мысли, что в случае с «Резонансом» он тянет пустышку.

Жеваго в Петербурге по-прежнему делал «все возможное» и ничего сверх того. Петрович однажды чуть не сказал ему: «Ищи его так, как бы ты искал президента». Но осекся. Не время посвящать в тайну даже самых доверенных людей. Пусть для начала появится хоть маленькая зацепка. Тогда можно будет придумать легенду и задействовать в поисках весь арсенал спецслужб. А пока – ждать. Ждать этой маленькой зацепочки. Должна же она когда-нибудь появиться? «С минуты на минуту», – заверял Жеваго. Петрович продолжал надеяться. У него было предчувствие, что помощь должна

прийти со стороны самого Владислава Владиславовича Букина. Не тот это человек, чтобы беспомощно сунуть шею в петлю. Ждать...

Пронин замечал: мысли Петровича почти никак не связаны с их предстоящей поездкой в Беслан. Шеф службы безопасности механически выполнял свои привычные обязанности, отдавал распоряжения, потому что их от него ждали, однако при этом к чему-то напряженно прислушивался и присматривался, словно вот-вот в окружающем его воздухе должен материализоваться какой-то знак, дающий ему право крикнуть: стоп! сворачиваем этот балаган, актеры свободны, декорации убрать, возвращаемся к нормальной жизни. А кто мешал Петровичу свернуть балаган? Под рукой из таких людей был только Пронин. Шеф секретной службы продолжал испытывать к нему антипатию и не считал нужным это скрывать, когда они оставались наедине.

Оказалось, что президент России вполне может избавиться от посторонних глаз, если его поездка проходит в особом режиме. Лимузин подъехал к трапу самолета – белоснежному, легкому «Ту-134», который заменял президенту мощный «Ил-96-300» при перелетах на небольшие расстояния. На взлетной полосе стояли только сотрудники службы безопасности, каждый из них смотрел в своем направлении. Георгий Васильевич обвел взглядом окружавших его людей. У каждого из них на лице было написано: «Я при исполнении, обычная работа. Меня ничем нельзя удивить». Если бы Пронин сейчас разделся догола, никто бы не подал вида, подумалось ему. Интересный мир, в котором все, что ты делаешь, правильно и естественно. Ты можешь оживить манекен – подойти, улыбнуться, потрепать его по плечу. Он ответит приветливой, счастливой улыбкой. Но когда ты отойдешь от него, он снова превратится в автомат, человека-функцию. «И это, между прочим, правильно», – рассудил Георгий Васильевич. Ничто постороннее не должно отвлекать внимание первого лица государства, иначе и свихнуться недолго.

Небо было плотно закрыто серыми неподвижными облаками, однако президент не снимал темных очков. Почему? Да мало ли почему. Так надо. Пронин не стал надевать пиджак, перекинул его через плечо жестом, хорошо известным президентскому окружению, и легким шагом стал подниматься по трапу. За ним, отгораживая его от внешнего мира, следовал массивный Петрович. «Отрезает пути к отступлению» – эта мысль заставила Пронина улыбнуться. Он поздоровался со стюардессой, пожал руку командиру корабля и оказался в обшитом деревом салоне – рабочем кабинете президента. «Ничего не надо, спасибо. Я позову», – слышался сзади голос Петровича. Георгий Васильевич опустился в кожаное кресло у столика и перевел дух. Первое его явление народу позади. И оно прошло нормально.

Петрович сел в кресло напротив и тут же приник ухом к телефонному аппарату.

Из официальных лиц в самолете они, кажется, были вдвоем. «Так, а где ядерный чемоданчик?!» – подумал Пронин. Где эти знаменитые два морских офицера с черными кейсами? Георгий Васильевич хотел спросить Петровича, но сдержался. С той минуты, как они покинули резиденцию Горки-9, выходить из образа без нужды не следовало. Он – президент России,

Петрович – начальник его службы безопасности. Вероятно, офицеры с кейсами где-то поблизости. Они могут полететь и другим бортом – с охраной, спецсвязью. Рассказывали, что когда Букин в 2000 году «катался» на истребителе «Су-27», за ним на такой же «сушке» летел человек с «чемоданчиком».

«Желаю вам приятного полета, господин президент», – сказал командир корабля. Самолет пошел на взлет. Георгий Васильевич вынул из кармана две странички с текстом – свою речь перед школьниками Беслана, набранную крупными буквами, рассчитанную примерно на две минуты. Он ее уже неплохо знал. Сейчас он оценивал текст с точки зрения того, с какой интонацией его нужно произносить. Интонация получалась в основном назидательная. Пожалуй, слишком серьезно для Дня знаний. Обязательно ли знать детям, что ни один бандит не ушел от возмездия? И эта фраза о двойных стандартах в борьбе с терроризмом. Его идея фикс... Впрочем, он ведь не только перед ними выступает, но и перед всей страной, перед миром. Наверное, так надо. Никто не запомнит, что сказал уходящий президент Букин 1 сентября 2007 года в Беслане, однако запомнят, что он был там, попросил прощения, перевернул трагическую страницу истории. Пронин закрыл глаза, стараясь положить прочитанное, как на музыку, на интонацию Владислава Владиславовича Букина.

Потом мысли его приняли совсем странное направление. Он вдруг подумал: «Но ведь Петрович не может не рассматривать самый катастрофический вариант? А если случится непоправимое – как он будет выпутываться? Сам говорил: трибунал. Какую он мне судьбу определит?» Или такой фантастический поворот: Влад гибнет от рук похитителей, а он, его двойник, от рук террористов. Кто где погиб, мир так и не узнает. Нет, бред какой-то, проводятся же экспертизы. Однако что сейчас варится в голове у Петровича? Надо быть начеку.

– Георгий Васильевич!

Пронин, оказывается, дремал. О, они в полете уже больше часа. Петрович смотрел на него своим тяжелым, давящим взглядом, в котором впервые в этот день светилась надежда. В руке он держал телефонный аппарат, зажав его в могучем кулаке.

– Х570УХ – вам что-нибудь говорит этот номер машины? «Ленд ровер».

– Нет... Точно нет. Установили машину?!

– Да. Не прошло и десяти часов как...

Потом опять возникла пауза. Пронин вспоминал свою речь, иногда проваливаясь в дрему. Он понимал, что там, на земле, идет сумасшедшей интенсивности работа. Петрович тоже по мере возможностей в ней участвовал. Однажды он зарычал в трубку: «Что-о?! У них совет директоров?! Да я сейчас всех их директоров мордами по стене проведу! Пусть немедленно соединяют с Егоровым...» Это они пробивали владельца черного «Ленд ровера». Как и следовало ожидать, криминальным джипом управляли по доверенности, а прошлый его владелец Егоров, директор чего-то, понятия не имел, кому он его продал два года назад, ибо шофер, который этим занимался, давно уволился, концов его теперь не найдешь, и так далее, и так далее... Однако к моменту приземления президентского лайнера джип «Ленд ровер» Х570УХ удалось обнаружить на одной из гаишных видеопленок. В 22.46 эта машина выехала из Петербурга по Приморскому шоссе.

Значит, преступников рано или поздно найдут. Но надо найти рано. Немедленно. Вместе с живым и здоровым пленником.

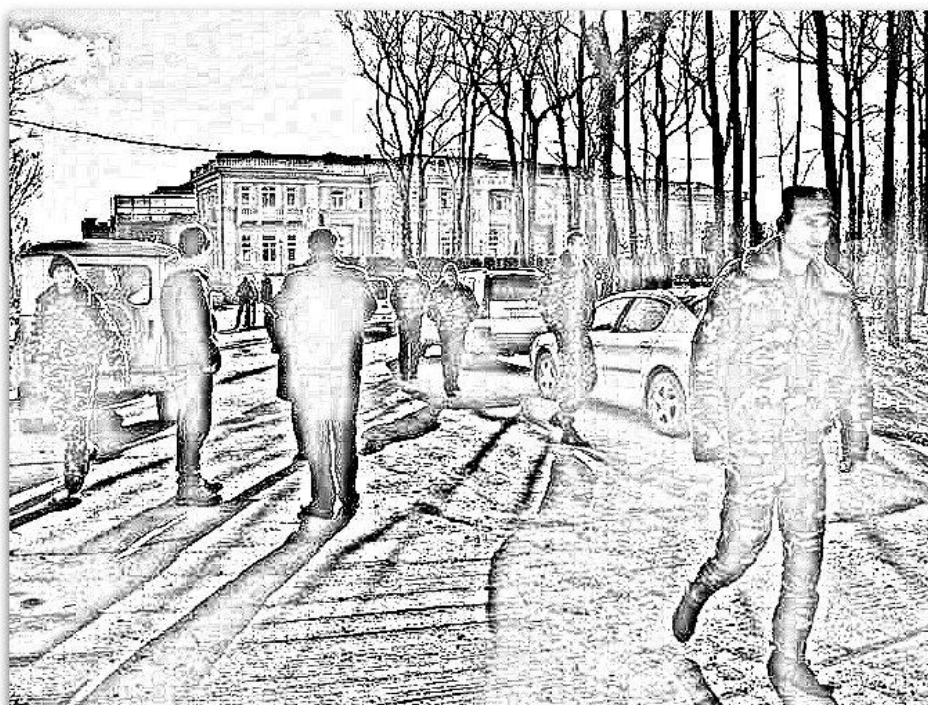
Кто же все-таки его похитил?

* * *

1 сентября президента России в Беслане не ждали. Его ждали в Грозном, в новой школе Октябрьского района, построенной на месте старой, разрушенной войной. Для такого случая в школу приехали ее выпускники.

Город, все его правоохранные структуры готовились к визиту Владислава Владиславовича Букина.

Внешне все выглядело, как обычно накануне прибытия президента: проверка пришкольной территории с собаками, патрули на каждом шагу, рослые сотрудники спецслужб из Москвы, усиленные блокпосты. Обычный отвлекающий маневр, применяемый в подобных случаях службой безопасности президента. Цинично по отношению к тем, кто искренне ждал этого визита, но что делать. В Грозный из Москвы прибыл министр просвещения, который на торжественной церемонии зачитал приветствие главы государства. Владислав Владиславович извинился, что не смог поздравить школьников Чечни лично.

Настоящая подготовка к визиту президента велась, как нетрудно догадаться, в другом месте. Она началась еще в середине августа и проводилась в соответствии со спущенной из центра легендой о том, что в Беслане готовится серия терактов, приуроченных к годовщине трагических событий. Милицейские службы тщательно изучали *контингент* жителей города – от ранее судимых, поднадзорных до приезжих. Лидеров криминального мира по оперативным каналам предупредили, что 1 сентября

они должны сидеть тихо, а лучше им в этот день вообще с глаз долой. Технари, кинологи прощупали каждый квадратный сантиметр территории, где должен был состояться митинг; она была взята под круглосуточное наблюдение, а 31 августа вновь скрупулезно проверена. В окрестных домах в каждую квартиру, окна которой выходили на школу, под тем или иным предлогом зашли участковые, несколько квартир было арендовано на два дня для нужд специальных служб. Чердаки, крыши, мусорные баки – ничто не осталось без внимания борцов с террором. 1 сентября в этих приготовлениях была поставлена последняя точка. Рамка металлоискателя на входе в школьный дворик, аппаратура глушения радиосигналов, снайперы – на своих местах.

Общение президента с народом всегда создает головную боль для его (президента) службы безопасности. Народ в процессе живого с ним общения способен перегибать палку. Стихия! Что происходит в голове у охранника, когда его подопечный вдруг приказывает остановить машину и направляется в толпу, чтобы поговорить с людьми «за жизнь»? Наверное, он внутренне произносит какие-то неласковые слова, вроде: «Ну вот, опять поперся, мастер же нервы мотать!». Ответственный руководитель, по мнению его телохранителей, должен работать в своем кабинете. Однако президентов упорно тянет к массам. Особенно популярных, с непопулярными-то работать легче. Ладно... Когда профессионалы из службы безопасности имеют время на подготовку (а они его имеют не всегда), зона риска превращается в зону спокойствия и мира.

Вот и на сей раз в Беслане все было тщательно подготовлено к приезду высокого гостя. Окрестные дома доброжелательно поблескивали стеклами окон. Чердаки и подвалы больше не казались норами, где укрываются злоумышленники; какое-либо движение там могло означать лишь, что агенты безопасности начеку, они везде. Однако в стройном ходе приготовлений к важной церемонии с участием главы государства вдруг начались сбои. Как обычно бывает, в последний момент, минут за 20 до начала трансляций, уже

проанонсированных телеканалами, и не только российскими. У рамки металлоискателя выстроилась длинная и нервная очередь. Затор вызвали сначала телевизионщики, чью аппаратуру так любят разбирать на винтики сотрудники служб безопасности. Президентский оператор давно был на месте и готов к съемкам. А вот западников почему-то доставили из аэропорта только сейчас, им еще предстояло наладить технику, и они проявляли беспокойство. Потом подошли пять или шесть женщин в черных платках с портретами в руках, по-видимому, представлявшие комитет матерей Беслана. Их здесь не ждали – церемония ведь была праздничной. Противники Букина, имевшие влияние на политизированную часть этой организации, прознали о его приезде и, конечно, не упустили случая омрачить ему мероприятие. Сотрудники службы протокола долго решали, как с ними быть. Западники стали суетливо доставать микрофоны и налаживать телевики. Главный у рамки обсудил что-то по рации и велел женщинам в черном проходить. Он проводил их взглядом и с неудовольствием отметил, что они расположились у самого крыльца школы, обустроенного под трибуну.

Последних стоявших в очереди досматривали в ускоренном режиме. Оксана Притула подошла к рамке вместе с оператором Усмановым, держа одну из его сумок. Вход уже собирались перекрывать. Охранник у рамки узнал ее и приветливо улыбнулся, показав жестом: быстрее, быстрее, ради вас нарушаю порядок. В списке аккредитованных журналистов нашли фамилию оператора Усманова, представлявшего на сей раз телевидение Чеченской Республики. Вместе с ними проскочил, потрясая корочками «Ежедневной газеты», и Коля Чумаков, которого не нашли ни в каких списках, поскольку его там и не было.

Торжество по случаю начала учебного года – Коля угадал – проходило в новой школе, отстроенной в центре города вскоре после теракта, во двореке, отделенном от тротуара высокой металлической оградой. К решетке ограды были прикреплены щиты, поднимавшиеся почти до уровня второго этажа, надежно прикрывавшие от посторонних взглядов все происходившее

внутри. Вдоль ограды, спинами к ней, стояли милиционеры и люди в штатском. Автомобильное движение по магистрали, разумеется, было перекрыто. Поперек улицы, у входа, стояли внушительная передвижная телевизионная станция, похожая на огромный автобус без окон, и пара микроавтобусов, которых телевизионщики называют «флайками». За пять минут до начала торжества заиграла музыка и пространство перед входом на территорию школы стало заполняться людьми.

Во дворике перед крыльцом собралось человек сто – больше бы здесь, наверное, и не разместилось. В центре площадки стояли школьники старших классов с цветами, а также их педагоги, тоже с цветами. Матери Беслана с траурными портретами находились в первых рядах, их черные платки выделялись среди ярких цветов, лент, причесок. Прессе (всего пишущих и снимающих журналистов подъехало человек 20) организаторы определили позицию за спинами основных участников Дня знаний; впрочем, от сцены их отделяло метров тридцать, не больше.

Около 13 часов зазвучала песня «Школьные годы чудесные...» и тут же смолкла. Возникла короткая пауза. Заработали телекамеры, стала слышна иностранная речь – корреспонденты начали готовиться к соединению со своими студиями.

Прямые включения с президентского мероприятия, тем более с Кавказа, из Беслана, где возможны любые неожиданности? Такое во все время пребывания у власти Владислава Владиславовича Букина даже представить было трудно. И все-таки это случилось. В последний год его второго президентского срока. В Беслане.

Из дверей школы на импровизированную трибуну вышла директриса с микрофоном в руке. Она волновалась. Ее переполняли чувства, которые невозможно было выразить в отведенные для нее по протоколу три минуты. Поэтому она уложилась в две. После чего на трибуне опять возникла заминка. Наконец, из двери школы стали быстро выходить люди. Директриса сказала срывающимся голосом: «Мы рады приветствовать на осетинской

земле... к нам приехал... у нас сейчас выступит... президент Российской Федерации Владислав Владиславович Букин! Давайте его поприветствуем!» Аудитория ответила возгласом «У-у!» и одобрительным свистом. (Вопрос об уместности свиста оговаривался накануне с представителем службы протокола. Это нормально, сказал тот, руководители государства привыкли к проявлениям молодежных эмоций.) На переднем плане, спустившись на ступеньку, заняли позиции двое рослых молодых людей с черными дипломатами в руках. За ними встал президент, рядом – могучий мужчина, начальник его охраны. Президент улыбнулся и помахал собравшимся рукой. Он казался смущенным. Несколько раз кашлянул в кулак и произнес в микрофон: «Хороший день сегодня, правда?» – «У-у!» – ответили ему. – «Извините, что я в очках. Мы в Москве отвыкли от такого солнца. У вас тут настоящее лето». – «У-у!»

Георгий Васильевич был спокоен, удивительно спокоен. Да, все проще, намного проще, чем он предполагал в ту ночь, когда Влад огорошил его предложением поучаствовать в этой операции. Короля играет свита. Президентская свита разыгрывала его, как по нотам. «Визит в режиме повышенной опасности» – ни одной VIP-персоны, кроме главы государства, не было в тот момент в бесланской школе. Все, что Пронин в его новом образе делал до настоящего момента, было уместно и не вызывало удивления ни у кого. А речь-то он зачем учил? Ему в ухо вставили миниатюрный передатчик, и суфлер ненавязчиво подсказывал: «Дорогие ребята, учителя, уважаемые жители Беслана...» Он произносил обычные слова, которые слышал много раз по телевизору от разных лиц, и чувствовал, что в его устах они приобретают совсем иное значение.

Он сказал, что бандиты, напав на школу, ставили цель стравить две республики («к месту ли? Слушают, значит, к месту»), но у них ничего не вышло. Ни один террорист не ушел от возмездия («мрачновато... нет, кажется, ничего...»). Пронин чувствовал, что он в ударе, и даже Петрович несколько раз посмотрел на него с изумлением. Еще немного, и его часть операции закончится. Машина, аэропорт, самолет, далее... О дальнейшем лучше сейчас не думать. Он подошел к фразе, которая ему действительно нравилась и казалась сильной. Георгий Васильевич с чувством произнес:

– Я хочу вспомнить сегодня и о двух девушках-чеченках, которые были обманным путем вовлечены в эту чудовищную акцию, но отказались выполнять приказы главаря и были им расстреляны...

Воцарилась тишина. Выдержав паузу, Пронин предполагал перейти к оптимистическому финалу своей речи. Но осекся. На него смотрели ненавидящие глаза его врага.

Этот взгляд пробился к нему именно сейчас. Враг находился перед ним, метрах в двадцати. Он стоял с телекамерой на плече, держа в руке какой-то прибор, яростно на него нажимая, встряхивая и, видимо, не добиваясь нужного результата. Затем он швырнул прибор на землю.

* * *

Пройдя рамку металлоискателя в последние минуты перед началом церемонии, оператор Усманов расположился у ограды, присел, раскрыв сумку. Через мгновение в сумку упал прибор, похожий на миниатюрный мобильный телефон – кто-то ловко просунул его снаружи сквозь щель между щитами. Из ножки штатива оператор выкрутил тонкий стилет длиной в ладонь. Стилет и прибор он положил во внутренний карман джинсовой куртки. Затем с камерой на плече присоединился к группе журналистов.

Где *она*? Усманов искал ее глазами. Одна из женщин в черном платке обернулась. Он смотрел на нее, зная, что это она, и не мог узнать. Они не виделись три года. Усманов слегка кивнул, и она поднесла руку ко лбу – условный сигнал, означавший: я здесь, я знаю, что надо делать. Сейчас ему хотелось прочесть на лице Заремы только одно: готовность совершить *это*. Да, готова, я же здесь, как будто говорила своим видом Зарема. Ты же видишь, что *они* со мной сделали. Со мной, в мои 23 года. Мне больше нет места в этом мире. Я не могу вернуться в дом, в семью. Как и ты... Однако глаза Заремы жили, они были все еще *здесь*, а не *там*. Оператор опасался, что окончательный выбор ею еще не сделан. Быстрее, быстрее... Нельзя им долго находиться среди этих людей, которые хотят жить! Нельзя вглядываться в их лица, слушать их разговоры. Их сестра Роза три года назад тоже была готова совершить *это*, но она побыла среди них и не смогла, предпочтя смерть.

Когда на трибуне появился президент и заговорил, Зарема обернулась и посмотрела на оператора, как бы спрашивая: и что, я должна убить этих людей? Потом обернулась еще раз. Оператор повторял про себя: «Ну же, ну!» Этот человек называет их бандитами. «Ну!» Он говорит, что ни один «бандит» не ушел живым. А я? Я, который был там и делал видеосъемку? Он лжет. «Ну!» И тут президент заговорил о девушках-чеченках, отказавшихся выполнять приказ главаря, предпочтя смерть... Зарема обернулась к брату и чуть заметно покачала головой. Она стала потихоньку продвигаться к выходу. Значит, он должен сделать это сам, выбора у него не остается.

Оператор вытащил из кармана прибор и набрал на нем цифры: 1,0.9. Сейчас должен прогреметь взрыв. Но его не последовало. Он опять набрал код. Ничего. Радиосигналы глушат, понял оператор. Он швырнул прибор на землю, сбросил с плеча камеру и закричал:

– Врешь! Не все шахиды убиты! Здесь я! Я, Аслан! – он схватил за волосы стоявшую рядом с ним светловолосую девушку, прижал к себе и приставил к ее горлу стилет.

В первые мгновения никто ничего не понял.

– Ты что, спятил? Отпусти ее, – закричал Коля Чумаков, увидев искаженное от боли и ужаса лицо Оксаны. Он попытался схватить оператора за локоть, но тот коротким движением выбросил в его сторону руку со стилетом, и Коля рухнул на колени, хватаясь руками за горло. Сквозь его пальцы хлестала кровь.

Аслан, таща за собой Оксану, попятился, пока не прижался спиной к ограде.

– Трус! Иди сюда, президент! Иди, я отдам тебе ее! Ты ведь не дашь ей умереть?

– Я иду, Аслан, – неожиданно раздалось с трибуны. – Не убивай ее.

Охрана президента сработала автоматически. Черные чемоданчики, которые держали стоявшие на ступеньках трибуны двое парней, превратились в бронированные щиты. Несколько мощных мужчин с разных сторон бросились к оператору, расталкивая участников церемонии, из которых не все еще поняли, что случилось. Петрович обхватил подопечного руками, намереваясь увести, а может, унести его с трибуны в дверь. Но его смутил возглас Пронина и решительность, которая вдруг в нем проявилась. Георгий Васильевич вновь произнес:

– Я иду, Аслан.

Хватка Петровича ослабла. Его первая реакция была инстинктивной, направленной на то, что охраняемое лицо должно быть немедленно уведено с места происшествия, поскольку у террориста могли быть сообщники. Но

сейчас Петрович чувствовал кожей: происходит нечто необычное, что нельзя было предусмотреть и нельзя пресекать в свете последних событий. «Не стрелять!» – крикнул он громовым голосом.

«А это было бы, пожалуй, выходом для Петровича на тот случай, если Букина не найдут, – мелькнуло в голове у Пронина. – Президента не похитили, он геройски погиб, спасая заложницу. Красиво...»

Георгий Васильевич сделал шаг к краю трибуны. Он не знал, позволят ли ему сделать следующий шаг в сторону преступника, но он был уверен, что поступает правильно, что иначе поступить не может. Моральное превосходство над бандитом – вот что нужно показать сейчас всему миру. Он был готов к этому с того момента, когда согласился участвовать в операции.

Глава четырнадцатая,
в которой наносится сокрушительный удар по коррупции в одном из
эшелонов власти

«Какая же мразь!»

Проснувшись 1 сентября и охарактеризовав таким образом своего сподвижника, Владислав Владиславович Букин несколько секунд оценивал обстановку, что в переводе на гражданский язык означало: приходил в себя. Комнату он успел осмотреть еще перед сном. Она напоминала небольшой номер гостиницы экономического класса. Справа от его кровати, под рукой – столик с двумя креслами, дальше – телевизор, на противоположной стене – плотно занавешенное окно. Освещение в комнате создавало бра, горевшее в изголовье кровати. На столике стоял поднос с чашкой кофе и печеньем. Кофе был горячим, значит, поднос внесли только что. Внесли и зажгли бра, от этого он проснулся.

Однако сколько же времени? Владислав Владиславович взял часы со столика. Без четверти час! Не подмешал ли ему пучеглазый чего-нибудь в кофе во время их беседы? Однако к кофе он не прикоснулся, как и к коньяку. И состояние бодрое, не сказать, что принимал снотворное. Поздно заснул – в седьмом часу утра, в этом все дело. Стало быть, у них до сих пор нет новостей. А остановились они на том, что вот-вот должны доставить ноутбук из прониной квартиры. А ее ведь обворовали! Ситуация...

Пленник оделся, не забыв водрузить на нос очки, подошел к окну и раздвинул шторы. В первое мгновение ему показалось, что он находится на борту теплохода. Окно имело форму большого иллюминатора. За ним простиралась бескрайняя водная гладь. Снизу вода, сверху небо цвета воды, чуть светлее; две свинцовые стихии сходились вдали, образуя едва заметную линию горизонта. Букин вдруг понял, где он находится. Минут двадцать от города, поворот, подъем, немного по песочку, проселочная дорога – и вид, прекрасно ему знакомый. Это берег Сестрорецкого разлива. Какой-то из

новых особняков, выросших у воды. Одно из самых красивых мест близ Питера. Километрах в двух-трех отсюда, если напрямик, находится знаменитый шалаш, в котором будущий хозяин Российской державы (его далекий предшественник) Ленин в 1917 году, перед революцией, скрывался от Временного правительства и писал свои огнедышащие работы. Живописное подобрал место. Ленинский музей после распада коммунистической державы сохранился и даже был отреставрирован, став музеем революции. А совсем рядом, в нескольких сотнях метров отсюда по суше, находится самый, наверное, забавный мемориал в России. Он представляет собой обыкновенный сарай под стеклянным колпаком. Даже не сарай, а его муляж, поскольку оригинал давно сгнил. Считается, что в таком сарае вождь провел ночь перед тем, как рабочий-большевик Емельянов отвез его на лодке в укрытие. По этому самому Сестрорецкому разливу.

Скоро здесь будет еще один мемориал, эпохи дикого капитализма – «В этом доме выколачивали деньги из президента Российской Федерации В. В. Букина», усмехнулся пленник.

Владислав Владиславович включил телевизор и нажал на пульте управления кнопку «1». На экране плясали какие-то мужики, переодетые тетками. Он нажал кнопку «2» – на экране плясали они же. Страна жила нормальной жизнью. Пусть будет первый канал. Наконец, внизу экрана появилась бегущая строка: «Изменение в программе. В 13.00 – прямое включение из Северной Осетии, со встречи президента РФ В. В. Букина со школьниками г. Беслана». Через шесть минут начнется.

Дверь отворилась без стука. В комнату зашел человек в форме охранника, а за ним – ночной собеседник Букина. Выглядел Николай Николаевич неважнецки: помятое землистое лицо, воспаленные, еще более выпученные глаза; человек либо не спал, либо... Второе «либо» оказалось ближе к истине. После окончания их вчерашней беседы в четвертом часу утра он, несомненно, *расслабился*. Операция шла как по маслу, если не считать нелепой истории с ограблением пронинской квартиры, в которой еще

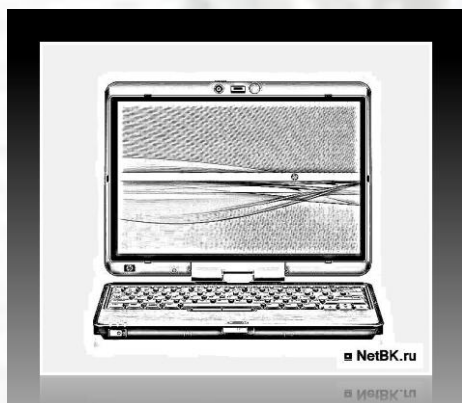
предстояло разобраться. Главное, что клиент, поломавшись, согласился играть предложенную ему роль. Доволен генерал, довольно руководство корпорации «Нефтегазэкспо», к которой отойдет наследство «СеверОйла»; в этой корпорации он числился консультантом при службе безопасности. Николай Николаевич (которого звали, разумеется, иначе), в прошлом «важняк» при генеральном прокуроре, *снял нечеловеческое напряжение* – иными словами, рюмка за рюмкой уговорил 0,75 коньяка. В старое бы время ничего при его комплекции, но годы уже не те, к тому же на этой дурацкой даче (ее корпорация арендовала на летний сезон) кондиционеры работают через один. «Давление... Погода, наверное», – пояснил он генералу свое состояние.

Действительно, за окнами стояла непривычная для первого дня осени духота.

Утром они с генералом успели обсудить план закрепления достигнутых накануне успехов. В понедельник Георгий Васильевич переведет первый транш с кипрского офшора на указанный ему счет. Для него придумают легенду – почему он вдруг уехал из Питера на несколько дней и не выходил на связь. Он сделает звонки своим коллегам – все в порядке, скоро вернусь. Сам придумает, какие дела его забросили, скажем, в Москву. Отпустят ли Пронина сразу в понедельник? Может быть. Дальнейшее Николая Николаевича уже не касается. Но как умный человек он понимал, что нефтяник Перетолчин в этой схеме становится лишним. Что конкретно случится с нефтяником – инфаркт, инсульт, приступ астмы или что-то иное – не его ума дело, людям с таким букетом заболеваний вредно заниматься столь серьезным бизнесом. А у Николая Николаевича скоро тоже будет своя дача, у воды. Не такая шикарная, зато с исправными кондиционерами.

В 13.30 генералу Сутормину надлежало убыть в Москву: вечером в Кремле президент проводит совещание с силовиками. До его отъезда надо расставить все точки над «i», закрепить результаты вчерашнего разговора. От Пронина требуется искренне сотрудничать с представителями государства и

не слишком привередничать при обсуждении условий. Если обманет... Тут генерал развел руками, словно говоря: мы и так много сделали для спасения этого парня, пусть пеняет на себя. «Пойди, еще попрессуй его. И компьютер покажи. Пусть знает, что он с потрохами у нас в руках». Поэтому, войдя в комнату к пленнику с пакетом, Николай Николаевич выждал паузу и показал, что он принес:

– Привезли, Георгий Васильевич. Узнаете?

– А откуда он? Вы же говорили, что мою квартиру ограбили?

– Открыли ключиком и взяли. Про квартиру нас неправильно информировали, там все в порядке, – соврал Николай Николаевич.

Он отдал пакет с ноутбуком охраннику, после чего тот вышел. Николай Николаевич тяжело опустился в одно из двух кресел, развернутых в сторону телевизора.

А ведь компьютер Пронина был черного цвета, вспомнил пленник! Черная черепаховая крышка с красивым тиснением «Г.П.» посередине! Владислав Владиславович запомнил ее не только глазами, но и пальцами, и подумал тогда: надо бы себе заказать такой же. А у этого серебристый корпус! Точно. Это что же, разводка с их стороны, проверка? Но зачем, смысла не видно. А-а! Им подменили этот ноутбук... И теперь люди Петровича вышли на наш след. Он представил шок жирного генерала Сутормина, когда его положат мордой на пол. Эта крыса даже не сообразит, почему ее *так* из-за какого-то коммерса. Букин понимал, что операция по освобождению даже такого заложника, как он, требует некоторой подготовки. Их не арестовали сразу, значит, их выследили, может быть, вмонтировали в этот компьютер маячок. Скоро группа захвата будет у ворот. От города сюда добратья – полчаса. Вот максимум через полчаса... Во всяком случае, спасение рядом. Владислав Владиславович с удовлетворением

отметил, что за все часы после своего похищения он ни разу не поддался панике, полностью контролировал свои эмоции и поступки; его преподаватель Гусаров из разведшколы вряд ли в чем-то мог бы его упрекнуть. Букин еще раз оправдал свою старую профессиональную характеристику: «пониженное чувство опасности».

– Ну-с, продолжим, – сказал Николай Николаевич. – О главном мы вчера договорились, не так ли? Превосходно. – Он налил в стакан воду и выпил крупными глотками, раздувая покрытую нездоровыми пятнами шею, как кобра. – Уточним ваши условия. И наши.

– Сначала я умоюсь.

– Я подожду, – сказал Николай Николаевич дружелюбно. В этот момент он в очередной раз подумал, что у него тоже скоро будет дача на берегу залива. Благодаря Пронину, как ни крути... – Только имейте в виду, Георгий Васильевич, что в половине второго Иван Иванович уезжает в Москву. У нас не так много времени.

«Еще бы, ему ведь надо поспеть ко мне на совещание».

– Кто такой Иван Иванович?

– Наш генерал. Вы вчера с ним познакомились.

К началу трансляции из Беслана Букин расположился в кресле рядом с Николаем Николаевичем. События, разворачивающиеся на экране, вскоре полностью завладели их вниманием. Скрытое напряжение происходящего передалось даже физически страдающему, толстокожему Николаю Николаевичу. Букин ждал, затаив дыхание. Это походило на мистику. В эти минуты он тоже, как и Петрович, был уверен: что-то сейчас произойдет. *Они* должны попытаться использовать свой последний шанс. Именно здесь, на месте своего кровавого позора, приведшего их к поражению в последней войне. Вот, оказывается, как это выглядело бы со стороны. Что произойдет: взрыв? выстрел? «Держись, Егор. Держись!» – думал Владислав Владиславович, совершенно забыв о своем собственном положении, в котором ему требовалось не меньше хладнокровия и удачи.

Многие детали того, что произошло в следующие мгновения во дворе бесланской школы, прояснятся позднее. Кадры покушения будут многократно прокручены телекомпаниями всего мира с подробнейшими комментариями и разойдутся по Интернету. Вот женщина в черном платке начинает движение в сторону от трибуны. Это – шахидка, она отказалась приводить в действие взрывное устройство. А вот ее брат, проникший на митинг под видом оператора, берет в заложницы журналистку. Коллега бросается ей на помощь, но тот убивает его ударом ножа. Террорист-смертник, доведенный до крайней степени отчаяния (история Аслана и двух его сестер тоже будет расписана во всех красках), предлагает президенту подойти и освободить ее. Он хочет унижить своего врага, раз уж не удалось его убить. Сейчас президент скроется с поля боя, и кровь девушки ляжет на его совесть...

А что поняли телезрители, наблюдавшие происходящее в прямом эфире? Они увидели, что во дворе школы началась какая-то суматоха. Речь президента неожиданно прервалась. Кто-то из операторов вступил с ним в перепалку. Потом изображение несколько раз дрогнуло. И финальные кадры этой драмы: террорист стоит, прижавшись спиной к ограде, перед собой он держит девушку в белом, обхватив ее рукой за шею, другой рукой приставив к ее горлу нож. Девушка висит в его руках, как большая белая рыба, уже прекратившая сопротивляться. («Это Оксана Притула», – узнал Букин). Полукругом в радиусе метров пяти расположились сотрудники службы безопасности, в позе полуприсед, вытянув руки вперед, изготовившись к стрельбе... Пучеглазый Николай Николаевич таращился на экран в полнейшем изумлении. В последний раз он наблюдал такое в 2001 году, когда, очнувшись от дремы, вдруг увидел в телевизоре, как самолеты врезаются в небоскребы Нью-Йорка. За кадром слышалось бормотание, и было непонятно, в какой реальности это происходит.

– Оставь ее, Аслан, я иду, – раздался твердый голос.

И тут произошло труднообъяснимое. Террорист почему-то оттолкнул от себя белую рыбу, свою единственную защиту. И в то же мгновение его тело задергалось, привалилось к ограде и застыло в неестественном изгибе. Девушка с истошным криком на четвереньках поползла вдоль ограды. И только тут трансляция прервалась. Весь эпизод длился полминуты, большинство телезрителей, наверное, не успели понять, что произошло на их глазах.

Владислав Владиславович понял главное: Егор только что сделал ему биографию. Президент России был готов рискнуть жизнью ради спасения обычной журналистки, захваченной бандитом. За такие жесты политикам прощают все. Он уйдет героем, победителем, а человек, которого он назначит преемником, будет автоматически вознесен к вершине власти. Однако Владислав Владиславович понял и другое: ему теперь предстоит жить с чужой биографией. Сумеет ли? Не в том даже дело, что это однажды вскроется, – сможет ли он себя уважать? Получается, пока Егор геройствовал в Беслане, он сидел тут и ждал, пока приедут большие дяди с автоматами и его освободят. Нет, он должен сделать себе резервную биографию, не менее

героическую. «Ты, Егор, сделал биографию мне, а я сделаю ее тебе», – решил он.

– Мне нужно наедине переговорить с вашим генералом, – сказал он Николаю Николаевичу. – Я хочу сообщить ему чрезвычайно важную информацию. Лично ему. Пойдите и передайте.

Голос пленника прозвучал властно. Николай Николаевич не удивился, молча кивнул и поплелся к выходу. Ему стало совсем лихо. Если генерал согласится расставить нужные ему точки над «і», то оно и хорошо.

Букин усиленно соображал, каким образом он заставит Сутормина вывезти его отсюда. Прямо сейчас, еще до прибытия группы захвата.

* * *

Вскоре в комнату вошел генерал Сутормин. Он опять напомнил Букину моржа, вытащенного на сушу, – огромный, тяжело дышащий, на вывернутых ногах-ластах. Он был готов к отъезду, из-под расстегнутого пиджака виднелась кобура. Генерал держал в руке носовой платок, которым тер лоб, щеки, но капли пота все равно блестели на его багровом лице.

Заместителю директора ФСБ было за 60, давно пора на пенсию, и каждый год президентским решением ему продлевался срок службы. Он выглядел озабоченным, отрешенным и о чем-то напряженно размышляющим. Его размышления, несомненно, были связаны с тем, что он минуту назад увидел в телетрансляции из Беслана. Сутормину надо срочно на Лубянку, немедленно узнать, какие ветры дуют в связи с покушением на президента, подготовиться к вопросам, которые адресуют лично ему. А тут еще приходится валандаться с этим ничтожным Прониным. И сердце прихватило как назло. Проклятая духота.

Раздраженно спросил:

– Что вы хотели мне сказать?

Пленник разглядывал стоящего перед ним огромного, но рыхлого Сутормина. Он представил, как упадет эта туша. С грохотом и ревом, так что сбежится охрана. Этого нельзя было допустить.

– Михаил Васильевич... – начал он.

Глаза Сутормина мгновенно сузились. Он со злобным удивлением уставился на пленника. Владислав Владиславович совершил ошибку и тут же понял это. Пронину не полагалось знать настоящего имени *Ивана Ивановича*. Больше медлить было нельзя. Букин шагнул вперед и резко костяшками пальцев правой руки ударил генерала в горло, под кадык. Тут же он заломил хрипящему Сутормину руку, завалил его на пол, оперевшись коленом в бок. Толстяк только пыхтел и морщился от боли, не в силах кричать. Букин снял очки и приблизил свое лицо к лицу противника. «Узнаете, Михаил Васильевич?» Глаз Сутормина расширился и сделался диким. Ему, несомненно, показалось, что он сошел с ума. Президент России?! Здесь, откуда?! Что все это может означать?! Букин проговорил, держа руку противника на изломе: «Сейчас вы вывезете меня отсюда. Максимум, что я вам гарантирую, жизнь, свободу и отставку». Генерал закивал головой. Владислав Владиславович вытащил из его кобуры пистолет и ослабил хватку. Поднялся.

– Я... я ничего не понимаю, – хрипел Сутормин. – Почему вы? Как вы здесь? Мы проводили операцию...

– Все, все, пошли. Сейчас я не буду вам ничего объяснять. Жизнь, свобода и отставка. Поняли? Если что – стреляю без предупреждения.

Букин понимал, что в его распоряжении еще две-три минуты, после чего Сутормин наверняка придет в себя и попытается выкинуть какой-нибудь фокус.

Охранник, сидевший перед мониторами видеонаблюдения напротив комнаты гостя, увидел удивившую его картину. Из комнаты вышел генерал, но не один, а с *гостем*, который держал пиджак перекинутым через руку. Генерал сказал: «Мы уезжаем вместе». Они стали спускаться по винтовой лестнице, которая начиналась тут же, у двери. *Иван Иванович* передвигался с огромным трудом, с еще большим, чем обычно, к тому же он выглядел

каким-то помятым, а левый рукав его пиджака был покрыт пылью. Охранник проводил их взглядом и побежал докладывать.

Прямо у крыльца стоял черный пятисотый «мерседес», готовый к тому, чтобы доставить генерала в аэропорт. Сутормин открыл переднюю дверь машины, показав шоферу знаком, что он сам сядет за руль, и добавил: «Останешься здесь». Букин разместился на заднем сиденье, за ним. Двор дачи был пуст. Сколько людей находилось в особняке, Владислав Владиславович так и не смог понять; они то появлялись, когда было нужно, то исчезали, чтобы не смущать своим присутствием VIP-гостей вроде генерал-полковника ФСБ, не заинтересованных в том, чтобы здесь светиться. Владислав Владиславович видел, что Сутормин постепенно приходит в себя. Он что-то мучительно обдумывал, как будто стоял перед выбором. И даже больше не делал попыток оправдаться. Президентский гипноз перестает действовать, понял Владислав Владиславович. Генерал думает о спасении своей шкуры. Надо быть готовым ко всему... Машина медленно тронулась с места. Массивные ворота стали открываться. До свободы оставалось не больше двадцати метров.

Михаил Васильевич Сутормин давно приучил себя ничему не удивляться. Драматические кадры из Беслана оставили его почти равнодушным. Да, прокололись ребята из службы безопасности. Как-нибудь они выкрутятся, а чем покушение на президента в Беслане обернется лично для него, Сутормина? И вообще там не все ясно, похоже на инсценировку. Чтобы шахидку пропустили на митинг? И какой-то парень пошел на главу государства с ножом? Эти трюкачи-технологии перед выборами и не такое придумают. Конечно, узнав в похищенном ими коммерсанте Пронине президента России, он пришел в состояние, близкое к умопомешательству. Он не мог понять главного: что за всем этим стоит? Сомнений нет: вчера ночью они украли президента Российской Федерации. Наверное, Букину пришла в голову блажь разыграть какой-то спектакль с переодеванием. Допустим. Но тогда почему их до сих пор не положили мордами на пол? Они

ведь могли запросто его грохнуть. Значит, Букина действительно потеряли и где он сейчас, не знают. Следовательно... И другое стало ясно Сутормину как божий день. За решетку его, возможно, и не отправят, по-тихому спровадят в отставку, но жить ему не дадут. Мало того, что заместитель директора ФСБ оказался банальным рэкетиrom, крысой. Он стал причастен к исключительно важной для команды Букина тайне. Кто же поверит, что ему позволят ловить рыбку на генеральской даче? Через пару месяцев звуки военного оркестра на Троекуровском кладбище – это куда вероятнее.

Черный «мерседес» медленно приближался к открывающимся воротам, а сидящий за его рулем Сутормин еще не решил, что предпринять. За воротами его ждали позор и, наверное, смерть. Букин молча сидел сзади, держа его на мушке. Двадцать метров, пятнадцать... Генерал увидел, что из особняка стали выскакивать люди с пистолетами и помповыми ружьями. И Сутормин решился. Он потянул левой рукой рычажок двери и стал грузно вываливаться из машины. Сейчас раздадутся выстрелы. Но *это* сделает не он. И то, что произойдет, – трагическая ошибка. Они проводили профилактическую беседу с коммерсантом, который выводил за рубеж крупные средства, укрывая их от налогообложения. Коммерсант завладел оружием и попытался взять в заложники генерала ФСБ. Это был президент Букин?! Что-о?! Бред какой! Кому такое могло прийти в голову? А если президенты станут в убийц переодеваться? Чудовищная ошибка – да, но первый спрос – с тех, кто задумал эту идиотскую мистификацию.

Сутормин лежал на песке, закрыв голову руками. Он ждал.

И в этот момент раздались выстрелы. В воздух. Автоматные очереди, крики «Лежать! Всем оставаться на местах! Лежать, кому сказано!» Во двор дачи влетел микроавтобус, из которого на ходу выпрыгивали бойцы в черных масках с прорезями для глаз и черной спецодежде с надписями «ФСБ России» на спинах. Сутормин тяжело поднял голову. Он сделал попытку встать на ноги, держась за дверцу машины. Резкая боль ударила его в сердце,

парализовала все его тело. «Это к лучшему... к лучшему», – успел пробормотать он. И рухнул на спину, широко раскинув руки.

* * *

– Георгий Васильевич, с вами все в порядке? Вы в безопасности.

Седой, приземистый мужчина в штатском помог заложнику выбраться из машины. Рослые спецназовцы взяли их в кольцо. Внутри особняка слышалась беготня, раздавались крики «Лежать!», обращенные, по-видимому, уже в пустоту, поскольку никто и не думал сопротивляться. Несколько человек лежали во дворе, держа ладони на затылках.

– Полковник Жеваго, – отрапортовал седой.

– Все в порядке, спасибо.

«Этот Пронин – крепкий мужик», – с уважением подумал Жеваго, глядя на невозмутимого и неопределенно улыбающегося человека, которого они только что освободили со стрельбой. А Букин улыбался, потому что он знал полковника. Спектакль с переодеванием продолжался. Но кто теперь, после случившегося, упрекнет Букина, что задуманная им операция была блажью?

– У меня приказ доставить вас на базу, Георгий Васильевич.

– Поехали. Кстати, соедините меня с Петровичем... ну, то есть с вашим непосредственным руководителем. Который сейчас в Кремле... или где он там.

Седой полковник передал свой мобильный аппарат освобожденному пленнику. Они шли в кольцо охраны к машине. Жеваго слышал обрывки фраз. «Да, все в порядке... Дай-ка трубу нашему приятелю... Привет... Да, видел, молодец... Ну, еще неизвестно, кто кому помог... Я тут тоже за тебя кое-какие дела порешал... Дождись, потолкуем... Спасибо в любом случае, до встречи...»

Этот Пронин запросто говорил с кем-то находящимся рядом с начальником службы безопасности президента, удивлялся Жеваго. Интересно, с кем?

– Значит, Георгий Васильевич, вы тоже давно знакомы с Петровичем? То-то, я смотрю, мы с вами где-то виделись, а где – никак не вспомню!

...В очередном номере ведомственной правоохранительной газеты появилось короткое сообщение, что заместитель директора ФСБ России генерал-полковник М.В.Сутормин трагически погиб при проведении операции по освобождению заложника. Руководство службы выражало соболезнование близким и друзьям покойного. О представлении Сутормина к государственной награде не упоминалось.

Гражданская панихида, сообщалось, пройдет 4 сентября в Москве, на Троекуровском кладбище. Впрочем, газета вышла в свет 5 сентября.

Глава пятнадцатая,

в которой герои пытаются понять, что же с ними произошло

Вечером в воскресенье дежурный по РОВД позвонил подполковнику Найденову и сказал, что журналистка Притула просит дать номер его мобильного. Буквально умоляет. Дать? «Дай».

Девушка немедленно позвонила.

– Владимир Ильич! Вы *это* видели?

– Чуть с ума не сошел, переживая за вас, Оксана. Как вы себя чувствуете?

– Хуже некуда. Мне нужно встретиться с вами, Владимир Ильич. Очень-очень-очень! – она прилагала усилия, чтобы не заплакать.

– Рад буду встретиться. Хоть сейчас. Но я бы хотел пригласить вас в местечко попримечнее.

– Не надо попримечнее. Мне понравилось у Халиля. Давайте опять у него. Можно?

– Тогда предлагаю завтра утром. В другое время я просто не рискну вас туда пригласить. Часов в десять устроит? Не надо ко мне заходить, я сам за вами заеду.

В понедельник утром подполковнику еще предстояло завершить кое-какие дела. В девять часов в РОВД зашел Сарафанов, вызванный туда накануне сотрудником Найденова. Опер отдал ноутбук и две тысячи долларов потерпевшему, а тот взял обратно свое заявление, которое в РОВД еще не зарегистрировали.

– Ну и как он среагировал? – поинтересовался подполковник.

– Поначалу был в шоке. Потом спросил: «А воров нашли?» Я говорю: «Нет. Это мы нашли оперативным путем, считайте, подбросили. А воров мы ищем, ищем!» Мне кажется, он решил, что мы чуть ли не сами организовали эту кражу, а потом испугались и все вернули. Ушел недовольный.

Ильич усмехнулся: знал бы этот Сарафанов, какую роль сыграл его компьютер два дня назад! Этому ноутбуку место в музее криминалистики, рядом с пистолетом Держинского и простреленным сюртуком Ленина. Подполковник вполне отчетливо представлял масштабы завершившейся операции. Какая-то шишка из ФСБ там помер, а чекисты радуются, как дети, говорят, что операция прошла успешно. Жеваго намекает на благодарность от самого президента. Ну и заложничка мы там освободили!

Уже выходя из кабинета, чтобы ехать на встречу с Оксаной, Ильич столкнулся на пороге с мадам Сарафановой. Она благодарно улыбалась.

– Владимир Ильич, я пришла сказать вам «спасибо». Вы не сердитесь, пожалуйста, на моего мужа. У него нервная работа. Он остынет, и мы вместе придем вас поблагодарить.

– С чего вы взяли, что я сержусь? Желаю вам всего хорошего. И сигнализацию подключите, сигнализацию! А то опять влезут.

Сарафанова помялась и сказала:

– А компьютер-то не наш, Владимир Ильич.

– Как не ваш?! А чей он?

– Вы меня спрашиваете?

– Ах да... дурацкий вопрос. Он хуже, что ли?

– Не хуже. Другой. Но это я так просто. Спасибо еще раз, до свидания.

* * *

На сей раз Халиль приветливо кивал не только Найденову, но и его спутнице. Он сам подошел принять заказ. «Сегодня мы не спешим», – сказал ему подполковник и хлопнул себя по нагрудному карману, что означало: плачу сам. Владимир Ильич был заметно свежее и веселее, чем в прошлое посещение. «Люди пришли отдохнуть и деловых разговоров не предвидится», – смекнул бармен. И еще шире заулыбался.

– Я так и не понял, Оксана, что там произошло у забора? – сказал Найденов. – Почему этот тип вас от себя оттолкнул?

– И хорошо, что не поняли. Я два дня сгорала со стыда. Потом мне рассказали, что нас не показывали крупным планом. Еще не хватало, чтобы вся страна наблюдала, как девушка блюет. Меня вырвало на этого типа! Да не смейтесь же. Вывернуло наизнанку буквально! Он как-то инстинктивно меня оттолкнул, и его застрелили. Не к столу, конечно, будет сказано.

Найденов было расхохотался, но осекся, увидев в глазах девушки слезы.

– Теперь вы вошли в историю, Оксана. У вас будут брать интервью.

– Я буду рассказывать, что накануне подполковник Найденов накормил меня какой-то гадостью и напоил водкой. И тем спас жизнь мне и президенту. Вас наградят.

– Или снимут погоны. Это гораздо вероятнее.

– Знаете, Владимир Ильич, я постоянно прокручиваю эти события в голове. Мне кажется, президент что-то чувствовал. Ребята его видели утром в аэропорту. Говорят, он как-то странно с ними поздоровался, не глядя – и ходу. И этот режим секретности. Как вы думаете, он знал, что будет покушение?

– Не исключено... Раз был режим секретности. А кто этот парень с ножом? Откуда он взялся? Вы его знали?

– Еще бы не знали! Парень Марьянки с телевидения. Она сейчас просто в истерике. Звонит мне каждые пять минут, просит прощения. А ей самой нужно к психиатру. Она ведь за этого типа замуж собиралась. Мы еще с ней затеяли опрос в Интернете, стоит ли русской выходить замуж за чеченца, чем это чревато. Была жуткая дискуссия. И на тебе – террорист! Бедная Марьянка.

– А что вам отвечали: можно выходить?

– Разное отвечали. Стебались в основном. Одна говорила: «Будешь за ним, как за каменной стеной», а другая: «...третьей женой, ага». Вывод из таких дискуссий всегда один: любишь – выходи замуж, но знай, на что идешь. А последний пост был, знаете, какой?

– Какой?

– «Он тэбя зарэжэт»... Ой, сколько нам еды нанесли, кто же это все съест?

Их столик был сервирован примерно так же, как в прошлый раз, только более изящно. В центре столика появилась ваза с цветами. Халиль принес от себя бутылку французского вина и наполнил бокал Оксаны.

– Спасибо, Халиль. Хорошее вино. Водку я сегодня не буду.

Они с Найденовым выпили за успешное завершение Оксаниных приключений.

– И вот что еще меня поразило, Владимир Ильич. Мне показалось, что этот Усманов, или как там его, перестал меня узнавать. Сразу, как только мы вошли во двор школы. Смотрел на меня пустыми глазами, как на вещь. Что это такое? Я читала, что, когда человек предчувствует свою гибель, с ним такое может происходить. Из него за несколько минут до смерти выходит душа. И душа как бы со стороны наблюдает, как себя ведет это тело. Вы сталкивались с таким? Или, может быть, он наркоты накачался?

– Про душу и тело, честно говоря, не слышал. Про наркотики слышал.

При этих словах подполковника его телефон завибрировал на поверхности стола.

– Слушаю, Найденов.

– С вами, Владимир Ильич, говорят из администрации президента Российской Федерации, – отчетливо раздалось в трубке.

– Слушаю.

– Вы можете сейчас разговаривать конфиденциально?

– Могу.

– Соединяю вас с президентом России Владиславом Владиславовичем Букиным.

Подполковник плотно прижал аппарат к уху, поднялся с места и сделал несколько шагов от столика.

– Здравствуйте, Владимир Ильич. Я хочу поблагодарить вас за помощь в раскрытии преступления, совершенного против моего друга. Вы понимаете, о чем я говорю. Надеюсь вскоре сделать это лично. Вы в ближайшую неделю не уезжаете из Питера?

– Никак нет, Владислав Владиславович.

«Да хоть бы и собирался. Куда я денусь с подводной лодки».

– Тогда до встречи.

– И у вас есть знакомый по имени Владислав Владиславович, – подколола Оксана подполковника, когда он вернулся за столик.

– Куда мне за вами угнаться.

– А я, знаете, ухожу из президентского пула. Хватит, все!.. Но вы опять о чем-то думаете, Владимир Ильич. О своей паршивой, нескончаемой работе? Неужели вы не можете забыть о своих кражах хотя бы сейчас, в обществе молодой, привлекательной девушки? – в ее голосе, отметил Ильич, все отчетливее звучало кокетство.

– У меня тост, милая Оксана.

– Это другое дело. Я вся внимание.

– У нас, сыщиков, есть такое понятие: «включить дурака». Звучит грубовато, я понимаю. Смысл его в том, что не во всем в жизни надо разбираться до конца. В любом расследовании надо уметь поставить точку.

– Меньше знаешь – крепче спишь?

– Приблизительно. У каждого человека есть право на тайну. Это я вам говорю уже не как сыщик, а как бывший учитель. И давайте с вами выпьем за тайны, которые сближают людей, как бы странно это ни звучало.

– За тайны, которые сближают... Как хорошо!

Впервые за последние двое суток Оксана чувствовала в себе умиротворение. В ней просыпалась надежда на то, что шок, пережитый ею, постепенно пройдет. Ей захотелось прижаться к подполковнику. И написать что-нибудь хорошее. О любви.

